

921384

В.В.ЛАРИН

ГРЕЧЕСКАЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНО-
МОРЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК УССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. В. ЛАРИН

ГРЕЧЕСКАЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕОРИЙ
КОЛОНИЗАЦИИ)

921384

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
Киев — 1966

*В книге освещается ранний этап существова-
ния древнегреческой цивилизации в Северном При-
черноморье: причины и характер греческой коло-
низации, экономическая и социальная структура
общества, характер взаимоотношений с негрече-
ским родоплеменным миром и т. д.*

*Книга представляет интерес для историков
древнего мира, археологов, преподавателей и сту-
дентов гуманитарных вузов и для более широких
слоев интеллигенции, интересующихся историей на-
шей родины.*

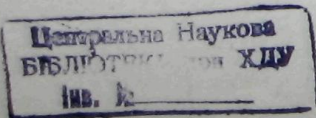
Ответственные редакторы:

доктор филологических наук проф. А. А. Белецкий
кандидат исторических наук И. В. Яценко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема настоящей работы возникла и
определилась в процессе изучения археоло-
гических материалов поселения на о. Бере-
зани. В наше время, когда задача координа-
ции исследований с целью избежания
дублирований в разработке наиболее акту-
альных проблем стоит так остро, было бы
непростительной роскошью братья за изу-
чение проблемы, казалось, давным-давно
решенной и изложенной во многих трудах.
Однако по мере ознакомления с памятни-
ками Березани выяснилось, что они нахо-
дятся в явном противоречии с существую-
щими ныне представлениями о характере
Березанского поселения и с концепцией
греческой колонизации Северного Причер-
номорья в целом. Это повлекло за собой
более или менее подробное изучение всей
основности отечественной литературы по
вопросам греческой колонизации, а также
критическую оценку этой литературы.

Настоящая работа ни в коей степени не
pretендует на то, чтобы дать развернутую
картину причин, характера и конкретной
истории греческой колонизации. Более
того, ряд существенных аспектов пробле-
мы, например социально-политическая
организация ранних греческих полисов, был
сознательно опущен. Основное, к чему
стремился автор, — это дать постановку

вопроса и попытаться наметить методические пути его решения. Именно попытаться. Обольщать себя тем, что и в пределах поставленной задачи сделано все возможное, не приходится.

Тексты из сочинений античных авторов даны нами в широко известных переводах выдающихся отечественных переводчиков Ф. Г. Мищенко, В. В. Латышева, С. А. Жебелева и др. Авторы новейших переводов или случаи, когда по тем или иным соображениям мы даем собственный перевод источника, оговорены в тексте особо.

Пользуемся случаем выразить свою признательность К. М. Колобовой, Л. М. Славину, А. А. Белецкому, Я. В. Доманскому, В. Н. Даниленко, Л. Д. Дмитрову и всем товарищам из Кивва, Ленинграда, Одессы, в той или иной степени принимавшим участие в создании этой работы своими советами и критическими замечаниями.

Глава I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Термин «колонизация» не вполне точно определяет сущность переселенческого процесса, охватившего древнюю Грецию в VIII—VI вв. до н. э., поскольку он заимствован из сферы явлений римской, а не греческой общественной жизни: римская или латинская *colonia* не идентична греческой ΑΠΟΙΚΙΑ; ей не идентична даже афинская ΚΛΗΡΟΥΧΙΑ V в. до н. э. Пожалуй, более соответствует существу греческих переселений термин «ΜΕΤΑΝΑΣΤΑΣΙΣ» (переселение, выселение). И хотя серьезных оснований для того, чтобы отказаться от традиционного употребления термина «греческая колонизация» нет, необходимо помнить, что сама неточность терминологии таит опасность модернизации существа исторического явления. Опасность возрастает в связи с однородностью терминологического определения древнегреческого переселенческого движения и современного буржуазного колониализма. Терминологическое совмещение создает возможность сравнения этих двух глубоко различных явлений по существу. Последнее прекрасно иллюстрируется всей западноевропейской историографией проблемы греческой колонизации.

Не случаен уже сам факт пробуждения интереса к проблеме греческой колонизации во второй половине XVIII в., и не где-нибудь, а в Англии и Франции: это обусловлено, с одной стороны, изменением форм и содержания колониальной политики европейских государств, дававшим возможность для некоторого чисто внешнего сопоставления греческой и буржуазной колонизации, с другой — преобладающей ролью Англии и Франции в колониальной политике того времени. Поэтому рассмотрение греческой колонизации под углом зрения современности, модернизация исторического процесса является характерной чертой западноевропейской историографии, выражающей интересы колониальной политики. Переход от форм неприкрытого грабежа колоний, характерных для периода первоначального накопления, к более завуалированным формам колониального господства в свою очередь нашел отражение в иде-

алистической теории «культуртрегерства», рассматривающей греческую колонизацию как выражение священной миссии греков; теория «культуртрегерства» — это не что иное, как ретроспективный прием оправдания колониальной экспансии империалистических держав современности¹.

Между тем значение правильного решения проблемы совершенно очевидно. От него зависит не только правильное освещение самого механизма колонизации, но, в значительной степени, и внутренних процессов, происходивших в греческих метрополиях. От него зависит понимание характера колоний, их экономической базы, политического строя, их дальнейшей экономической и политической эволюции, взаимоотношений с аборигенным населением, понимание уровня общественного и экономического развития этого населения.

Поэтому не удивительно, что проблема греческой колонизации привлекает к себе пристальное внимание не только зарубежных, но и советских ученых, настойчиво ищущих правильные пути для ее решения. Для советских ученых это не абстрактно-теоретическая задача, а раскрытие одной из интереснейших страниц истории юга нашей родины, античного периода, который непосредственно предшествовал появлению на исторической арене славянства и формированию славянских государственных образований. На юге нашей страны сосредоточено множество великолепных первостепенного значения античных памятников, дающих обильный и все увеличивающийся материал для исследований. Усилия историков и археологов сливаются, история и археология взаимно дополняют друг друга. Решающее значение приобретает овладение подлинно научной марксистской методологией, которая является ключом для раскрытия существа исторических процессов и надежно гарантирует от рецидивов идеализма, вульгаризации и модернизации.

Советская наука располагает богатым наследием отечественного дореволюционного антиковедения. Правда, использование этого наследия, как мы увидим ниже, нередко имеет и свои отрицательные стороны: некритическое восприятие устаревших концепций, неправильная интерпретация археологических материалов и др.

Успехи советской науки в разработке проблемы греческой колонизации несомненны. Большое внимание ей уделяли академики С. А. Жебелев и А. И. Тюменев, специально или в связи с другими проблемами она рассматривалась в работах

¹ Западноевропейская историография специально нами не рассматривается (исключение составляет лишь работа Э. Миннза). Критический обзор ее дан в книге К. М. Колобовой «Из истории раннегреческого общества». Л., 1951, стр. 143—169. Литература двух последних десятилетий, как мы могли заметить, не вносит принципиальных корректив в уже существующие теории греческой колонизации.

К. М. Колобовой, В. Д. Блаватского, А. А. Иессена, Б. Н. Гракова, С. И. Капошиной, В. Ф. Гайдукевича, Л. М. Славина, Я. В. Доманского, Г. Д. Белова и др. Среди этих работ особого внимания заслуживает книга К. М. Колобовой² и диссертация Я. В. Доманского³; в них ставятся узловые методологические вопросы, решение которых значительно продвигает вперед исследование проблемы.

Вместе с тем, как нам представляется, работа может быть значительно плодотворнее, если в основные методологические положения теории греческой колонизации будет внесена большая ясность, если будут улучшены методические приемы исследования. Это влечет за собой также необходимость критической проверки существующих концепций колонизации. Советским исследователям хорошо понятны сложность процесса познания и возможность отклонений от поступательной линии его развития, приводящих иногда к ошибкам. «Возможность, вероятность и действительность — вот три качественно отличающиеся друг от друга логические категории наших заключений об историческом процессе, которые, смешиваясь, рождают путаницу и способствуют закреплению за смутными догадками прав истин, не возбуждающих сомнения»⁴.

Среди существующих ныне в отечественной литературе теорий греческой колонизации две заслуживают особо пристального внимания: это теории «двустороннего характера колонизации» и обязательности «эмпириального периода». Первая нашла свое наиболее полное выражение в работе А. А. Иессена⁵, вторая — в ряде работ В. Д. Блаватского⁶. Обе они являются конкретными вариантами теории торговой колонизации, отличаясь лишь тем, что теория «двусторонности» более стройна в методологическом отношении, более последовательна, в то время как «эмпириальная» теория более противоречива и эклектична. Преимущество все же на стороне последней, поскольку сама противоречивость ее является следствием поисков новых путей решения

² К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества (особенно § 1, гл. III, стр. 143—169).

³ Я. В. Доманский. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э. Л., 1955. В 1965 г. появилась большая статья этого же автора, посвященная проблеме колонизации: Я. В. Доманский. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. Археологический сборник, изд. Государственного Эрмитажа, вып. 7, Л.—М., 1965, стр. 116—141.

⁴ М. К. Трофимова. Из истории эллинистической экономики. К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III веке до н. э. — ВДИ, 1961, № 2, стр. 48.

⁵ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

⁶ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, М., 1954, стр. 7—44; его же. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. 35, 1950, стр. 30 и след.; его же. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСПАЭ, стр. 7 и след.

проблемы. Разница также в том, что сторонники одной теории ищут свою аргументацию преимущественно в уровне экономического и социального развития местных племен, иногда вступая даже в полемику со сторонниками другой теории, последние же преимущественно строят свою аргументацию на собственно греческих материалах.

Основная методологическая посылка теории «двусторонности» заключается в отказе от одностороннего рассмотрения греческой колонизации только с точки зрения развития греческого общества. «Колонизация явилась выражением двустороннего исторического процесса, она была обусловлена всем предшествующим развитием как самих греков, в первую очередь ионийцев, так и местного населения наших степей»⁷. Эта посылка в свою очередь вытекает из установок ее авторов, рассматривающих колонизацию как выражение торговой экспансии. Наиболее четко последнее положение сформулировано Д. П. Каллистовым: «...греческая колонизация Северного Причерноморья носила по преимуществу характер колонизации торговли—торговой в том смысле, что именно интересы морской торговли старых эллинских метрополий в первую очередь ее стимулировали». Эта особенность, полагает Д. П. Каллистов, является изначальной и обнаруживает себя уже в предколониационном периоде.

Поскольку торговля — процесс двусторонний, то «ясно, что греческие мореходы и купцы не стали бы здесь основывать свои торговые фактории, и эти последние не превратились бы в постоянные их поселения и не пустили бы таких глубоких корней на новых местах, не оказавшись сложившаяся к этому времени в Северном Причерноморье обстановка благоприятной для торговой деятельности». Следовательно, «местные северочерноморские предпосылки колонизации в сложившихся условиях приобретают не менее существенную роль, чем... греческие ее факторы»⁸.

В приведенном нами высказывании Д. П. Каллистова содержится обстоятельное и ясное обоснование теории двусторонности. По сравнению с А. А. Иессеном Д. П. Каллистов делает в разработке этой теории следующий шаг. Согласно А. А. Иессену, колонизация была возможна везде, где развитие местных племен достигло уровня возникновения товарообменных отношений; для осуществления колонизации достаточно сравнительно небольшие локальные очаги туземной культуры соответствующего уровня развития. Несколько иначе подходит к вопросу Д. П. Каллистов. Полагая, что уже в архаическое время греческий спрос на северочерноморские товары был настолько большим, что отдельный прибрежный район при относительно низком уровне производительности сельскохозяйственного труда не в со-

стоянии был его удовлетворить, Д. П. Каллистов считает, что территории, способные удовлетворить экспортные потребности греческих колоний, значительно выходили за пределы собственно прибрежных районов. В связи с этим он обращает внимание на важность межплеменных связей и на определенный уровень развития племен хинтерланда⁹. Отсюда, отмечает Д. П. Каллистов, «ясно, что так называемые очаги или центры туземной культуры, которым А. А. Иессен приписывает ни с чем не сравнимое влияние на колонизацию, не играли здесь решающей роли.

С нашей точки зрения не играет особой роли и то многими подчеркиваемое обстоятельство, что греческие колонисты селились непременно на местах, давно и хорошо обжитых туземным населением. Не в этом главные предпосылки греческой колонизации в Северном Причерноморье. Успех ее зависел не от преуспеяния отдельных населенных пунктов или районов этой страны, а от развития производительных сил ее населения в целом, от развития связей между различными населяющими ее племенами и группами племен, от ее исторического прошлого, от уровня местной культуры»¹⁰.

Следующий и последний шаг в развитии теории двусторонности принадлежит С. Ф. Стржеleckкому¹¹, настолько отклонившемуся от первоначальных исходных позиций А. А. Иессена, что мы вправе рассматривать эту концепцию, вслед за ее автором, как своеобразное отрицание самой теории двусторонности¹². С. Ф. Стржеleckкий рекомендует не смешивать причины колонизации, которые «обусловлены экономическими законами развития греческих полисов, не связанных с экономическим развитием тех или иных племен Северного Причерноморья», с причинами возникновения городов Северного Причерноморья, не смешивать колонизацию с возникновением городов. Отрвав, таким образом, греческую колонизацию вообще от конкретных ее проявлений (основания городов), С. Ф. Стржеleckкий полагает, что возникновение городов Северного Причерноморья — это процесс естественный, обусловленный прежде всего степенью общественного развития, разделением труда, товарных отношений в туземном мире. Недаром С. Ф. Стржеleckкий говорит об «экономической необходимости»¹³ возникновения городов. В конечном счете, если по А. А. Иессену определенный уровень развития местных племен является в греческой колонизации как внешний фактор, то по С. Ф. Стржеleckкому в процессе возникновения городов роль внешнего фактора приобретает колонизация.

⁹ Д. П. Каллистов, указ. соч., стр. 41—42.

¹⁰ Там же, стр. 42.

¹¹ С. Ф. Стржеleckкий, Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. ПИСПАЭ, стр. 63 и след.

¹² Там же, стр. 65.

¹³ Там же, стр. 66.

⁷ А. А. Иессен, указ. соч., стр. 89.
⁸ Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 10—11.

Итак, теория двусторонности проходит определенную эволюцию: от предположения А. А. Иессена, который допускает существование в Северном Причерноморье отдельных групп населения, подготовленных к товарообменным связям с греческими купцами, через признание Д. П. Каллистовым всеобщей подготовленности племен Северного Причерноморья к товарообмену с греками, и, наконец, — к утверждению С. Ф. Стржелецкого о самостоятельном возникновении городской цивилизации в названном районе.

В целом эта теория нашла поддержку у большинства советских археологов и историков античности. В первых рецензиях на книгу А. А. Иессена¹⁴ давалась положительная оценка общей концепции автора. Ту же положительную оценку встречаем в рецензии Ю. С. Крушкол¹⁵ на книгу К. М. Колобовой, воспринявшей теорию двусторонности, но уклонившейся от ее «усовершенствования»; рецензент, в частности, отмечает: «Крупным недостатком является то, что очень кратко приводятся основные выводы советской исторической науки по проблеме греческой колонизации — выводы, которые говорят о двусторонности этого процесса и отмечают роль местных племен и местной культуры»¹⁶.

Однако уже в первые годы оформления теории двусторонности нашлись и ее противники. Так, А. Л. Борисов в рецензии на книгу К. М. Колобовой писал: «Ясно, что эта теория, какими бы благими устремлениями ни руководствовались ее создатели, по существу смыкается с измышлениями буржуазных историков, которые пытаются оправдать колонизацию якобы взаимной заинтересованностью колонизаторов и колонизируемых»¹⁷. Упрекая К. М. Колобову в том, что она «не смогла противопоставить ошибочным представлениям правильную, марксистскую точку зрения», автор, однако, сам не формулирует своих взглядов на характер колонизации. Его позиция выясняется лишь при сопоставлении с мнениями других исследователей. Обратимся хотя бы к рецензии С. В. Киселева на книгу А. А. Иессена:

«Греки изображаются А. А. Иессеном только в качестве носителей культуры и прогрессивных (для того времени) начал рабовладельческого общества. Тем самым они превращаются у автора в услужливых помощников скифского развития...

Между тем так ли идилличны были сношения греков с местным населением? Показательно, что в тех случаях, когда более

¹⁴ См. С. В. Киселев и Б. И. Надель. Рецензии на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья». ВДИ, № 3, М., 1948, стр. 117—125.

¹⁵ См. Ю. С. Крушкол. Рецензия на книгу К. М. Колобовой «Из истории раннегреческого общества». ВДИ, № 4, М., 1952, стр. 77—78.

¹⁶ Там же, стр. 76.

¹⁷ А. Л. Борисов. Об изданиях ЛГУ им. А. А. Жданова по древней истории и археологии. ВИ, № 11, М., 1952, стр. 136.

ясен местный материал, идиллия исчезает... Греки шли туда, где общественное устройство местного населения делало возможным установление торговых взаимоотношений, но они устанавливали эти взаимоотношения отнюдь не идиллическим путем. Захват, подкуп, подпаивание, измена... были их методами... Греки-культуртрегеры — с этим пережитком буржуазной науки следует покончить путем всестороннего освещения проблемы греческой колонизации в Северном Причерноморье»¹⁸.

Нетрудно понять, что А. Л. Борисов и С. В. Киселев, оставаясь в неприкосновенности основы теории двусторонности (торговый якобы характер колонизации, обусловленность ее уровнем развития местных племен), выступают лишь против «идиллического» освещения процесса колонизации и примыкают, таким образом, к тому кратковременному направлению в нашей науке, ярким образцом которого явилась книга П. Н. Надинского¹⁹, справедливо подвергнутая критике Н. И. Сокольским и Д. Б. Шеловым²⁰. Это направление было единодушно осуждено участниками I античной конференции 1956 г.²¹

Современное отношение части советских антиковедов к теории двусторонности неплохо обнаруживается в работе Н. И. Сокольского и Д. Б. Шелова²². Не соглашаясь «в полной мере» с этой теорией, не признавая «абсолютно правильным» ее основное положение о прямой зависимости колонизации от перехода местного населения на высшую ступень варварства, авторы, по существу, почти в полной мере и почти абсолютно правильно отрицают эту теорию. Однако позиция их настолько осторожна, настолько расплывчата, что В. Д. Блаватский, например, отмечал как положительное, что они «с некоторыми оговорками сочли возможным принять выдвинутую в свое время А. А. Иессеном точку зрения»²³.

В этом кратком замечании одного из ведущих антиковедов нашей страны приходится видеть выражение взглядов на греческую колонизацию очень значительной части, если не большинства, советских историков. Явно неудовлетворительные методологические основы теории двусторонности, хорошо сознаваемые всеми, не отбрасываются, не подвергаются глубокому анализу, а лишь слегка видоизменяются, корректируются, совершен-

¹⁸ С. В. Киселев. Рецензия на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья», стр. 119—120.

¹⁹ См. П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, ч. I. Симферополь, 1951.

²⁰ См. Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья. ПИСПАЭ, стр. 43 и след.

²¹ См. Н. А. Онайко. Обсуждение докладов на конференции, посвященной процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья. ПИСПАЭ, стр. 298 и след.

²² См. Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов, указ. соч., стр. 47.

²³ Н. А. Онайко, указ. соч., стр. 299.

ствуются²⁴. И это понятно: коренной пересмотр теории двусторонности неизбежно влечет за собой пересмотр всех основных представлений о характере греческой колонизации, и прежде всего такой привычной и «несомненной» схем: «От первых случайных, полупиратских плаваний, каковым было плавание карабля Арго, к более или менее регулярным торговым сношениям, сопровождаемым основанием факторий, безразлично, не зависимых ли от уже существующих поселений местных племен, или связанных с ними, и далее к созданию постоянных греческих поселений — колоний, таков, несомненно, был ход исторического развития»²⁵.

Цитированное положение А. А. Иессена является кратким обобщением исторической концепции Э. Миннза. Было бы, однако, неправильным видеть в Э. Миннзе основоположника теории двусторонности. Тем более неправильным было бы создание этой теории ставить в заслугу советской историографии. Речь может идти лишь о недостаточно критическом восприятии наследства дореволюционной историографии и некотором его «усовершенствовании».

Как о четко оформившейся концепции в русской историографии, мы можем говорить о теории двусторонности уже применительно ко второй половине XIX в.²⁶ Одна из работ того времени, принадлежащая В. Юргевичу, содержит следующие положения: процветание греческих колоний было обусловлено торговлей. Колонии служили проводниками греческой цивилизации. Постоянный приток новых переселенцев, привлекаемых корыстью, способствовал смешению варваров с греками в городах, куда варваров привлекали торговля и удобства жизни. В свою очередь и греки не могли избежать влияния окружающих племен. Иногда греки селились в существовавших здесь до их прихода варварских городах, доказательством чего являются негреческие названия этих городов. Некоторые поселения возникли из первоначально складочных купеческих мест на основании заключенных с варварами договоров. Постепенное усиление греческого элемента в первоначально варварских городах приводило к тому, что города становились почти независимыми и получали греческие названия, хотя за туземцами и оставалось всегда верховное право. Этому предположению не противоречат и сообщения древних писателей об основании городов греками, поскольку во времена жизни этих писателей дей-

²⁴ Мы не ставим своей задачей дать сколько-нибудь обстоятельный обзор историографии по рассматриваемому вопросу. Основное направление ее развития и его противоречивость хорошо выявлены в упомянутой выше статье Я. В. Доманского «О начальном периоде...»

²⁵ А. А. Иессен, указ. соч., стр. 53—54.

²⁶ Из зарубежных исследователей в качестве предшественников Э. Миннза могут быть указаны К. Нейман (K. Neumann, Die Hellene im Skythenlande, В1, Berlin, 1855) и Л. Бюрхнер (L. Burchner, Die Besiedelung der Küsten d. Pontos Euxeinus durch die Milesier, I Teil, Kempten, 1885).

ствительные условия возникновения городов были уже забыты²⁷.

Мы видим здесь четко достаточно сформулированными все основные положения теории двусторонности, исключая лишь одно — о соответствующем уровне развития местного населения, — напрашивающееся само собой, поскольку В. Юргевич считает возможным говорить даже о догреческих городах. Все последующее развитие теории двусторонности (с полным основанием мы можем назвать ее теорией греческой колонизации вообще) будет заключаться в конкретизации, детализации, оттачивании формулировок тех или иных положений.

Итак, с несомненностью можно констатировать рождение этой теории еще во времена младенческого состояния научных знаний о греческой цивилизации на юге России. Поэтому истоки теории следует искать прежде всего не в синтезировании определенного конкретного материала, ибо такового было еще чрезвычайно мало, а в социологических концепциях ее авторов, в соответствии с которыми торговля — неотъемлемое свойство всякого сравнительно высокоорганизованного общества — отрывается от своего материального базиса — производства и превращается в фетиш, в некую самостоятельную субстанцию, в экономический базис не только городов, но и целых народов, не только в исторические, но чуть ли не в доисторические времена.

14 лет спустя после В. Юргевича вопрос о причинах и характере греческой колонизации Северного Причерноморья был поставлен нашим выдающимся ученым В. В. Латышевым. «Является естественный вопрос: в чем же состояла та сила, которая привлекала эллинов в эти мрачные воды и заставляла из-под голубого неба их благословенной родины переселяться на туманные, суровые побережья Понта?» — спрашивает В. В. Латышев и здесь же отвечает: — «Ответ короток и ясен: корысть. Да, это была все та же сила, одинаково могущественная и в древние и в новые времена, крайне несимпатичная сама по себе, но сослужившая человечеству великие службы... торговые интересы были главною приманкою, увлекавшею их к опасным путешествиям в отдаленные моря и страны, в том числе и в Понт»²⁸. Далее следует обычная картина торговой экспансии, в которой мы встречаемся со знакомыми уже положениями: одни из колоний могли представлять только расширенные и эллинизированные поселения, ранее принадлежавшие туземцам, другие могли образоваться из факторий или скла-

²⁷ См. В. Юргевич. О именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов Северного Прибрежья Понта Евксинского. ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 4—9.

²⁸ В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1886, стр. 6 и след.

дов; крупным выселениям мог предшествовать период постепенного роста колонии из зародыша, каким являлась торговая контора или фактория; наряду с торговцами в колонизации могли участвовать бедняки, преследуемые авантюристы, гнавшиеся за дешевой наживой, рабы (!) и т. п.; как одно из условий — мирные взаимоотношения с местным населением и т. д.

Еще 14 лет спустя та же концепция греческой колонизации повторяется Э. Р. Штерном²⁹. Основные его положения гласят: главную часть милетской колонизации нужно понимать в смысле учреждения торговых складочных факторий; богатый торговый дом высылал свои корабли; находя в существующих здесь уже поселениях местных племен выгодные условия для сбыта своих товаров и закупки сырых продуктов, эти фирмы повторяли рейсы, учреждали постоянные филиалы (следует сравнение с гамбургским торговым домом Верманна в Африке); из факторий постепенно вырастают колонии (с приливом разношерстного греческого населения на постоянное жительство в торговые фактории, с учреждением греческих кварталов и с их укреплением возникает потребность в определенном государственном устройстве) и т. д.

В сравнении «торговых домов» древности с современными торговыми домами хорошо проявилась одна из устойчивых тенденций Э. Р. Штерна — черпать материал для исторических построений из окружающей его современной действительности. В 1908 г. на Международном конгрессе исторических наук в Берлине он, например, заявляет, что древняя Греция, подобно современной Великобритании, была прежде всего колониальной державой и что могущество и расцвет метрополии и колоний взаимно обуславливали друг друга³⁰.

В 1913 г. появляется книга Э. Миннза. Теория торговой колонизации в работе этого исследователя настолько хорошо разработана³¹, что последующим авторам мало удается добавить принципиально нового. И если работа Э. Миннза содержит одно упущение — недоучет исторического развития туземного населения, — то еще через 5 лет это упущение с лихвой возмещается М. И. Ростовцевым³². Освоение греками Эвксинского Понта М. И. Ростовцев ставит в прямую зависимость от возникновения и упращения еще в VII в. до н. э. скифской державы,

²⁹ Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. ЗООИД, XXII, Одесса, 1900, стр. 6 и след.

³⁰ См. E. v. Stern. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung. Klio, IX, 1909.

³¹ См. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 438—440.

³² См. М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, II, 1918.

от развития внутренних торговых отношений и подъема производительных сил подчиненной скифам страны³³. В другой работе того же времени М. И. Ростовцев специально обращает внимание на односторонность изучения древней истории Северного Причерноморья³⁴.

Труды академика С. А. Жебелева, уделявшего самое пристальное внимание истории Северного Причерноморья, в рассматриваемом вопросе перебрасывают мостик от работы дореволюционных исследователей к работам советских ученых. С. А. Жебелев придерживается в основном прежней концепции. Так, в 1930 г. он пишет: «Более чем вероятно, что освоению колонии, как акту государственной инициативы, предшествовал акт инициативы частной. Я имею в виду поездки мореходов-торговцев... отправлявшихся на свой риск и страх искать сбыта своим товарам, иногда и в отдаленных местах от родины... Если то место, куда они попадали, оказывалось подходящим и сулившим выгоды в дальнейшем, эти поездки могли повторяться и повести, в конце концов, к созданию торговых факторий, в устройстве которых заинтересовано было и государство. Из таких факторий могла, но, как показывает пример Березани..., не должна была непременно вырастать колония, куда из метрополии притекал основной кадр переселенцев, с присоединением к нему дополнительного кадра из других городов, и куда могла переселиться и часть местного населения. Ибо нелегко, чтобы какая-либо из греческих колоний основывалась на местах безлюдных»³⁵.

В другой работе С. А. Жебелев указывает, что коммерческие (т. е. торговые) интересы для ионийцев «стояли на первом месте при основании колоний на Боспоре»³⁶, что греческое население «занято было, главным образом, коммерческой и отчасти промышленной деятельностью»³⁷. Хотя в качестве главного стимула колонизации С. А. Жебелев выдвигает «возможность как эксплуатировать его (Боспора. — В. Л.) природные богатства, так и пользоваться ими не только на удовлетворение потребностей самих колоний, но и переправлять их за пределы Боспора»³⁸, однако, под эксплуатацией он подразумевает именно эксплуатацию (земли, местного населения), а не непосредственное участие в производстве. В соответствии с этим С. А. Жебелев проводит резкую грань между городом и деревней на Боспоре: «Ведь население первых состояло из господ,

³³ См. М. И. Ростовцев, указ. соч., стр. 36, 77.

³⁴ См. M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 1, 7, 12.

³⁵ С. А. Жебелев. СП, стр. 52—53.

³⁶ Там же, стр. 123.

³⁷ Там же, стр. 124.

³⁸ Там же, стр. 121.

население вторых — из рабов»³⁹. На этом основании С. А. Жебелев говорит о преобладании на Боспоре крупной земельной собственности и больших рабовладельческих хозяйств, о том, что «для образования мелкой земельной собственности свободного крестьянства в Боспоре не было предпосылок»⁴⁰. Население Боспорского царства С. А. Жебелев делил на два класса: греков, представлявших привилегированный класс колониальных эксплуататоров и скифов — население подневольное, бесправное, эксплуатируемое»⁴¹.

Последний тезис С. А. Жебелева позднее поддержан В. Ф. Гайдукевичем, понимающим греческих колонистов как сплошную массу эксплуататоров: «Колонии могли существовать там, где открывались возможности использования природных ресурсов путем развития сельского хозяйства организации различных промыслов и ремесел, но при условии, что в числе этих «местных ресурсов» было самое главное — те человеческие контингенты, которые можно было заставить работать на колонистов, в качестве ли просто рабов, или в качестве зависимых полусвободных производителей»⁴².

В подобных рассуждениях немало противоречий. В. Ф. Гайдукевич фактически отрицает теорию двусторонности как двусторонности торговых интересов, потому что в качестве главного условия выдвигается наличие контингентов эксплуатируемых. И в этом смысле выступление названного автора против теории двусторонности на сессии Отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР (май 1952 г.) вполне понятно⁴³. Однако тут же, переходя к конкретному изложению процесса колонизации с обычной схемой «от эмпориев к колониям», говоря о роли «соединения экономических интересов верхушечных слоев местных племен с интересами колонизаторов-греков» как о факторе, позволявшем грекам укрепиться в колониях⁴⁴, В. Ф. Гайдукевич по существу ратует за двусторонность, ибо необходимый уровень экономических интересов и возможностей местной племенной верхушки неразрывно связан с соответствующим экономическим и социальным уровнем самих племен.

Такое мнение В. Ф. Гайдукевича является следствием неправильного понимания тезиса К. Маркса о вынужденной эмиграции. В интерпретации автора этот тезис приобретает следу-

³⁹ С. А. Жебелев, указ. соч., стр. 102.

⁴⁰ Там же, стр. 124; ср. стр. 111—112.

⁴¹ Там же, стр. 100.

⁴² В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 24.

⁴³ См. Я. Л. Сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по истории Крыма. ВДИ, № 4, 1952, стр. 197—198.

⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич, указ. соч., стр. 25.

ющий характер: «Условия материальной жизни наиболее экономически развитых полисов создавали перед их гражданами неотвратимую дилемму: или при неограниченном росте численности свободного населения самим гражданам, вернее известной части их, пришлось бы превращаться в непосредственных производителей материальных благ, так как возможности поступления рабской силы извне были ограничены, или часть населения должна была уходить на чужие земли с тем, чтобы там в материальном производстве использовать физический труд туземного населения и тем самым сохранить за собой положение свободных граждан»⁴⁵ (курсив наш. — В. Л.).

Здесь смущает, прежде всего, тезис о неограниченном росте народонаселения в Греции. Допустим, однако, что В. Ф. Гайдукевич прав. В таком случае это положение о неограниченном росте народонаселения следует распространить и на менее развитые в экономическом отношении полисы, располагающие меньшими возможностями для материального обеспечения возрастающего населения, тем более, что там возможности поступления рабской силы извне были особенно ограничены. Следовательно, именно эти менее развитые полисы и должны были испытывать прежде всего потребность в выселении части граждан.

Наконец, В. Ф. Гайдукевич не мыслит грека — «свободного гражданина» — иначе, как прямого эксплуататора, т. е. не пассивного, а активного рабовладельца. Непосредственный производитель материальных благ противопоставляется свободному гражданину. Таким образом, В. Ф. Гайдукевич лишает права на существование одну из основных категорий населения античного мира — мелких собственников, непосредственно своим трудом участвующих в производстве.

К. Маркс говорит о перспективах стать «жертвами того тяжелого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба». И это абсолютно правильно. Однако он отнюдь не делил все античное общество только на два антагонистических класса — эксплуататоров (рабовладельцев) и рабов. К. Маркс настойчиво обращает наше внимание на «свободную парцеллярную собственность», на «мелкое крестьянское хозяйство» и «независимое ремесленное производство» как на экономическое основание классического общества.

Свободное мелкое хозяйство не исключает возможности применения рабской силы, хотя последнее и не обязательно. Однако это хозяйство предполагает участие в непосредственном производстве самого владельца и его семьи.

Противоположное мнению В. Ф. Гайдукевича решение затронутого вопроса мы находим у В. Д. Блаватского:

⁴⁵ В. Ф. Гайдукевич, указ. соч., стр. 24.

«Социально-экономическая жизнь северопонтийских, особенно боспорских, полисов этого (раннего, архаического. — В. Л.) времени характеризуется сравнительно слабым развитием рабовладения, с чем связаны очень большая и существенная дифференциация и значительная роль свободного труда. Нужно думать, что подавляющее большинство граждан полисов составили бедные переселенцы, являвшиеся лишь потенциальными рабовладельцами, и лишь небольшой частью населения была купеческая знать, игравшая, однако, значительную роль в политической жизни. Мелкие потребители и производители в основном были земледельцами, отчасти ремесленниками (металлургами и гончарами), а часть их занималась рыбным промыслом. Торговля Боспора в то время была развита довольно слабо и охватывала сравнительно небольшой район в отличие от более развитой торговли Ольвии»⁴⁶.

В этой характеристике мы видим итог большой и плодотворной работы как самого В. Д. Блаватского, так и всего коллектива советских исследователей. В решении проблемы колонизации (или, по крайней мере в наметке путей ее решения) остается сделать один шаг: освободиться от допущения особой эмпириальной фазы в развитии колонизации. В самом деле, обычно предполагается постепенное перерастание торгового пункта (эмпория) в колонию. Нарисованная В. Д. Блаватским картина экономической структуры северопричерноморских колоний в момент их возникновения настолько отлична от того, что понимается под эмпорием, что исключает возможность представить такую эволюцию.

Нам предлагается схема: «от торговли к производству». Но преуспевающий торговый пункт естественно будет стремиться к расширению прежде всего торговли, хотя это и приведет к возникновению некоторых, не основных, а обслуживающих торговлю отраслей производства. Более правильной представляется обратная схема: «от производства к торговле». Действительно, развитие производства неизбежно приводит к возникновению, а затем и расширению торговли как внутренней, так и внешней: последняя включает в себя связи с метрополиями и варварским окружением, развитие же тех и других — процесс постепенный.

Схема «от торговли к производству» противоречит объективной логике развития. Это было ясно большинству исследователей, которые, предположив в качестве исходного пункта колонизации существование эмпория, видели в дальнейшей эволюции перерастание этого эмпория в торговый город.

Единственный реальный путь в устранении указанного про-

⁴⁶ В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСПАЭ, стр. 12.

тиворечия мы видим в решительном отказе от признания закономерности и обязательности эмпириального периода в колонизации, в трезвой констатации накопленного к настоящему времени конкретного материала и — не боимся сказать — ревизии некоторых устаревших представлений, прежде всего о степени развития товарного производства в архаической Греции, о торговом характере греческой колонизации и торговом характере городов-колоний.

Оригинальная и плодотворная в нашей литературе попытка устранения изложенных выше противоречий принадлежит Я. В. Доманскому, теоретическая глава диссертации которого (гл. II. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Возникновение Ольвии)⁴⁷, несмотря на ряд совершенно неизбежных в таких случаях ошибок, является, по нашему мнению, большим достижением в разработке теории греческой колонизации. Анализируя основные положения теории двусторонности, Я. В. Доманский приходит к следующему выводу:

«Игнорирование — при исследовании — условий общественного развития породивших колонизационное движение в греческих полисах и обусловивших его особенности как своеобразного исторического явления, в значительной мере предопределяло трактовку колонизации Северного Причерноморья, как колонизации торговой, вызванной развитием торговли и служившей торговым целям. Учет же этих условий, учет того, что в основе колонизации лежали не торговые, а иные закономерности общественного развития, колеблет утверждение о ее торговом характере»⁴⁸.

При этом автор опирается на данные античной традиции: «Литературные источники дали ряд весьма определенных данных относительно причин появления колоний на северных берегах Черного моря. И все эти данные, все на основе их рассмотренные обстоятельства возникновения всех греческих колоний в Северном Причерноморье не только не дают права говорить о торговле как причине колонизационного процесса, но и объясняют действительные мотивы основания городов-колоний. Они кроются в социальных, классовых противоречиях греческого общества, приводивших к острой борьбе часто завершающейся вынужденными эмиграциями граждан полиса»⁴⁹.

Сразу же отметим, что в вопросе о роли классовой борьбы мы не можем полностью согласиться с мнением Я. В. Доманского. Эта борьба имела, конечно, место, что и нашло отражение в источниках. Однако, в отличие от последних, современный

⁴⁷ См. Я. В. Доманский. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э. Ряд новых, принципиально важных выводов и наблюдений изложен в его же статье «О начальном периоде».

⁴⁸ Там же, стр. 80.

⁴⁹ Там же, стр. 78—89.

историк должен отличать непосредственные поводы от причин, их породивших. Именно такое совпадение понятий поводов и причинностей наблюдаем мы часто у древних авторов, где то или иное конкретное событие выступает в роли движущего мотива выселения части граждан. Между тем, никто не станет отрицать, что основание колонии чаще всего не было актом частной инициативы небольшой группы побежденных в политической борьбе лиц. Инициатива основания колонии, оформленная специальным постановлением, исходила от полиса, исполнявшего функции верховного ойкιστα. Государство брало на себя организацию определенного (качественно и количественно) коллектива переселенцев, определяло место выселения, назначало ойкιστα, испрашивало санкции дельфийского оракула и т. д. Функции государства в организации колонии, по-видимому, были весьма разнообразны. Излагая историю со спартанским претендентом на царскую власть Дорием, Геродот замечает:

«Дорией вознегодовал, считал для себя недостойным покоряться Клеомену, выпросил у спартанцев отряд людей и удалился на новое местожительство; но при этом не спросил дельфийского оракула, в какой земле основывать ему колонию, вообще не исполнил ничего того, что для таких случаев установлено обычаем (ΟΥΤΕ ΠΟΙΝΕΑΣ ΟΥΔΑΝ ΤΩΝ ΝΟΜΙΖΟΜΕΝΩΝ)⁵⁰. «Ясно, что всякая колония — в деле выбора ее места выводилась не наобум, а лишь после тщательного обсуждения той пользы, которую колония могла представлять, того значения, которое она должна была в будущем иметь. Иными словами, всякий ΠΟΛΙΣ, отправлявший колонию, должен был руководствоваться при этом соображениями и политическими, и иными, которые иногда могли и соприкасаться между собой»⁵¹, — с этим замечанием С. А. Жебелева нельзя не согласиться.

Именно в таком смысле следует понимать и замечание Аристотеля Η ΠΟΛΙΣ ΟΥ ΤΩΝ ΤΥΧΟΝΤΩΝ. Да, полис (в нашем случае колония) не состоит из случайных элементов, он — организованный, многогранный и жизнеспособный организм.

Таким образом, было бы неправильно сводить причины колонизации к классовой борьбе⁵². Колонизация — представляла чрезвычайно сложное сочетание и разных социальных сил и

⁵⁰ Нег., V, 42.

⁵¹ С. А. Жебелев. СП, стр. 52.

⁵² В работе «О начальном периоде...» (стр. 130) Я. В. Доманский уточняет свои положения: «Если открытый К. Марксом закон давления избытка населения на производительные силы был причиной колонизации, то роль социальной борьбы следует рассматривать в качестве непосредственного толчка, повода к переселенческому движению».

разных социально-экономических условий, часто противоречивых, но тесно взаимосвязанных»⁵³.

Цитированные выше положения Я. В. Доманский подкрепляет солидной аргументацией. Помимо литературных источников он подробно рассматривает археологический материал, в значительной степени опираясь на работу А. А. Иессена, и делает при этом выводы, диаметрально противоположные выводам последнего. Если А. А. Иессен видит в нарисованной им картине предколониционных межплеменных и внешних связей «нарастающие предпосылки колонизации»⁵⁴, Я. В. Доманский для этого же времени справедливо усматривает прекращение проникновения вещей из восточного Средиземноморья⁵⁵, отмечает почти полное отсутствие доколониционных связей в районе Боспора Киммерийского и Херсонеса, указывает, что «на Боспоре торговые связи с местным населением создаются не в предколониционное и не в колониционное, а в послеколониционное время, в V в., то есть являются весьма отдаленным следствием колонизации»⁵⁶.

Только для одного района Северного Причерноморья, и именно для Днепровско-Бугского лимана, Я. В. Доманский усматривает наличие условий для значительного торгового обмена в момент основания городов⁵⁷. И именно в этом пункте совпадения взглядов Я. В. Доманского с концепциями его предшественников мы видим основную ошибку исследователя, приведшую его к неправильной интерпретации известных нам археологических объектов Нижнего Побужья: «В Нижнем Побужье проявилась как торговая, так и колониционная деятельность греков. Результатом первой было возникновение эмпория на острове Березани, результатом второй — создание Ольвии»⁵⁸.

В устранении противоречий, создаваемых схемой «от торговли к производству», Я. В. Доманский избрал путь компромисса. Признав, хотя и с большими оговорками, наличие эмпориального периода в Северном Причерноморье, автор только изолировал его от последующего колониционного процесса⁵⁹, искусственно расчленил единый процесс исторического развития на два этапа: на первом почему-то преобладает торговая деятельность греков, на втором (непонятно, почему именно на втором) — колониционное движение.

Путь признания закономерности эмпориального периода не может привести нас к правильному решению вопроса, поскольку

⁵³ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 167.

⁵⁴ А. А. Иессен. указ. соч., стр. 7.

⁵⁵ См. Я. В. Доманский. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э., стр. 55—56.

⁵⁶ Там же, стр. 59.

⁵⁷ См. там же, стр. 63.

⁵⁸ Там же, стр. 116.

⁵⁹ См. там же, стр. 112—126.

ку теории двусторонности и эмпириального периода неразрывно связаны между собой и их расчленение всегда будет носить искусственный характер. Истоком обеих теорий, имеющих глубокие корни в западной историографии, является гиперболизация роли торговли в развитии общества, степени развития товарного производства; при этом игнорируется историческая обусловленность торговли, и последняя выступает как неотъемлемое свойство любого человеческого общества. Этот сугубо модернистский подход, характерный для западной науки, категорически отвергнут и осужден советской историографией⁶⁰. Следует, правда, отметить, что известные увлечения присущи и работам отдельных советских исследователей, которые усматривают в торговле «жизненную основу» северопричерноморских античных городов, «краеугольный камень» их экономики⁶¹, «главное и, вероятно, единственное занятие жителей»⁶², скрупулезно выискивают в археологическом материале признаки «торговой экспансии» и «торговой конкуренции», «столкновения торговых интересов» или, наоборот, монополистического единения полисов в целях совместной эксплуатации варваров.

Заканчивая этот краткий историографический обзор, хотелось бы обратить внимание читателя на одно интересное замечание С. А. Жебелева: «Хазебрек... впадает в бьющую в глаза односторонность, когда он рассматривает все греческие колонии как колонии исключительно земледельческие. Как реакция против господствующего взгляда, что основание колоний диктовалось исключительно коммерческими соображениями, точка зрения Хазебрека имеет свой *raison d'être* и, казалось бы, должна привести к новому пересмотру вопроса о колонизационной политике греков в его целом на основе детального исследования конкретного материала для каждой колонии в отдельности... К сожалению, и Хазебрек, и полемизирующий с ним Цибарт... обходят и нумизматический и археологический материал полным почти игнорированием. Этим объясняются и неправильные суждения Хазебрека о греческих колониях Северного Причерноморья»⁶³.

С. А. Жебелев правильно определяет задачи, которые возникают в связи с новой постановкой вопроса, данной Хазебреком. Смысл его замечания, однако, заключается в том, что мнение Хазебрека, возможно, и верное для других областей греческой периферии, неприменимо по отношению к Северному Причерноморью. Последний вывод нам представляется несколько преждевременным.

⁶⁰ См., напр., В. Н. Ярхо. Американские фальсификаторы истории Афинской демократии ВДИ, № 2, 1949.

⁶¹ См., напр., В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 57, 320.

⁶² Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 54—55.

⁶³ С. А. Жебелев. СП, стр. 52, прим. 2.

Проверка правильности существующих теорий греческой колонизации Северного Причерноморья может быть успешной лишь при условии четкого методологического подхода к проблеме. Основная задача заключается в том, чтобы определить движущие силы колонизации, вскрыть ее внутренний механизм. В решении ее мы не можем не исходить из положений исторического материализма.

Начнем с хорошо известного нашим исследователям положения К. Маркса о миграциях в древнем мире: «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации. Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства. Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными. В противном случае им грозило подчинение игу того изнурительного физического труда, который превращал тогда свободного гражданина в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимости от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция.

То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. Здесь, хотя и в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»⁶⁴.

Из слов К. Маркса видно, что он рассматривает миграции в античном обществе как постоянную устойчивую, следовательно, закономерную особенность развития этого общества. На первый взгляд может показаться, что приведенное высказывание носит случайный характер и находится в противоречии с

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 567—568.

той непримиримой критикой мальтусовской теории народонаселения (теорией абсолютного перенаселения), к которой Маркс и Энгельс неоднократно обращались в своих произведениях. Действительно, колонизация рассматривается здесь как следствие определенного *абсолютного* превышения фактической численности населения над диктуемой развитием производительных сил нормой народонаселения. Возможно, этой кажущейся неясностью высказанного Марксом положения объясняется ограниченное, а подчас и неправильное применение его в нашей исторической литературе. Так, К. М. Колобова в упоминаемой уже работе об архаическом Родосе отмечает, что, по ее мнению, слова Маркса нельзя рассматривать как согласие с теорией абсолютного перенаселения: «Из самого объяснения термина «принудительная эмиграция» как эмиграции, вызванной ростом крупной земельной собственности и концентрацией земельной собственности (курсив наш.—В. Л.) уже ясно, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали одной из причин древней колонизации не абсолютное, но относительное перенаселение»⁶⁵. В коллективном труде «Древняя Греция» эта же причина — недостаток годной для обработки земли, «большая и лучшая часть которой оказалась сосредоточенной в руках землевладельческой родовой аристократии» (следовательно, речь вновь идет прежде всего о концентрации земельной собственности) — связывается лишь с начальным этапом колонизации⁶⁶. В I томе «Всемирной истории» как основные причины колонизации, со ссылкой на высказывание К. Маркса, фигурируют господство родовой аристократии, концентрация земельных владений в ее руках, процесс обезземеливания и порабощения свободной бедноты⁶⁷. В несколько менее четкой форме эти же причины для раннего этапа колонизации приводятся во втором, популярном издании работы Д. П. Каллистова⁶⁸. Наконец, в одной из новейших работ, принадлежащей А. И. Немировскому, взгляд на перенаселение Греции как на основную причину колонизации рассматривается уже как взгляд буржуазной науки, подвергнутый аргументированной критике советскими исследователями (следует сослаться на работы А. А. Иессена, К. М. Колобовой, Д. П. Каллистова)⁶⁹. Парадоксально: советский исследователь именем нашей марксистской науки опровергает Маркса. Ограничимся здесь

⁶⁵ К. М. Колобова, указ. соч., стр. 300, прим. 24; ср. там же, стр. 148: «Избыток населения — результат роста имущественного и социального неравенства, и в первую очередь роста неравенства земельного».

⁶⁶ Древняя Греция. М., 1956, стр. 113.

⁶⁷ См. «Всемирная история», т. I, М., 1956, стр. 761.

⁶⁸ См. Д. П. Каллистов, Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, стр. 49 след.

⁶⁹ См. А. И. Немировский. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, стр. 185.

этой литературой. Отметим, прежде всего, что К. Маркс, анализируя механизм древних миграций, ничего не говорит о концентрации земельной собственности, господстве родовой аристократии, о росте крупного землевладения. Действие указанного закона (правомерность именованного его законом очевидна), который К. Маркс рассматривает как единственную, во всяком случае существеннейшую движущую силу колонизации, он распространяет на весь период античной истории, тогда как господство родовой аристократии характерно лишь для раннего этапа этой истории. Более того, К. Маркс распространяет действие закона на варварские скотоводческие племена, не знающие частной собственности, а следовательно, и ее концентрации. Как справедливо отмечает С. Н. Бибилов, К. Маркс раскрывает здесь «экономическую суть докапиталистических формаций и дает объяснение многих исторических явлений, которые фиксируются чаще всего в своих внешних проявлениях. Имеются в виду переселения и миграции, известные в археологии с древнейших времен, завоевания или мирное освоение новых территорий, сегментация племен, возникновение разных общественных объединений и др.»⁷⁰. По существу, К. Маркс формулирует закон соотношения между уровнем развития производительных сил и количеством населения⁷¹, раскрывает его абсолютный (для определенных этапов развития человеческого общества) и в то же время относительный, обусловленный данным уровнем развития производительных сил, характер. Суть явления берется во всей его сложности, противоречивости абсолютного и относительного. Противопоставление эмиграции в капиталистическом обществе эмиграциям в обществах с недостаточным уровнем развития производительных сил у К. Маркса не случайно, оно помогает выявить существеннейшие черты этих эмиграций.

Многократно обращаясь к критике теории Т. Р. Мальтуса, бессильной объяснить тот «удивительный факт, — удивительное всех чудес всех религий вместе взятых, — что нация должна умирать с голоду как раз от богатства и избытка»⁷², К. Маркс и Ф. Энгельс видят причину эмиграции в капиталистическом обществе не в мнимом углублении разрыва между ростом производительных сил и численностью населения, а в особенностях развития капиталистического производства, когда избыток населения создается «отнодь не в результате недостатка производительных сил; наоборот, именно рост производительности сил требует уменьшения населения и устраняет его избыточную

⁷⁰ С. М. Бібілов. Деякі вузлові питання археологічної науки на Україні. Вісник АН УРСР, К., 1957, № 6, стр. 7.

⁷¹ См. там же, стр. 6.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 567.

часть при помощи голода или эмиграции»⁷³. В первом томе «Капитала», где Маркс анализирует изменение органического состава капитала, это положение формулируется еще определеннее: «капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, отнюдь избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население»⁷⁴.

Далее: «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»⁷⁵. И, наконец, «вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятых или полунзанятых рабочих»⁷⁶. Именно в этом и заключается относительный характер перенаселения в капиталистическом обществе. Рост избыточного населения находится в прямой зависимости от роста производства: чем совершеннее органический состав капитала, т. е. чем выше доля постоянного и меньше доля переменного капитала, тем относительно меньшее количество рабочего населения вовлекается в производство и, следовательно, тем больше незанятого в производстве рабочего населения.

Совершенно иного рода зависимость имеем мы в докапиталистических формациях. Если в капиталистическом обществе отношения производителя как субъекта к условиям своего существования выступают опосредованно как отношения труда и капитала, свободный труд оторван от объективных условий его осуществления, рабочий отделен от земли как его естественной лаборатории»⁷⁷, то здесь «первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, естественные условия существования производителя; точно так же, как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является предпосылкой его самого; существование (телесное) его самого есть такая естественная предпосылка, которая не им создана»⁷⁸ (здесь и ниже курсив К. Маркса — В. Л.). В докапиталистических обществах нет характерного для капиталистического общества разрыва между «неорганическими условиями человеческого бытия и этим деятельным бытием»⁷⁹. Точно так же собственность здесь означает «не что иное, как отношение человека к его естественным

условиям производства, как к принадлежащим ему, как к своим, как к предпосылкам, данным вместе с его собственным бытием»⁸⁰. Таким образом, здесь выступает прямая зависимость субъекта от объекта, производителя от естественных условий производства. Как отмечает Маркс, сам человек здесь «существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно — в этих естественных неорганических условиях своего существования»⁸¹.

В то же время «одним из естественных для живого индивида условий производства является его принадлежность к какому-либо естественно сложившемуся обществу... Его собственное производительное бытие обусловлено только этим». В свою очередь коллектив относится к условиям производства, и прежде всего к земле, «как к его неорганическому телу»⁸². Цель всех этих коллективов — сохранение, т. е. воспроизводство образующих коллектив индивидов как собственников, т. е. воспроизводство их в том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения одних членов к другим и в силу этого образует самую общину. Но это воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее. Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким количеством акров земли, этому препятствует уже рост населения. Если предпринимаются меры для устранения этого, то прибегают к колонизации, а колонизация вызывает необходимость в завоевательных войнах»⁸³. В другом месте и в другом аспекте говорится следующее: «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее установленных объективных условиях. Само производство, рост населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расширяет мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить»⁸⁴. С этими высказываниями Маркса перекликается уже цитированное положение относительно давления избытка населения на производительные силы.

Таким образом, мы имеем дело не с единичным замечанием К. Маркса, а с тщательно разработанной системой взглядов на законы народонаселения в докапиталистических и капиталистических формациях. В том и другом случае характер закона народонаселения обусловлен существующим способом производства. В силу противоположности способов производства (в

⁸⁰ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, М., 1940, № 1, стр. 21.

⁸¹ Там же, стр. 21—22.

⁸² Там же, стр. 22.

⁸³ Там же, стр. 23.

⁸⁴ Там же, стр. 18.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 568.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 644.

⁷⁵ Там же, стр. 645.

⁷⁶ Там же, стр. 647.

⁷⁷ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, № 1, М., 1940, стр. 9.

⁷⁸ Там же, стр. 20.

⁷⁹ Там же.

первом случае органическое единство субъекта и объекта, где объект является необходимой предпосылкой субъекта, во втором — отделение субъекта от объекта как важнейшая предпосылка существования способа производства) *противоположны и законы народонаселения*. В капиталистическом обществе любой прогресс в производстве приводит к уменьшению допустимой нормы плотности населения и усилению относительного перенаселения; наоборот, в докапиталистических формациях этот же прогресс приводит к увеличению допустимой нормы плотности населения и ослаблению перенаселения. В этой связи уместно привести замечание Маркса относительно влияния средств сообщения на плотность населения: «...плотность населения есть нечто относительное. Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения, обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения; в этом смысле северные штаты Американского союза населены плотнее, чем, например, Индия»⁸⁵. Маркс иллюстрирует это положение на примере Индии: «С 1861 г. вследствие большого спроса на хлопок в некоторых сильно населенных районах Ост-Индии расширилось производство хлопка за счет производства риса. Местами возник голод, так как из-за недостаточности средств сообщения и вследствие этого недостаточной физической связи недопроизводство риса в одном районе не могло быть восполнено подвозом его из других районов»⁸⁶. Для районов, страдавших от недостатка риса, отсутствие удовлетворительных путей сообщения должно было проявиться в увеличении голодающей, следовательно, избыточной части населения. На наш взгляд, не будет большой модернизацией, если приведенный пример перенести на условия экономической жизни древней Греции.

Конечно, абсолютно прав Ф. Энгельс, когда он говорит, что, последовательно развивая теорию Т. Р. Мальтуса, мы вынуждены будем признать, что «земля была перенаселена уже тогда, когда существовал только один человек»⁸⁷ (курсив Ф. Энгельса. — В. Л.). Однако не менее прав он и в другом случае, допуская, что «дикари Новой Голландии, где приходится по одному человеку на квадратную милю, так же сильно страдают от перенаселения, как Англия»⁸⁸. И если для Англии это перенаселение относительно, то для жителей Новой Голландии оно абсолютно, ибо диктуется естественными нормами производительности земли при данных, очень низких, экстенсивных способах хозяйствования. Это утверждение не имеет ни-

⁸⁵ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 365, прим. 53.

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. I, стр. 565.

⁸⁷ Там же, стр. 564.

⁸⁸ Там же.

чего общего с мальтузианством, так как и в данной абсолютной форме перенаселение *относительно*, поскольку зависит от уровня развития производительных сил, и прежде всего от производительности земли, последняя же «может быть бесконечно повышена приложением капитала, труда и науки»⁸⁹. И, наоборот, утверждение, что причиной греческой колонизации являлся «неограниченный рост численности свободного населения»⁹⁰, даже при условии ссылки его автора на авторитет К. Маркса, глубоко ошибочно, хотя бы потому, что способности человека к самовоспроизводству далеко не беспредельны.

Отсюда следует, что перенесение законов развития капиталистического общества на историю древних обществ ведет не просто к модернизации, а к извращенному пониманию исторического процесса. Эмиграция в Англию, о которой говорит Маркс, была «порождена лендлордизмом, концентрацией земельных участков, применением машин при обработке земли и введением в широких масштабах современной системы сельского хозяйства»⁹¹. Можно ли считать, что подобные же процессы лежат в основе греческой колонизации (напомним, что исследователи видят ее прежде всего в росте крупного землевладения и концентрации земельной собственности)? Ведь концентрация земельной собственности здесь в силу застойного характера производительных сил не создает избыточного производящего населения; присваивающий землю не в состоянии сам обработать ее, поэтому вместе с землей он вынужден присваивать и ее бывшего собственника (владельца), и не только присваивать, но и заботиться о его воспроизводстве. Отсюда возникают раннефеодальные способы производства, которых не избежала и древняя Греция (не только Спарта или Фессалия, где выявилось предельно ясно в зависимости илотов и пенестов, но даже досолоновские Афины с зависимостью гектеморов-пелатов). Регулирование нормы населения в таких условиях может принимать различные формы; по-видимому, к ним можно отнести не только выселения, но и спартанские криптии.

С возникновением рабовладельческого типа хозяйствования (внедрение привозного рабства) известной модификации должен был подвергнуться и закон народонаселения. Этот процесс сопровождается отменой долговой кабалы и восстановлением общины свободных. Труд кабалных держателей вытесняется трудом рабов. Поскольку рабы — это и рабочая сила и орудия труда, прогресс в их производстве, осуществляемом

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. I, стр. 563.

⁹⁰ В. Ф. Гайдукевич. *История античных городов Северного Причерноморья*, стр. 24. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 24.

⁹¹ К. Маркс. *Вынужденная эмиграция*, стр. 567.

главным образом при помощи войн, в военном производстве, является действительным прогрессом в развитии производительных сил⁹². Действие закона народонаселения в таких условиях должно было быть аналогичным действию закона народонаселения в капиталистическом обществе: прогресс в развитии производительных сил, прогресс в военном производстве должен был приводить ко все возрастающему внедрению труда рабов и к вытеснению из сферы производства труда кабальных или свободных общинников, создающих избыточное население.

Однако это действие закона народонаселения могло проявиться лишь как тенденция. Прогресс в военном производстве осуществлялся путем усовершенствования военной техники и увеличения войска, где труд свободных граждан не мог быть вытеснен трудом рабов. Следовательно, часть избыточного населения поглощалась военным производством (это особенно ярко прослеживается на примере Афин). Но это не главное. Внедрение рабства требует консолидации сил коллектива свободных общинников, община выступает здесь как коллективный рабовладелец. Это «естественная форма ассоциации», обусловленная тем, что «граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности»⁹³. Коллективное владение обуславливает и коллективные формы присвоения. Поэтому увеличение количества рабов и уменьшение затрат на их приобретение означает увеличение прибавочного продукта для коллективного собственника рабов, что в свою очередь оказывает тормозящее действие на развитие относительного перенаселения. В условиях рабовладельческого способа производства тенденция к увеличению избыточного населения в результате внедрения рабского труда находится в такой же зависимости от основного направления действия закона народонаселения, в какой развивается противоречие между частной и коллективной собственностью. Противоречивость в действии закона народонаселения обусловлена, таким образом, противоречивостью в формах собственности.

✓ Роль торговли в колонизационном движении греков особенно сложна и противоречива. Развитие средств сообщения и товарного обращения есть развитие средств производства. При господстве коллективных форм собственности оно должно было вести к возрастанию коллективного прибавочного продукта, тормозить рост избыточного населения и, следовательно, оказы-

⁹² «У варварского народа-завоевателя сама война является еще... регулярной формой сношений, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 21).

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 21.

вать отрицательное влияние на масштабы колонизации. Основной статьей греческого импорта, как признано, являлись продукты сельского хозяйства. Это не предметы роскоши, имеющие ограниченное потребление, а предметы массового потребления в основном незажиточной среды, из которой прежде всего и создавался контингент колонистов. «Потребности торговли» выступают поэтому прежде всего как потребности широких слоев общества, и прослойка торговцев, вынужденная вести полуседельный образ жизни или даже оседать где-то вдали от родины (и посредническая торговля и торговые фактории допустимы), независимо от субъективных желаний ее представителей, желаний вряд ли альтруистического характера, ценой своей депатриации в какой-то степени спасала от депатриации своих незажиточных соотечественников. Последовательно проводя эту нить рассуждений, можно допустить, что при значительном и неуклонном росте производительных сил в греческом обществе и при господстве коллективной формы собственности возможна была такая стабилизация положения, когда появление избыточного населения предотвращалось бы прогрессом в сфере обращения. Реальная история, однако, не согласуется с теоретическими рассуждениями. Низкий уровень развития производительных сил, их застойный характер, малая производительность труда ни в коей мере не компенсировались прогрессом в сфере обращения и в свою очередь ставили ему определенные границы. Прогресс в сфере товарного производства и товарного обращения неизбежно вел к развитию частной собственности, последнее сводило на нет стабилизирующую роль торговли в действии закона народонаселения. Отсюда не следует, что роль торговли в процессе колонизации может быть сброшена со счетов. В тех или иных условиях торговля могла оказывать большее или меньшее влияние на ход и характер колонизации. *Нельзя только забывать, что зависимость здесь была в основном обратная.*

Влияние различных экономических факторов, в частности развитие экономического общения, на миграционные процессы у народов древности отчетливо создал уже Фукидид: «Кажется, страна, именуемая ныне Элладой, прочно заселена лишь с недавних пор. Прежде происходили в ней передвижения населения и каждый народ с тем большей легкостью покидал свою землю, чем многочисленнее был теснивший его народ. Так как не было ни торговли, ни свободных взаимных связей по суше и по морю, каждый народ кормился лишь со своей территории, не располагал излишними средствами, не насаждал деревьев, потому что постоянно находился в неизвестности, не нападет ли на него другой и не вытеснит ли из его незащищенных владений. Все без труда снимались со своих мест, будучи уверены,

⁹⁴ Thuc., I, 2, 2.

что всюду добудут себе дневное пропитание. Поэтому они не имели ни обширных городов, ни других средств могущества»⁹⁴. В другом месте Фукидид вновь замечает: «приморские жители владели уже большими средствами (ΤΩΝ ΧΡΗΜΑΤΩΝ) и поэтому крепче сидели на местах»⁹⁵ (перевод наш. — В. Л.).

Таким образом, и интересы торговли, и концентрация земельной собственности, и обезземеливание бедноты, и внедрение рабовладельческих форм хозяйства оказывали большее или меньшее влияние на действие закона народонаселения, но не определяли его основного направления, обусловленного закономерностями античного способа производства. Поэтому, если по крайней мере исходить из литературных источников, совершенно отчетливо доминирует аграрная направленность греческой колонизации, поэтому в качестве основной социальной силы ее выступают беднейшие слои греческого общества⁹⁶. Именно аграрная, а не ремесленная, положим, ибо экстенсификация ремесла осуществляется главным образом во времени, а не в пространстве (увеличение рабочего времени и количества работников при относительно меньшем увеличении производственных площадей). Поэтому и в качестве основной цели колонистов выступает овладение землей как средством производства, а одним из первоочередных актов основывающейся колонии является раздел земли. Захватив в 427—426 гг. о. Лесбос, афиняне поделили его землю на 3000 наделов, распределив их по жребию между афинскими колонистами⁹⁷. Почти столетием раньше, в 506 г., как сообщает Геродот, они вывели колонию на о. Эвбею в Халкиду, распределив по жребию землю на 4000 наделов⁹⁸. Подобную же ситуацию можно предполагать для афинской колонии в Амфиполе⁹⁹. О разделе земли на Липарских островах колонистами с Родоса имеется подробное сообщение Диодора¹⁰⁰. Платон в своих построениях идеального государства в качестве первоочередной задачи граждан считает раздел земли на 5040 наделов¹⁰¹. Наконец, документальное свидетельство, декрет об основании Брей, предписывает «избрать землеустроителей по одному от каждой трибы, чтобы они распределили наделы»¹⁰².

Рассматривая колонизацию VIII—VI вв. до н. э. как проявление постоянно действовавшего в древнем мире закона на-

⁹⁵ Thuc., I, 8, 3.

⁹⁶ Устав афинской колонии Брей, декрет об основании которой дошел нас, содержал условие о наборе колонистов из беднейших слоев (см. M. N. Tod, Greek Historical Inscriptions, Oxford, 1933, стр. 88—90).

⁹⁷ Thuc., III, 50.

⁹⁸ Her., V, 77, 2; VI, 100.

⁹⁹ Thuc., I, 100.

¹⁰⁰ Diod. Sic., V, 9.

¹⁰¹ Plat., Leg., 745.

¹⁰² M. N. Tod, ibid.

родонаселения, нельзя не отметить некоторую условность выделения ее в особый этап, к которому, собственно, только и применяется термин «греческая колонизация». Нет сомнения, что колонизация VIII—VI вв. была продолжением более древних миграций греческих племен, приведших к образованию самих греческих метрополий. Эта преемственность хорошо сознавалась греками¹⁰³. Фукидид, например, говоря о движениях греческих племен, включает колонизацию VIII—VI вв. в общую цепь этих движений¹⁰⁴. С ним перекликается Исократ: «Примерно в то же время (речь идет о времени ионийской миграции) варвары занимали большую часть земли, а эллины были заперты на небольшом пространстве. Недостаток земли вынуждал их враждовать и воевать друг с другом. Наш город не остался равнодушным, видя, что одни погибают от отсутствия пропитания, другие — на полях сражений. Он послал по городам полководцев, которые объединили и возглавили наиболее нуждающихся эллинов, одержали победу над варварами, основали много городов на обоих материках и заселили все острова. Так спасли они сразу и оставшихся дома и тех, кто последовал за ними. Одним они оставили достаточно земли на родине, для других же завоевали больше, чем у них было: созданные ими колонии опоясали всю землю, которую мы теперь занимаем. Это облегчило путь тем городам, которые позже, подражая нашему городу, захотели вывести колонистов; им уже не было надобности подвергать себя опасности при захвате земель: они заселяли территорию, уже завоеванную нами»¹⁰⁵.

С другой стороны, колонизационное движение греков являлось и позднее, в классический и эллинистический периоды. Форма этих движений в различные времена существенно видоизменялась, что определялось изменением социально-экономических условий. Однако, вряд ли все можно свести только к изменению формы; в какой-то степени изменялось и само содержание миграционного процесса и его характер, соотношение социальных сил, участвовавших в нем. Миграции догосударственного периода носили стихийный характер. При господстве родовых отношений в движение приходили целые племена или значительные части племен. По мере разрушения родовых связей и становления государственности миграции принимали все более организованный характер, социально-экономические связи в коллективах переселенцев начинали доминировать над родовыми. Согласно Геродоту, переселение предков этрусков

¹⁰³ Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, стр. 326—327.

¹⁰⁴ Thuc., I, 2, 1, 12.

¹⁰⁵ Isocr., Paneg 34—36. Перевод К. М. Колобовой. ВДИ № 4, М., 1965.

¹⁰⁶ Her., I, 94, 5.

из Лидии было решено просто: весь народ поделили на две равные половины и бросили жребий¹⁰⁶; очевидно, каждая из групп содержала неразделенные роды. При колонизации Кирены жителями Феры дело обстояло уже иначе: от всех семи местностей было отобрано по одному из каждой пары братьев, вытянувшему жребий¹⁰⁷. Собственно время колонизации характеризуется в Греции становлением полисного строя и обострением социальной борьбы, что не могло не наложить своего отпечатка на миграционный процесс. Еще сильнее это сказывалось в более позднее время, когда окончательно сформировались и окрепли греческие полисы. Все более ощутимой становится тенденция к усилению политического и экономического подчинения колоний метрополиям. Это хорошо прослеживается при сравнении колоний обычного типа (ΑΠΟΙΚΙΑ) с афинской клерухией.

Надо думать, реальная картина греческой колонизации была значительно сложнее, чем это представляется сторонникам теории «торговой колонизации», рисуящую ее по привычной от долговременного употребления и вследствие этого «несомненной» схеме: от первых случайных плаваний к регулярным торговым сношениям и основанию факторий, от них — к созданию постоянных поселений — колоний. Естественней представить не только и не столько подобный путь колонизации, сколько массовые, развертывающиеся широким фронтом, народные передвижения не только морем, но и по суше, как это обычно происходило у варварских племен. Единой схемы колонизации не может быть. Поэтому конкретный подход к изучению процесса колонизации в конкретных территориальных границах не только допустим, но как представляется, и совершенно необходим. Из этих соображений мы и исходили, взяв своей задачей исследование колонизации в одном конкретном районе древнего мира.

¹⁰⁷ Нег., IV, 153.

Глава II

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НАКАНУНЕ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Вопрос о местных северопричерноморских предпосылках греческой колонизации с позиций сторонника теории двусторонности детально изучен А. А. Иессеном¹. Со времени выхода его книги материалов прибавилось немного. Это прежде всего несколько фибул так называемого лукьяновского типа. Две из них (одна очень фрагментарна), местом находки которых предположительно считают Ольвию, опубликованы А. И. Фурманской², которая, не указывая конкретно источник, отмечает, что подобные находки известны также из окрестностей Симферополя и Керчи³. Возможно, одна из упомянутых ею фибул, хранящаяся в Одесском археологическом музее, издана А. М. Лесковым⁴ — автором подобной же находки в Широцанском могильнике на Херсонщине⁵. Наконец, такая же фибула из Лукашевского поселения в Молдавии опубликована Г. Б. Федоровым⁶; А. И. Мелюкова уточнила место ее находки и датировку⁷. После исследований О. М. Джапаридзе к числу находок, прямо или косвенно связанных с Малой Азией, следует отнести бронзовый топор из Керчи. Высказывается предположение, что он был занесен в Крым с южного побережья Черного моря. Основы-

¹ См. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 14—17. Ср. О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., 1949, Maria Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries key sites for the Bronze age chronology of Eastern Europe, Proceedings of the Prehistoric Society, 1956, т. XXII, стр. 143—172 и др.

² См. А. И. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 76—78, табл. 1, 3—4.

³ См. там же, стр. 78.

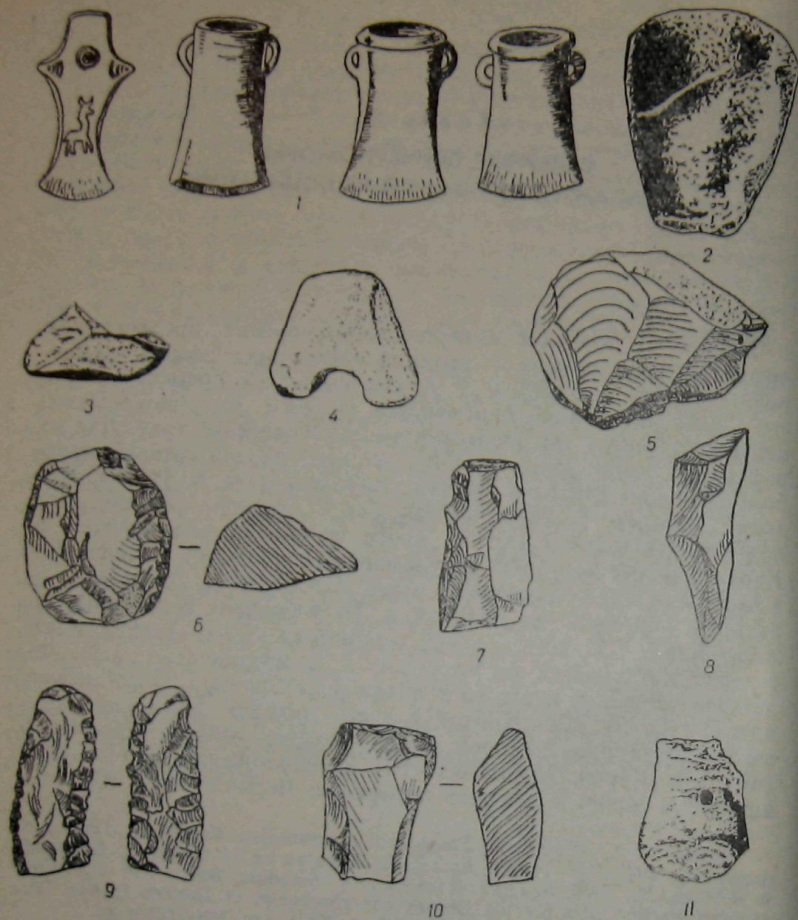
⁴ См. А. М. Лесков. Несколько бронзовых изделий из Керченского полуострова в собрании Одесского археологического музея. Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея за 1963 г. Одесса, 1965, стр. 86.

⁵ См. там же, стр. 86.

⁶ См. Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИИМК, вып. 68, М., 1957, стр. 54, рис. 14, 18.

⁷ См. А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, М., 1961, № 96, стр. 44.

Находки догреческих вещей в районе Пантикапея.

ваясь на характере изображения на топоре, О. М. Джапаридзе также не исключает возможности происхождения керченского топора из причерноморских районов Колхиды⁸.

Следовательно, некоторые материалы, свидетельствующие о культурно-исторических контактах племен Северного При-

⁸ См. О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, М., 1953, стр. 295.

черноморья с Малой Азией и Средиземноморьем в доколониционный период, не только имеются, но и возрастают со временем. Контакты эти уходят далеко вглубь веков и прослеживаются уже в культурах неолитической и энеолитической эпох (буго-днестровская, трипольская культуры), что находит выражение в характере типов жилищ, керамики, религиозно-космогонических воззрений.

Значение подобных связей как предварительного условия для происшедшей много веков спустя греческой колонизации не следует преувеличивать. В ряде случаев более чем очевидно, что носителями их было догреческое население не выясненной еще этнической принадлежности. С другой стороны, следует учитывать, что почти весь бронзовый век Северного Причерноморья проходил под знаком этнокультурного доминирования культур, генетически связанных со степным Востоком, в основе своей пастушеских (древнеямная, катакомбная, культура многоваликовой керамики, срубная и др.).

Известный бородинский комплекс показателен в том отношении, что он фиксирует наличие связей не только со Средиземноморьем, но и с Поволжьем (копье сейминского типа), Кавказом (топоры), Трансильванией (ряд серебряных предметов вооружения). Я. В. Доманский, отметив наличие подобных связей с районами, не принимавшими никакого участия в основании северопричерноморских колоний, совершенно справедливо приходит к выводу: «Но если они (связи — В. Л.) устанавливаются в равной мере с несколькими странами юга, то это ставит под сомнение их роль в процессе возникновения греческих колоний, заставляет предположить, что в отношении колонизации дело не столько в этих сношениях, сколько в каких-то других стимулах и обстоятельствах. Иначе непонятно, почему мы не видим колоний государств Передней Азии в Северном Причерноморье»⁹.

Отмеченные выше материалы, несмотря на возможность рассматривать их как свидетельство определенных связей с Эгейским миром, не дают указаний на существование систематического и непосредственного контакта Северного Причерноморья с древней Эгеидой. Нетрудно было бы показать, что все эти связи большей частью имели опосредованный характер и значение их как своеобразной предстатии греческой колонизации очень невелико.

Далее, следует заметить, что наиболее поздние из этих материалов датируются рубежом II—I тысячелетий. Между рубежом II—I тысячелетий и второй половиной VII в. до н. э. мы имеем ничем не заполненный разрыв. Столь характерный для времени греческой колонизации археологический материал, как

⁹ Я. В. Доманский. О начальном периоде., стр. 123—124.

керамика, ранее не прослежен ни одним черепком хотя бы протогеометрического или геометрического стиля. Вторая половина VII в. знаменует собой качественно отличный этап связей Северного Причерноморья с Эгейским бассейном и представлена целым каскадом археологических материалов, солидно подкрепленным литературной традицией. Так на деле выглядят «постепенное и неуклонное нарастание предпосылок колонизации», рост меновых и торговых связей».

Ряд возражений вызывает распространенное в науке мнение о культурной преемственности в Степном Причерноморье между населением эпохи бронзы и периода греческой колонизации. Постановка этого вопроса закономерно вытекает из утверждения, что греческие поселения (эмпории, а затем и колонии) возникали здесь не на пустых местах, а в населенных пунктах местных племен, вступающих в торговые связи с греками. Колонизация рисуется как процесс постепенного проникновения греков в местную этническую среду. Ограничимся одним примером: «Даже столь поздно появившийся боспорский населенный пункт, как город-крепость Илурат, основание которого относится уже к I веку н. э., возник на месте поселения еще догреческого времени, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные находки каменных орудий и керамика предскифского периода, сделанные при раскопках этого города».

...Эти (приводится еще ряд примеров. — В. Л.) исследования ставят на твердую почву вопрос о преемственности догреческих киммерийских или раннекифских поселений и поселений античной эпохи и проливают свет на значение отдельных ранних находок в других пунктах Керченского полуострова»¹⁰.

Приведенные факты не подтверждают мысли автора. Достаточно сообразить, что между каменными орудиями и античным Илуратом лежит лагуна тысячелетнего масштаба, как станет ясно, насколько «тверда» почва, на которой стоит «вопрос о преемственности».

Разрыв в связях с Эгейским бассейном в первой четверти I тысячелетия до н. э. не случаен. Он усугублен тем разрывом между памятниками эпохи поздней бронзы и античного времени, который наблюдается повсюду в Степном Причерноморье. Для района Боспорского государства он отмечен А. А. Иессеном, который признал, что не видит там признаков существования догреческого культурного центра¹¹. С возражениями А. А. Иессену выступил В. Д. Блаватский, настаивавший на том, что во всяком случае часть греческих поселений Боспора возникла на уже ранее обжитых местах и подчеркивал

большую роль киммерийского населения на Боспоре¹². При этом В. Д. Блаватский апеллировал прежде всего к Стефану Византийскому¹³ и Евстафию¹⁴, связывавшим основание Пантикапея с сыном Зета, братом Медеи, который, в свою очередь, получил это место от скифского царя Агаета. Однако достоверность этого сообщения более чем сомнительна.

Более приемлема археологическая аргументация В. Д. Блаватского. Он отмечает находки в Пантикапее и его окрестностях бронзовых кельтов, упомянутого выше топора с изображением быка и солнца, каменного топорика из меевика, обломков догреческой посуды, догреческого погребения и циклопической кладки Золотого кургана¹⁵. Древность большинства из этих памятников несомненна, так же как и наличие здесь поселения в эпоху бронзы, может быть, даже и киммерийского урочища, на чем настаивает В. Д. Блаватский. Этим, однако, не заполняется лагуна между памятниками эпохи бронзы и памятниками поры греческой колонизации и не доказывается наличие здесь местного населения в момент появления греков.

В последнее время сведения о догреческом поселении на месте Пантикапея пополнились благодаря исследованию И. Д. Марченко¹⁶. Ею описаны обломки шлифованных каменных топоров, 6 кремневых орудий и несколько обломков керамики. Из-за очень нечетких датировок (кремневые орудия И. Д. Марченко считает возможным датировать даже VI в. до н. э.; в действительности, судя по публикациям, они принадлежат к эпохе энеолита и ранней бронзы) может создаться впечатление отсутствия перерыва в заселении этого района. Отсюда и выражение «догреческий Пантикапей», «догреческий период существования Пантикапея», настолько же верное, насколько правильно говорить о палеолитическом периоде существования Киева.

Аналогичная картина наблюдается и в других пунктах Боспорского царства. Значительное количество памятников эпохи бронзы дали раскопки Тиритаки. Две каменные антропоморфные, так называемые киммерийские стелы, были обнаружены в основании кладки раннеклассического времени¹⁷. Подобные стелы, связываемые в последнее время с ямно-катакомбной культурой, распространены на широкой территории от Трансильвании

¹² В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, М., 1954, стр. 13; его же. Киммерийский вопрос и Пантикапей. — Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, № 8, 1948, стр. 9—18.

¹³ Steph. Byz., s. v. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ.

¹⁴ Eustath. Comm. ad Dion., 311.

¹⁵ В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, стр. 13.

¹⁶ И. Д. Марченко. Новые данные о догреческом Пантикапее. МИА, № 103, М., 1962, стр. 86—93.

¹⁷ См. Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной частоты Тиритаки. МИА, М.—Л., 1941, стр. 38—39, рис. 50—51.

¹⁰ Д. Б. Шелов. Возникновение Феодосии. Нумизматический сборник, ч. 2, М., 1957, стр. 21.

¹¹ А. А. Иессен, указ. соч., стр. 33.

и Добруджи до Крыма¹⁸. При раскопках 1938 и 1946 гг. в античных слоях найдены обломки каменных шлифованных топоров и ножевидная кремневая пластинка¹⁹, что дало возможность В. Ф. Гайдукевичу поставить вопрос о существовании здесь доантичного селища²⁰. Все это, однако, не дает оснований утверждать, что античной Тиритаке непосредственно предшествовало какое-то местное поселение.

Отдельные находки предметов догреческого времени — кремневых стрел, вкладышей для серпов, пластинок с ретушью — обнаружены в Мирмекии, в некрополе Фанагории и ее окрестностях, на поселении к юго-востоку от станицы Таманской²¹, в Нимфее²².

Обломки догреческой керамики обнаружены в Нимфее²³, Мирмекии²⁴ и Фанагории²⁵. Нет оснований датировать эту керамику временем, непосредственно предшествующим греческой колонизации²⁶.

Реальное соотношение различных археологических периодов ярко выявляется на примере Киммерика²⁷. Обильно представлен здесь материал эпохи поздней бронзы, который может быть четко отделен, — исключая районы с мешаным слоем, как, например, в месте городской свалки, — от материала античного

¹⁸ См. А. А. Шепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, № 3, 1963, стр. 38—47; особ. стр. 45; его же. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, № 2, 1958, стр. 143—148; А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, К., 1952, стр. 16; Г. Т. Титенко. Каменная стела из с. Первомаевки. КСИА, вып. 5, К., 1955, стр. 78—79; В. И. Канивец. Курган раннего бронзового века у с. Первомаевка на Херсонщине. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 75—77; В. М. Даниленко. До кимерийской проблемы. Археология, т. V, К., 1951, стр. 218—225.

¹⁹ См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, М.—Л., 1952, стр. 25—26. 74, 106—107, рис. 17.

²⁰ См. там же, стр. 107—108; его же. Раскопки Тиритаки и Мирмекии. КСИИМК, вып. 21, М., 1947, стр. 89; его же. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекии. ВДИ, № 3, М., 1947.

²¹ Сводку этих материалов см.: В. Д. Блаватский. Архаический Боспор, МИА, № 33, М., стр. 14.

²² См. М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея. СА, т. XVI, 1952, стр. 236 и след.

²³ См. А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. СА, № 1, 1961, стр. 260—261.

²⁴ См. Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекии и Тиритаки, МИА, № 25, М.—Л., 1952, стр. 250 и след.

²⁵ См. И. Т. Кругликова. К вопросу о негреческом населении Фанагории. ВДИ, № 1, 1950, стр. 102—104.

²⁶ Лишь неточностью можно объяснить, например, отнесение Е. Г. Кастанаян к VI в. обломка позднекатакомбного сосуда из Мирмекии (см. Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 251, рис. 4).

²⁷ См. И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. 43, 1952, стр. 92, и след.; ее же. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, М.—Л., 1958, стр. 219—253.

времени. В своей последней работе, посвященной Киммерии, И. Т. Кругликова устанавливает непрерывность развития поселения на восточном склоне горы Опук от эпохи бронзы вплоть до античного времени²⁸. Этот вывод, однако, базируется на устаревшей датировке керамики обиточенского типа, которую И. Т. Кругликова вслед за О. А. Кривцовой-Граковой²⁹, считает переходной от керамики позднерубного типа к керамике, аналогичной широкобалковской. Исследования Д. Я. Телегиным двуслойного поселения у с. Ушкалки позволяют пересмотреть датировку этого типа керамики в сторону удорожения и отнести ее к раннему этапу позднерубной культуры³⁰. Вместе с тем отпадают основания для выводов о непрерывности существования применительно не только к поселению на восточном склоне горы Опук, но и к ряду других исследованных И. Т. Кругликовой поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Боспора³¹. Поселения античного времени, возникающие на месте поселений эпохи поздней бронзы, не имеют элементов автохтонности, являются продуктом греческой колонизации и могут рассматриваться как греческие поселения. И. Т. Кругликова в последней работе о Киммерике делает шаг назад, усматривая в поселении VI—IV вв. до н. э. на восточном склоне горы Опук негреческое, но эллинизованное поселение³², хотя несколько ранее она совершенно справедливо относила его, как и поселение у Героевки, к числу поселков греков-земледельцев³³. Действительно, иначе и не объяснить греческую материальную культуру этих поселений, греческий культ (наличие культовых статуэток на восточном склоне горы Опук), греческое домостроительство и даже применение слоевых субструкций в качестве фундаментов (Героевка).

Если от рассмотренного выше района обратиться к материалам степной полосы Северного Причерноморья вообще, то получим не менее выразительную картину. В последней общей работе о Скифии, принадлежащей И. В. Яценко, читаем следующее:

²⁸ См. И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг., стр. 233 и след., 253.

²⁹ См. О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, М., 1955, стр. 151 и след.

³⁰ См. Д. Я. Телегин. Питание відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. Археологія, т. XII, К., 1961, стр. 3—15; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. К., 1961, стр. 192 и след.

³¹ См. И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 74—92; ее же. Исследование сельской территории европейского Боспора. СА, № 1, 1957, стр. 216—231.

³² См. И. Т. Кругликова. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг., стр. 219 и след.

³³ См. И. Т. Кругликова. Исследование сельской территории европейского Боспора., стр. 229.

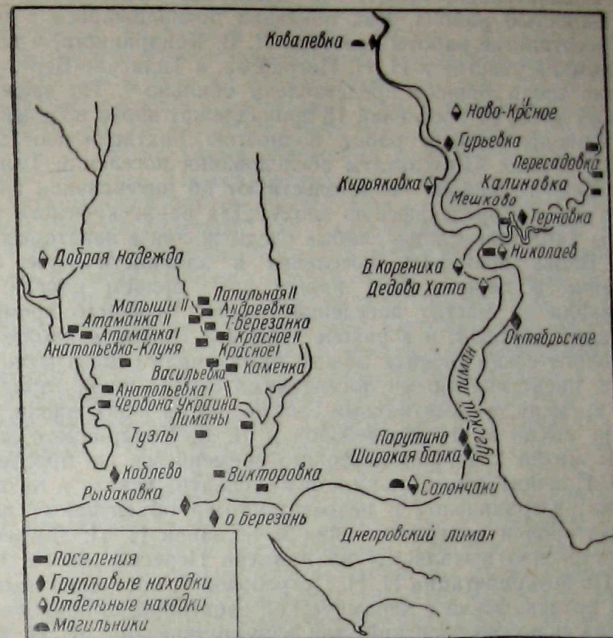
«Археологических памятников второй половины VII—начала VI в. до н. э. на изучаемой территории известно очень мало. Нельзя выделить ни одной определенной группы поселений этого времени... В основном же создается впечатление, что в это время жизнь на поселениях в степном Приднепровье и Приазовье замирает. Большие археологические работы, проведенные в связи со строительством водохранилища и электростанций на Днепре и реке Молочной, не обнаружили поселений этого периода. Так же редко встречаются погребения VII—VI вв. до н. э., причем все они разбросаны на большой территории и являются впускными в курганы бронзового века. Но уже в VI в. до н. э. в отдельных районах по берегам Днепра и Бугского лимана возникают поселения и курганные могильники, что, по-видимому, нужно связывать с большими изменениями и событиями в жизни населения»³⁴.

Общая линия развития в указанном районе подмечена И. В. Яценко очень верно и вряд ли может подвергаться сомнению. Это же положение следует распространить и на более раннее время. Действительно, между памятниками догреческого периода, представленными весьма разнообразно и полно, время существования которых определяется XII—VIII вв. до н. э.³⁵, и памятниками периода греческой колонизации посредующее звено не улавливается. Проводившиеся в широких масштабах археологические исследования в районе Каховской ГЭС и Молочанского водохранилища лишней раз свидетельствуют об этом. Среди открытых здесь памятников доминируют погребения эпохи бронзы и эллинистического периода. На отсутствие раннескифских памятников указывали сами авторы раскопок³⁶. Отсутствие памятников конца VIII—VII вв. до н. э., синхронных появлению скифов в Северном Причерноморье, отмечает и И. В. Яценко³⁷.

Для времени раннего этапа греческой колонизации имеется лишь очень небольшое количество погребений, которые могут представлять собственно скифскую кочевую культуру³⁸ и поддаются более или менее надежной датировке (типа погребений у Нижних Серогоз³⁹, у с. Константиновки⁴⁰).

³⁴ И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. М., 1959, стр. 76.
³⁵ Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, стр. 113; Б. Н. Граков и А. И. Тереножкин. Субботовское городище. СА, № 2, 1958, стр. 172.
³⁶ А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории Молочанского водохранилища, стр. 17—18.
³⁷ См. И. В. Яценко, указ. соч., стр. 25.
³⁸ Погребения этого времени из Аджигольского могильника рассматриваются нами как греческие; см. ниже.
³⁹ См. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 84—85; ОАК, 1898, стр. 25.
⁴⁰ См. П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки. КСИИМК, XXXVII, М., 1951, стр. 141 и след.

Район Нижнего Побужья представляет особый интерес, поскольку здесь находился один из крупнейших и наиболее ранних узлов греческой колонизации Северного Причерноморья. Поэтому он требует особого рассмотрения.

Эпоха поздней бронзы в Нижнем Побужье.

Наличие интенсивной жизни в эпоху бронзы для районов Нижнего Побужья засвидетельствовано многочисленными находками⁴¹, происходящими главным образом из кладов и погребений. Поселений этого времени известно пока немного. Одно из них обнаружено на месте г. Николаева, между Бугом и Ингулом; оно представлено весьма значительным количеством

⁴¹ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, М.—Л., стр. 212 и след; ее же. О скифских элементах в культуре Ольвии. Там же. О скифских элементах в культуре Ольвии. Там же, стр. 154 сл.; Древности, т. XIII, стр. 316 и след; В. Ястребов. Опыт топографического обозрения археологических памятников Херсонской губернии. ЗООИД, т. XVII, Одесса, 1894; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1, К., 1951.

находок, хранящихся в Николаевском музее. В 1949 г. поселение эпохи бронзы открыто в Викторовке, в 1950 г. — в районе Каменки, в 1956 г. благодаря разведочным раскопкам обнаружено поселение эпохи бронзы у с. Пересадовки.

Незначительное количество поселений объясняется слабой изученностью района. Как показали проводившиеся в последнее десятилетие работы краеведа Л. В. Кондрацкого, в которых принимала участие и Н. Н. Погребова, в Тилигуло-Березанском районе эпоха бронзы представлена обильно⁴². Из зафиксированных здесь 22 поселений 15 принадлежат эпохе поздней бронзы. Выводы авторов работ полностью подтверждают мнение И. В. Яценко: «Результаты обследования поселений Тилигуло-Березанского района свидетельствуют об интенсивной заселенности края в предскифскую эпоху. Для раннескифского времени мы наблюдаем лишь слабые следы жизни в некоторых пунктах. Вновь появились поселения в эллинистическое время, особенно в первые века нашей эры, причем иногда... они возникли на местах поселений предшествующего времени»⁴³.

Таким образом, и в районе Нижнего Побужья наблюдается хронологический разрыв между памятниками догреческого периода, представленными поселениями с керамикой сабастиновского времени, и памятниками собственно античной эпохи. Правда, по мысли Н. Н. Погребовой и Л. В. Кондрацкого, слабые следы жизни для раннескифского времени все же прослеживаются. Причину этого, по-видимому, следует искать в не вполне четком разграничении и недостаточности объективных данных для датировки археологических материалов Н. Н. Погребовой, что отчетливо выявляется на примере Пересадовского поселения. По интерпретации Н. Н. Погребовой⁴⁴, поселение имеет два слоя: предскифский с керамической сабастиновско-обиточненского типа и позднескифский, или эллинистический. Н. Н. Погребова допускает даже очень длительное, почти непрерывное существование поселения от эпохи бронзы до позднего эллинизма⁴⁵. В другом месте она отмечает, что ранняя Пересадовка существовала по крайней мере с IX по VII в., доживая, как показывают фрагменты амфор, до VI—V вв. до н. э.⁴⁶ Отсутствие керамики позднесабатиновского времени она объясняет локальным своеобразием ингульского варианта сабастиновской культуры.

⁴² См. Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК, вып. 78, М., 1960, стр. 74—84.

⁴³ Там же, стр. 84.

⁴⁴ См. Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, № 4, 1960, стр. 76—90.

⁴⁵ См. там же, стр. 88.

⁴⁶ См. там же, стр. 90.

Однако выводы Н. Н. Погребовой вызывают некоторые сомнения. Допущение в керамике Пересадовского поселения VIII, VII и даже VI вв. до н. э. одних реликтовых форм сабастиновского и среднебронзовых типов не находит удовлетворительного объяснения. Кроме того, керамика колонизационного периода встречена только в верхних двух штыках, т. е. в гумусном слое. Количество ее, включая и обломки амфор, составляет всего около 7% общего количества керамики, что крайне незначительно для выводов о наличии эллинистического слоя. Лепная керамика позднего времени представлена всего четырьмя обломками, из которых два — корчеватовского типа; греческая керамика VI—V вв. — только двумя обломками ножи и ручки амфор.

Таким образом, Пересадовское поселение, по-видимому, не дает картины, отличной от других пунктов Нижнего Побужья, и может рассматриваться, как однослойный памятник эпохи бронзы. Разрыв между памятниками эпохи бронзы и колонизационного времени особенно ярко выявляется в районе с. Викторовки на правом берегу Березанского лимана, где на очень небольшой территории радиусом в 2,5 км открыты четыре поселения, принадлежащие различным эпохам и не перекрывающие друг друга⁴⁷. Одно из этих поселений, расположенное в самом селе, в пределах четырех дворов на огородах южного склона Большой Викторовской балки (Викторовка III), принадлежит эпохе бронзы и характеризуется полным отсутствием античного материала и керамики «скифского типа»⁴⁸. Два других поселения принадлежат античному периоду. Из них Викторовка I по своему характеру очень близка поселению у Широкой балки и датируется несколько более поздним, чем последнее, временем. Строительные сооружения и материалы культурного слоя носят ярко выраженный греческий характер⁴⁹. Между Викторовкой III и I большой хронологический разрыв, который не ликвидируется и расположенным недалеко от Викторовки Березанским поселением. Даже М. Ф. Болтенко, склонный рассматривать все указанные поселения (в том числе и на острове Березань), как непрерывный ряд обитания аборигенного населения, вынужден признать, что «не хватает пока небольшого звена для установления полной увязки между Викторовкой III и самой ранней Березанью»⁵⁰. Это недостающее звено — время, непосредственно предшествующее возникновению Березанского поселения.

⁴⁷ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 213.

⁴⁸ М. Ф. Болтенко. Археологическое исследование берегов Березанского лимана в 1949—1950 гг. Архив ИА АН УССР, 1950/11, № 1167, стр. 9 и след.

⁴⁹ См. С. И. Капошина, указ. соч., стр. 240 и след; ср. Ф. Рудык. Древнее поселение Викторовка I. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 63—66.

⁵⁰ М. Ф. Болтенко, указ. соч., стр. 10.

Аналогичная картина выявилась в районе с. Каменки в верховьях Березанского лимана, где были открыты одно поселение эпохи бронзы и два поселения первых веков нашей эры. Все указанное привело С. И. Капошину к выводу о том, что «пока нет возможности установить преемственность населения, существовавшего уже в предскифское время, и населения, с которым греки вступали в определенные взаимоотношения в период колонизации»⁵¹. С этим нельзя не согласиться. Заметим только, что для раннего этапа колонизации мы не видим в данном районе и того населения, «с которым греки вступали в определенные взаимоотношения».

В том, что поселения античного времени возникали иногда на местах, где ранее существовали поселения эпохи бронзы, нет ничего удивительного. Априорно можно заключить, что население античного времени заселяло ту или иную территорию безотносительно к тому, была она заселена в предшествующие времена или нет. Отличаясь в этом отношении от некоторых современных исследователей, упорно желающих в одном конкретном пункте проследить эволюцию человечества от бронзового века до славянства, это население не могло быть, однако, безразлично к естественным условиям своего существования и учитывало такие факторы, как удобство местоположения, естественная защищенность места, наличие источников пресной воды и т. д. Все это, конечно, учитывалось в той или иной мере и их предшественниками. Поэтому возникновение поселений античного времени на местах, ранее заселенных, вполне допустимо. И, действительно, некоторый археологический материал говорит в пользу такого предположения.

Для Ольвии находки предметов эпохи бронзы зафиксированы давно⁵². К их числу относятся каменные топоры, восходящие ко II тысячелетию до н. э.⁵³ Немногочисленные керамические обломки, предположительно один лепной орнаментированный сосуд сходного срубной культуре типа⁵⁴ и встречающиеся время от времени кремневые орудия и отщепы, которые попадают даже в верхнем гумусном слое или просто на поверхности земли. Несколько поврежденный каменный молот найден в 1961 г. Мы склонны исключить из числа ольвийских находок догреческого периода антропоморфные каменные изваяния, об-

наруженные Б. В. Фармаковским в закладах могил⁵⁵. Но и приведенного выше материала вполне достаточно, чтобы показать, что высказанная С. И. Капошиной гипотеза о наличии на месте Ольвии селища доскифского времени⁵⁶ вполне допустима.

Аналогичную картину дает Березань⁵⁷. Находки догреческих предметов отмечены и в других античных поселениях Нижнего Побужья. В поселении у Широкой балки были обнаружены обломки лепных лощенных, а также с валиком на плечиках сосудов, имеющих аналогии среди памятников эпохи бронзы⁵⁸. Обломок шлифованной каменной булавы, относящейся к эпохе бронзы, обнаружен на поселении Викторовка I⁵⁹.

Таким образом, возможность возникновения поселений античного времени на местах селищ доколониационного периода не исключена.

Но этим еще подчеркивается отсутствие связующего звена между теми и другими поселениями. Для двух основных и наиболее ранних узлов греческой колонизации Северного Причерноморья (Боспора и Ольвии), нет, следовательно, сколько-нибудь надежных памятников, непосредственно предшествующих возникновению античных колоний.

Не являются доказательством проникновения греков в уже имеющуюся туземную этническую среду и обычно приводимые данные топонимики. Можно полагать, что в данном случае мы имеем дело не с реликтовыми явлениями, не с непосредственным усвоением уже существовавших местных названий, а с творчеством самих греков, базирующимся на их мифологических и исторических представлениях. В вопросе о «киммерийской» топонимике мы присоединяемся к мнению Л. А. Ельницкого: «будучи греческого, а не местного происхождения, (она) базируется на легендарных, а не на историко-географических представлениях. Как известно, киммерийцев на основании топонимических данных Эфор (у Страбона, V, 4, § 5) помещает в Италию, близ Авернского озера, где находился известный также Плинию (NH, III, 61) пункт Киммерий и где легенда, связанная с культом куманской Сивиллы, помещала вход в Гадес»⁶⁰. И далее: «Географические названия, содержащие

⁵¹ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 213.

⁵² См. С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 154 и след.

⁵³ ИАК, вып. 13, 1904, стр. 190, рис. 150; ОАК, 1904, стр. 94, рис. 12.

⁵⁴ Обстоятельства приобретения этого сосуда Одесским музеем уточняются в рецензии М. Ф. Болтенко, И. Д. Головки и Ф. М. Гудимова на том «Ольвия и Нижнее Побужье» (праці ОДУ, т. 149. Серія історичних наук, вип. 7. Археологічний збірник, ч. I, Одесса, 1959, стр. 167.

⁵⁵ ИАК, вып. 13, 1904, стр. 150, рис. 96, стр. 160. Ср. С. И. Капошина. указ. соч., стр. 157. По крайней мере одна из этих стел несомненно греческого происхождения.

⁵⁶ См. С. И. Капошина, указ. соч., стр. 157.

⁵⁷ См. ниже.

⁵⁸ См. Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, вып. XL, М., стр. 122.

⁵⁹ См. Ф. Рудык. Древнее поселение Викторовка I. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. I, Одесса, 1957, стр. 63.

⁶⁰ Л. А. Ельницкий. Киммерийцы и киммерийская культура. ВДИ, № 3, М., 1949, стр. 19, прим. 2.

в себе киммерийцев, принадлежат... грекам и возникли в результате работы их мифико-географической мысли. Киммерийский Боспор, Киммериду, Киммерик, равно как и названные Геродотом Киммерийский вал и Киммерийские перепавы, наименовали греки — те же самые и из тех же соображений, что и поместившие на берегу Керченского полуострова Китей — мифическую родину волшебницы Медеи»⁶¹.

То же самое, по-видимому, следует сказать и о «скифской» топонимике (если вообще можно с уверенностью выделить таковую из общей непреческой топонимики). Но поскольку связь греков с родоплеменным миром, именуемым ими «скифским», имела вполне реальные формы, здесь можно допустить и некоторое взаимопроникновение отдельных «скифских» или греческих названий. Доказательству тезиса о постепенном оседании, «врастании» греков в туземную среду это ни в коей мере не содействует.

Отметим, кстати, что ряд названий городов, в которых усматривают местное происхождение, таковым не является. Не только Фанагория и Гермонасса, на что уже указано Б. Н. Браковым и А. И. Мелюковой⁶², но и Ольвия, и Борисфен, и даже Пантикапей⁶³ могут быть выведены из греческого языка. Точно так же, надо полагать, и имя Диоскураида — греческого, а не местного происхождения⁶⁴.

Отсутствие связующего звена между материальной культурой Северного Причерноморья в предколониационный и колониационный периоды в последнее время еще раз было превосходно подтверждено В. И. Цалкиным на материалах остеологии⁶⁵. Сравнивая состав стада крупного рогатого скота в эпохи бронзы и раннего железа (под последним понимается преимущественно колониационный этап), В. И. Цалкин видит между тем и другим настолько большой качественный разрыв,

⁶¹ Л. А. Ельницкий. Киммерийцы и киммерийская культура. — ВДИ, № 3, М., 1949, стр. 21.

⁶² См. Б. Н. Браков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, стр. 58.

⁶³ Нашу собственную попытку вывести последнее имя из дорийского КАΠΟΣ (См. «Археология», т. XIV, 1962, стр. 23, прим. 36 следует признать ненадежной. Более вероятно предположение А. А. Белецкого о происхождении имени «Пантикапей от производных глагола ΣΚΑΠΤΩ (ср., напр., КАΠΕΤΟΣ). Наличие locativus (ΠΑΝΤΙ) здесь вполне оправдано (ср. Пантиполис). Любопытно, что отражение имени «Пантикапей» А. А. Белецкий усматривает даже в современном названии Перекопа (О древнейших названиях Азовского моря, Керчи и Керченского пролива. — Тезисы доклада на Общем собрании Одесск. археолог. об-ва в 1963 г.).

⁶⁴ См. В. Б. Виноградов и А. В. Куза. Вопросы древней истории на VII Всесоюзной археологической конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. ВДИ, № 3, 1961, стр. 168.

⁶⁵ См. В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, М., 1960.

что исключает возможность эволюционного превращения первого во второй⁶⁶. Основную массу скота в Северном Причерноморье в эпоху раннего железа составлял однопородный комолый и короткорогий скот. Немногочисленные экземпляры длиннорогого скота другой породы, встреченные в Ольвии, возможно, представляют остатки более древней местной породы, однако они могли быть завезены и из других районов в результате торговых операций или военных событий⁶⁷.

Исходя из положения, что порода домашнего животного в древних культурах — это явление прежде всего географическое⁶⁸, В. И. Цалкин ищет решение вопроса в том, что комолый и короткорогий скот приведен сюда скифскими племенами, и исключает другую, не менее вероятную возможность — поступление скота из греческой метрополии в процессе колонизации. Таким образом удается достаточно убедительно показать несостоятельность мнения В. А. Топачевского об автохтонном происхождении скота⁶⁹. В то же время определенный интерес представляет мнение В. А. Топачевского о возникновении мельчающей породы скота в результате его загонного содержания, что совсем не характерно для кочевых племен. В. И. Цалкин справедливо отклоняет возможность загонного содержания скота у скифов⁷⁰. Подобное положение, однако, применимо может быть к архаическим грекам, живущим оседло в условиях перенаселенности. При учете аграрного характера колонизации гипотеза о поступлении неизвестных ранее для этих мест пород скота в процессе греческих переселений представляется отнюдь не фантастичной.

Допускаем непривычность и необычность подобной мысли. Нам могут заметить, что автор мыслит корабль греческих переселенцев по образцу библейского ковчега. Но, во-первых, реальный ход колонизации пока еще настолько неясен, что мы не можем даже сказать, двигалась ли волна переселенцев по морю на кораблях (таково традиционное представление, исключая массовый характер процесса) или по суше, как это обычно было у большинства народов древности. Далее, даже допустив, что переселение осуществлялось морским путем, мы не можем полностью исключить такую ситуацию, при которой переселенцы могли бы забрать с собой часть своего скота. Если скот вывозился из окружающих Понт мест, как это следует из сообщения Полибия⁷¹, то он мог и ввозиться туда. Необходимо,

⁶⁶ См. В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 53, М., 1960, стр. 35.

⁶⁷ См. В. И. Цалкин, указ. соч., стр. 29 и 35.

⁶⁸ Там же, стр. 33.

⁶⁹ См. В. О. Топачевский. Фауна Ольвии. Збірник праць Зоологічного музею АН УРСР, № 27, К., 1956.

⁷⁰ См. В. И. Цалкин, указ. соч., стр. 30.

⁷¹ Pol., IV, 38, 4.

наконец, указать на качественный состав скота в античных поселениях. Даже не вдаваясь в существо разногласий между В. И. Цалкиным и В. А. Топачевским относительно преобладания овец или козы среди мелкого рогатого скота, нетрудно заметить, что этот состав стада характерный именно для оседлого, а не кочевого народа. Лошадь, основное богатство скифа-кочевника, занимает здесь такое же незначительное место, как и свинья — животное, отнюдь не созданное для кочевого образа жизни, подавляющую же массу скота составляет крупный и мелкий рогатый скот (в Ольвии, например, более 80% для догетского периода).

Качественный разрыв между стадом бронзового века и античного периода, отмеченный В. И. Цалкиным, рассматривает и П. Д. Либеров⁷². Он видит трудности, возникающие при решении этого противоречия⁷³. Объяснение всему этому он находит в том, что «скотоводство эпохи раннего железа складывалось здесь, по крайней мере, из двух факторов: местной скотоводческой среды предшествующих эпох, которой мы придаем решающее значение, и скотоводства пришедших сюда в эпоху средней и поздней бронзы племен срубной культуры»⁷⁴. В качестве доказательства этого положения приводится такая самоочевидная истина, что у племен, обитавших на территории Северного Причерноморья в эпоху бронзы, было развито скотоводство. П. Д. Либеров останавливается на остеологических материалах Луки Врублевцевой, Усатовского и других поселений, на основании статистических подсчетов делает выводы о соотношении различных видов скота в стаде населения, оставившего эти памятники, говорит о переходе от пастушеского скотоводства к кочевому. Не говорит он только об одном: чем объяснить качественное отличие длиннорогого и крупнородного скота эпохи бронзы от комолого короткорогого мелкородного скота античного времени. И это понятно, поскольку П. Д. Либеров стремится доказать, что «скотоводство эпохи раннего железа имеет глубокие исторические корни. Оно развивается не на пустом месте, но имеет свою предысторию, созданную на местной скотоводческой основе, осложненной проникновением в Северное Причерноморье, вероятно, не одной волны скотоводов-кочевников»⁷⁵.

Между тем и В. И. Цалкин не устраняется от рассмотрения остеологических материалов предскифского времени. Но, в отличие от П. Д. Либерова, он не останавливается на памятниках трипольской культуры, а вполне резонно берет хронологически

более сравнимые, более близкие по времени к раннежелезным памятники, используя немногочисленные материалы из раскопок догетских поселений, произведенных Н. Н. Пегребовой (Пересадовского на нижнем течении Ингула, Анатольевского, Красного 2 и Леонидовского вблизи Тилигульского лимана).

Тем самым выводы В. И. Цалкина, являющиеся подтверждением высказанного ранее мнения В. А. Топачевского, приобретают еще большую убедительность: «...следует признать, что скот в Северном Причерноморье в начале I тыс. до н. э. был несомненно более крупным (а может быть, и более длиннорогим), чем во второй половине этого же тысячелетия и в первые века нашей эры»⁷⁶.

Вызывает сомнения и понимание П. Д. Либеровым основной линии развития скотоводства в античных государствах. Сопоставляя костный материал «скифского» и «сарматского» времени из античных городов Северного Причерноморья, П. Д. Либеров приходит к выводу, что «резкое увеличение количества крупного рогатого скота в ущерб мелкому», наблюдаемое в позднее время, «было вызвано созданием кормовой базы, которая в скифское время, конечно, была невелика вследствие ограниченности территории выгона скота за пределами города, особенно в Ольвии, в связи с большой активностью местных скифских племен. Расширение этой территории могло быть обеспечено лишь при улучшении отношений с местным населением, что, по-видимому, имело место в начале нашей эры»⁷⁷. В качестве доказательства своей мысли П. Д. Либеров приводит то место из речи Диона Хрисостома, в котором говорится о заселении Ольвии греками после гетского разгрома по желанию скифов, но ни слова не упоминает о том, что в момент посещения Ольвии Дионом город постоянно подвергался нападениям варваров. Однако не в этом дело.

Процесс рустификации античных городов, характерный для античного мира в целом, и, следовательно, экономическое развитие этих городов вообще ставится здесь в прямую зависимость от взаимоотношений с туземным миром, безусловно оказывающим определенное влияние на это развитие, но не определяющим его. В противоположность П. Д. Либерову, В. И. Цалкин подчеркивает постепенное нарастание рустификации, начавшейся еще в эллинистическое время, и справедливо связывает ее с такими, хотя и неравнозначными, факторами, как общая эволюция хозяйства городов и изменение этнического состава населения⁷⁸.

⁷² См. П. Д. Либеров. К истории скотоводства и скота на территории Северного Причерноморья. МИА, № 53, М., 1960, стр. 110—164.

⁷³ Там же, стр. 150 и след.

⁷⁴ Там же, стр. 151, 153.

⁷⁵ Там же, стр. 150.

⁷⁶ В. И. Цалкин, указ. соч., стр. 29.

⁷⁷ П. Д. Либеров. К истории скотоводства и скота на территории Северного Причерноморья, стр. 126.

⁷⁸ См. В. И. Цалкин, указ. соч., стр. 97.

Высказанное П. Д. Либеровым положение находится в противоречии со всей совокупностью археологического материала хотя бы потому, что для раннего времени мы не знаем в Северном Причерноморье укрепленных античных поселений, и это свидетельствует отнюдь не о «большой активности местных скифских племен». Процесс освоения Скифии скифскими племенами не менее постепенен, чем освоение ее приморской полосы греческими колонистами.

Итак, определенный разрыв, отсутствие связующего звена в материальной культуре фиксируется и остеологическим материалом. Отсюда ясно, что говорить о «нарастании предпосылок колонизации», понимаемых сторонниками теории торговой колонизации как условия товарообмена с туземным населением, не приходится. На наш взгляд, неправомерно и широко практикуемое отыскание в материальной культуре античного времени традиций бронзового века, безразлично, идет ли речь о металлообработке или каменном домостроительстве, о погребальном обряде или о хозяйстве. Традиция предполагает преемственность. Нет преемственности — нет и традиции.

На основании археологических материалов создается впечатление отсутствия стабильной заселенности рассмотренных районов в предколониальное время. У нас нет оснований абсолютизировать этот фактор, распространив его на все Северное Причерноморье. По-видимому, и здесь, на сравнительно широкой приморской полосе, сохранились в предколониальное время очаги обитания. Один из таких очагов намечается в южнобережных, горных и предгорных районах Крыма, где исследователями прослеживается непрерывное развитие памятников кизил-кобинской культуры в таврскую. Заметим все же, что именно этот район сравнительно поздно начал осваиваться греческими колонистами. Даже для районов, подвергшихся ранней греческой колонизации, не исключена еще возможность обнаружения памятников предколониального периода. Однако это открытие принципиально не изменит сложившегося положения: так или иначе, мы должны будем и тогда констатировать относительную незаселенность указанных территорий сравнительно с более ранним и более поздним временем.

Высказанное нами соображение находит единственное, но весьма основательное подтверждение в письменной традиции. Мы имеем в виду Геродота. Передав две версии о происхождении скифов, собственно скифскую и греческую, Геродот сообщает: «Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю». Далее историк излагает рассказ о том, как кочевые скифы под давлением массагетов перешли р. Аракс и заняли страну киммерийцев. Последние, не дожидаясь прихода скифов и не желая вступать с ними в борьбу, удалились из страны, так что «вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную на-

селения» (ΣΚΥΘΑΣ ΔΕ ΕΠΕΛΘΟΝΤΑΣ ΛΑΒΕΙΝ ΕΡΗΜΗΝ ΤΗΝ ΧΩΡΗΝ)⁷⁹. Затем Геродот рассказывает о преследовании скифами киммерийцев и о вторжении их в Мидийскую землю⁸⁰. Несколько выше⁸¹ он говорит о том, что скифы находились в Азии 28 лет, оставив в занятой ими стране⁸² своих жен и рабов.

В отличие от первых двух версий третий рассказ — исключая разве такие события, как битва киммерийских царей — сразу внушает доверие своей реальностью и историзмом. Он находит подтверждение и в клинописных свидетельствах древневосточных источников, определенно говорящих о конкретных событиях вторжения киммерийцев и скифов в Азию. Впервые отмеченные для конца VIII в. до н. э. (любопытно, что где-то в этих же пределах начинается и разрыв в материальной культуре Северного Причерноморья) вторжения, как это полагает Б. Н. Граков, были неоднократны в течение всего VII в. до н. э. рубежа с VI в. до н. э.⁸³

Б. Н. Граков полагает, что в Азию ушла только часть киммерийцев, остальные же остались на своих местах. В подтверждение этого он приводит свидетельство Плутарха. Как отмечалось выше такая возможность не исключена. Однако свидетельство Плутарха мало способствует решению вопроса. Плутарх говорит, что киммерийцы, представляющие собой незначительную часть (судя по контексту кимврского этнического) целого, перешли от Меотиды в Азию, оставшаяся же часть их живет у внешнего моря и занимает тенистую, лесистую и туманную землю, где дни равны по величине ночам и т. д.⁸⁴ Ясно, что, говоря об оставшихся, Плутарх имеет в виду жителей не степной полосы, а более северных широт («у внешнего моря»).

Общая обстановка, если указанные выше соображения верны, сложившаяся в Северном Причерноморье к началу греческой колонизации, может быть представлена следующим образом.

Начавшееся в конце VIII в. до н. э. продвижение кочевых скифских племен привело к столкновению с местным оседлым населением, оставившим нам памятники поздней бронзы. Это продвижение, по-видимому, нельзя понимать как внезапный и

⁷⁹ Нег., IV, 11, 10.

⁸⁰ Нег., IV, 12.

⁸¹ Нег., IV, 1.

⁸² Обычно переводят: скифы возвратились «на родину», упуская из виду, что территория киммерийцев, совсем еще не освоенная скифами, не является для них родиной. У Геродота этого противоречия нет. Он пишет ΚΑΤΙΟΝΤΑΣ ΕΣ ΤΗΝ ΣΦΕΤΕΡΗΝ. Существительное от ΣΦΕΤΕΡΟΣ означает приобретенную собственность.

⁸³ См. Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, М., 1954, стр. 12.

⁸⁴ Plut., Mar., XI.

единовременный акт; скорее всего оно носило характер инфильтрации, просачивания кочевников в причерноморские степи. Под натиском кочевников оседлые племена оставляют территорию и переходят в Азию. В таких условиях могло создаться положение временного обезлюдения значительных районов Причерноморья. Этот своеобразный *interregnum* в какой-то степени мог усилиться благодаря существованию здесь в древности обширных лесных массивов (подобных зафиксированной источниками Гилее), сосредоточенных, по-видимому, преимущественно в бассейнах рек⁸⁵. Поскольку местом обитания кочевых племен являлось степное пространство, обеспечивающее их пастбищами для выпаса скота, лесистые районы долгое время могли не привлекать кочевников. Наоборот, районы, богатые лесом, по вполне понятным причинам должны были в первую очередь обратить на себя внимание греческих переселенцев.

В таком случае отсутствие в Северном Причерноморье к началу его колонизации оседлого местного населения, своеобразный *interregnum*, явившийся следствием столкновения двух этнических массивов, облегчали грекам проникновение в Северное Причерноморье. Другими словами, *отсутствие* «предпосылок колонизации» в том понимании какое это имеет место у сторонников теории торговой колонизации, могло явиться благоприятным фактором для развития колонизации. Значение этого фактора, однако, нельзя переоценивать. Оставаясь по своему содержанию процессом имманентным, колонизация в каждом районе носила конкретный характер. Если исходить не только из материалов Северного Причерноморья, можно установить, что значительно чаще колонизационный поток устремлялся в районы, уже занятые каким-то населением, и тогда немалое значение приобретал уровень социального развития этого населения, определявший характер взаимоотношений аборигенов и пришельцев. В одних случаях освоение греками новых территорий сопровождалось вытеснением туземного населения, в других — приводило к установлению более или менее тесных экономических и социальных контактов, не исключаяющих и такую форму, как эксплуатация. Все это хорошо отражено в письменной традиции.

Подчеркнем, что у нас речь шла о разрыве в существовании именно оседлых культур, материально выражающемся в отсутствии поселений предколониационного времени. Такое нарушение стабильности существования оседлых культур в Степном Причерноморье в последнее время начинает признаваться и скифоведами⁸⁶. Столкновение этнических массивов

⁸⁵ См. В. И. Цалкин, указ. соч., стр. 81.

⁸⁶ См., напр., А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифско-

предполагает наличие хотя бы каких-то групп населения, представляющих их. И действительно, некоторые, очень слабые следы такого населения улавливаются. Они представлены немногочисленными (известно до десятка) впускными захоронениями и несколькими единичными или групповыми находками вещей. Наиболее интересным из памятников этого рода является погребение у с. Зольного⁸⁷.

Вместе с тем не исключено, что отмеченный выше большой хронологический разрыв в материальной культуре предколониационного времени обусловлен в значительной степени недостаточностью наших знаний. Как нам представляется, возможен и другой путь решения вопроса о предколониационном периоде в Северном Причерноморье, при котором отмеченный разрыв между культурой поздней бронзы и временем появления греческих колоний может быть значительно сокращен или даже почти сведен на нет. В качестве посредствующего звена может рассматриваться культура (или культуры), одним из выразительных компонентов которой является керамика с резным, часто инкрустированным орнаментом. Керамика эта обнаружена во многих греческих поселениях Северного Причерноморья, хотя и в очень незначительном количестве. Как и керамика эпохи бронзы, она обычно встречается в слоях со смешанным составом находок. Это создает трудности при выделении комплекса простой керамики и других вещей, которые ей сопутствуют.

Вопрос об этнической принадлежности носителей чернолощенной инкрустированной керамики пока остается открытым. В. М. Скуднова считает, например, керамику из Нимфея скифской и видит здесь догреческое скифское поселение⁸⁸, А. М. Лесков — таврской и соответственно говорит о таврском поселении⁸⁹. Последний автор, однако, отметив черты общности этой керамики с таврской, уклонился от определения черт, от-

го периода. СА, № 1, 1965, стр. 76: с конца IX или начала VIII в. до н. э. «оседлый земледельческо-пастушеский мир срубной культуры начинает уступать место кочевым скотоводческим племенам»; ср. его же. Предскифский период на Днепровском Правобережье, стр. 191: «Не приходится доказывать, что признаки оседлости на юге Восточной Европы не исчезают в VIII—VI вв. до н. э., но обнаруживаются они на основании иных памятников» (автор имеет в виду, что если раньше оседлость обнаруживала себя в поселениях, то теперь она представлена единичными керамическими находками).

⁸⁷ См. А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИИ, вып. 12, стр. 57 и след.

⁸⁸ См. В. М. Скуднова. Скифские памятники Нимфея. СА, XXI, 1954, стр. 309—310. См. также М. М. Худяк. Из истории Нимфея VI—III веков до н. э. Л., 1962, стр. 12—16.

⁸⁹ См. А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. СА, № 1, 1961, стр. 259 и след.

личающих ее от инкрустированной керамики других районов с явно нетаврским населением⁹⁰.

Датировка чернолощенной инкрустированной керамики до сих пор остается недостаточно выясненной. Большинство исследователей относит ее к VII—VI вв. до н. э. В последнее время В. Д. Рыбалова уточнила датировку рубежом VII и VI вв. до н. э.⁹¹ Этой же датировки придерживается и С. И. Капошина⁹². Наоборот, И. И. Ляпушкин в своей недавней работе о Днепровском Левобережье не сумел возможным определить время бытования инкрустированной керамики точнее чем VII—VI вв. до н. э.⁹³

В своей датировке инкрустированной керамики В. Д. Рыбалова опирается на материалы Жаботинского и Березанского поселений. Что касается Жаботинского поселения, то инкрустированная керамика найдена не в комплексе с греческой керамикой, к тому же последняя представлена здесь всего лишь одним обломком родосского сосуда; ненадежность датировки по этому единственному черепку очевидна⁹⁴. Значительно уверенней мы можем говорить об инкрустированной керамике с Березани. Прежде всего, мы не можем согласиться с В. Д. Рыбаловой относительно того, что на Березани эта керамика представлена «в большом количестве». Речь может идти в лучшем случае о сотне черепков. По сравнению со многими сотнями тысяч обломков греческой керамики этого же, допустим, времени, найденными на Березани, сотни черепков — совершенно ничтожное количество. Даже в том случае, если бы в греческом поселении находилась незначительная прослойка «местного» населения, материальная культура этого населения должна бы была оставить более ощутимые следы.

Имеется и другое доказательство правильности этой мысли. Если обстоятельства находки чернолощенной инкрустированной керамики при работах Э. Р. Штерна и М. Ф. Болтенко

⁹⁰ Это упущение несколько исправлено А. М. Лесковым в его монографии — Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры (К., 1965, стр. 161). Керамика из Ольвии и с Березани рассматривается здесь как свидетельство каботажного плавания тавров. Если быть последовательным, следы таких плаваний и сухопутных торговых экспедиций тавров придется усматривать и для широкой территории украинской Лесостепи.

⁹¹ См. В. Д. Рыбалова. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. Археологический сборник, изд. Государственного Эрмитажа, вып. 2, Л., 1961, стр. 24.

⁹² См. С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 159—160.

⁹³ См. И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, М.—Л., 1961, стр. 18—37.

⁹⁴ А. И. Тереножкин («Основы хронологии предскифского периода», стр. 82—83) справедливо полагает, что этот обломок еще «не означает, что и саму жаботинскую ступень можно начинать только с момента, которым датируется данная находка».

на Березани не могут быть точно установлены, то наши наблюдения в 1960—1964 гг. дали весьма любопытные результаты. В течение этих раскопных сезонов были открыты культурные слои раннего периода заселения Березани греками, в частности ямы с материалом конца VII — первой половины VI в. до н. э. Ни в одной из таких ям чернолощенная керамика не была обнаружена. В 1960 г. до десятка обломков чернолощенной керамики было обнаружено на раскопе IV в верхнем слое, содержащем хронологически смешанный материал. Эти обломки сопровождалась, в частности, кремневым наконечником дротика⁹⁵. В 1961 г. нами учтены только 2 обломка чернолощенной керамики более чем на сотню тысяч обломков греческой керамики; один из них обнаружен на границе гумусного слоя и слоя, который может быть датирован V в. до н. э.; второй — вне слоя, на поверхности при окончании работ. В 1962—1964 гг. найдено несколько обломков в мешаных слоях. Отсюда следует, что чернолощенная инкрустированная керамика на Березани, как и другие предметы догреческой материальной культуры, не может рассматриваться как органический составной элемент раннегреческого культурного слоя и по отношению к последнему представляет случайное явление. Население, которому принадлежала эта керамика, жило на Березани до появления здесь греков, но с самими греками не имело никаких контактов.

Относительно места инкрустированной керамики в материальных комплексах Березани имеется, однако, и другое мнение. Так, С. И. Капошина, к сожалению не указывающая соответствующих работ М. Ф. Болтенко, пишет что эта керамика «встречается на Березани в незначительном количестве, при этом она обнаруживается, по утверждению М. Ф. Болтенко, в ранних слоях поселения вместе с привозным материалом VII в. до н. э.»⁹⁶.

Хотя лично нам такие случаи пока неизвестны, они не исключены: предшествуя греческой материальной культуре, инкрустированная керамика может встречаться в любом, в том числе и наиболее раннем, слое Березани.

Столь же шатки основания для датировки инкрустированной керамики рубежом VII и VI вв. у С. И. Капошиной. Найденные в архаической яме Ольвии два черепка сопровождалась бронзовым двухлопастным ромбовидным наконечником стрелы. Как отмечает сама С. И. Капошина, по классификации Рау подобные наконечники относятся к предскифскому времени. Попытка датировать их более поздним временем вряд ли может быть

⁹⁵ Находки вместе с инкрустированной керамикой кремневых орудий в слоях античных поселений представляют частое явление, что является показателем мешаного характера этих слоев.

⁹⁶ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 236.

удачной⁹⁷. По крайней мере Березанское поселение, где эти наконечники стрел должны были бы в таком случае представлять массовый материал, не дало пока ни одного экземпляра. Неизвестны они нам и в других античных поселениях. Что касается основной массы материалов из ямы, где были найдены указанные обломки, то они хорошо датируются амфорами середины VI в. до н. э. Это, однако, еще не говорит о синхронности амфор и чернолощенных черепков. Среди ряда находок чернолощенной керамики в Ольвии имеются даже случаи, когда она была обнаружена в яме позднеэллинистического времени. Е. И. Леви правильно отмечает, что «все перечисленные предметы относятся к периоду, предшествующему времени образования колоний в Северном Причерноморье»⁹⁸.

Сказанное относительно керамики с о. Березани применимо и к другим районам Северного Причерноморья, в том числе и к лесостепным. Из работы И. И. Ляпушкина, например, следует, что на городищах Поворскля эта керамика находится в слоях, не содержащих греческого материала, из чего совершенно логично делается вывод, что слои эти «относятся к той поре, когда связи Поворскля с греческим миром или еще совсем не имели места, или были настолько слабы, что не оставляли заметных следов»⁹⁹. Правда, на поселении у хут. Пожарной балки были найдены четыре обломка греческой керамики VII—VI вв. до н. э., но И. Л. Ляпушкин считает их занесенными с соседнего поселения, находящегося в полукиллометре к востоку¹⁰⁰.

Таким образом, есть основания полагать, что чернолощенная инкрустированная керамика, встречающаяся наряду с другими догреческими предметами и в античных поселениях Северного Причерноморья, принадлежит культуре, хронологически предшествующей появлению античных поселений. Это тем более возможно, что нам неизвестно ни одного закрытого комплекса, где бы инкрустированная керамика сопровождалась греческими предметами. Наконец, по крайней мере в античных поселениях

⁹⁷ См. С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 160. Комплекс Гуляй-Городского кургана, который привлекает С. И. Капошина для доказательства более поздней датировки подобных стрел, не свидетельствует в ее пользу. Среди более 150 стрел VI в. обычных типов двухлопастной ромбовидный наконечник стрелы стоит особняком, что, по-видимому, является показателем его вторичного использования.

⁹⁸ Е. И. Леви. Итоги ольвийской экспедиции. КСИИМК, вып. 37, М., 1951, стр. 176—177.

⁹⁹ И. И. Ляпушкин, указ. соч., стр. 36. Подобных же выводов еще раньше придерживались Е. А. Зноско-Боровский. (см. А. Бобринский. Курганы и случайные находки археологические близ местечка Смелы, т. III. СПб., 1901, стр. 141—142) и В. А. Городцов (К вопросу о киммерийской культуре. Тр. секции археологии РАНИОН, II, М., 1928, стр. 59). Оба указанных автора считают инкрустированную керамику киммерийской.

¹⁰⁰ И. И. Ляпушкин, указ. соч., стр. 32.

эта керамика генетически не имеет себе продолжения в лепной керамике античного времени. Являясь столовой посудой, сделанной ручным способом, она принадлежит обществу, для которого гончарный круг не был известен. Высказанные нами соображения не исключают, однако, возможности, что в других районах, в частности в Лесостепи, эта керамика существует более длительное время.

Если изложенное выше относительно чернолощенной керамики верно, мы имеем культуру, которая заполняет в какой-то мере лауну между эпохой поздней бронзы и временем возникновения в Северном Причерноморье греческих поселений. Жизнь общества, оставившего нам инкрустированную керамику, обрывается еще до появления греков. Когда? — на этот вопрос могла бы дать ответ точная датировка чернолощенной керамики; во всяком случае непосредственных связей между нею и греческой материальной культурой мы не видим, так как не видим и генетических связей между чернолощенной керамикой и лепной керамикой греческих поселений. Почему обрывается эта жизнь? Высказанное нами на основании сообщения Геродота предположение не исключает и других возможных ситуаций; этот разрыв в материальной культуре может быть, например, отражением тех событий, о которых нам сообщает Страбон¹⁰¹ и Эфор¹⁰²: киммерийцев изгнали скифы, а скифов — греки, которые, пока не предали роскоши, побеждали скифов и заселяли славными городами Понт Евксинский. В последнем случае хронологический разрыв между догреческой и греческой материальными культурами может быть сведен до минимума.

Таковы предпосылки греческой колонизации Северного Причерноморья в их наиболее вероятных вариантах.

¹⁰¹ Strabo, XI, 2,5.

¹⁰² Athen. Deipn., XII, 26.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ
ЭМПОРИАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ

Постановка вопроса

Как закономерный и обязательный этап в освоении греками Северного Причерноморья так называемый эмпориальный период получил настолько широкое признание, что нет необходимости ссылаться на защитников его исторической реальности. Более важно отметить авторов, которые вносят некоторый диссонанс в эмпориальную теорию.

С. И. Капошина категорически отрицает возможность существования эмпория на месте Ольвии. Полемизируя с В. Д. Блаватским, она отмечает, что предположение об ольвийском эмпории основано не на археологическом материале, а на недостоверном сообщении Евсевия: «В. Д. Блаватский считает, что каждому античному городу в Северном Причерноморье предшествовал эмпорий. Он пытается установить некую всеобщую закономерность, распределяя процесс колонизации на три этапа, которые повсеместно следовали один за другим. Эта точка зрения не находит подтверждения в археологических материалах района нижнего Побужья и потому представляется весьма схематичной»¹. Свое мнение С. И. Капошина еще раз подтвердила на I античной конференции в мае 1956 г.² Тогда же с возражениями С. И. Капошиной выступили М. Ф. Болтенко, который высказал соображение, что эмпорий Ольвии возник немногим позже торговой фактории на Березани, и Н. А. Онайко, утверждавшая, что «характер греческой колонизации и значение Ольвии как торгового центра позволяют предположить, что этот город в период своего зарождения был эмпорием, т. е. сначала временной, а затем постоянной торговой факторией»³. Возражая своим оппонентам, С. И. Капошина

¹ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации нижнего Побужья, стр. 238.

² См. Н. А. Онайко, Обсуждение докладов на конференции, посвященной процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья. ПИСПАЭ, стр. 280.

³ Там же, стр. 280.

заметила, что единичные находки не говорят еще о существовании какого-то особого этапа в истории античных городов, хотя и признала, что появление греков на Березани, очевидно, предполагает их появление и в Ольвии⁴.

Точка зрения С. И. Капошиной не может рассматриваться как решительный отказ от теории «эмпориального периода», поскольку она полагает, что отсутствие эмпория на месте Ольвии компенсировалось эмпорием Березани⁵. Однако сам факт выступлений против традиционных схематических исторических построений имеет положительное значение.

Я. В. Доманский считает возможным, хотя и не установленным, существование эмпориев в Северном Причерноморье. Он отмечает крайнюю скудность археологических данных на этот счет, почти полное умолчание письменных источников в вопросе об основании торговых факторий, считает недоказанным существование эмпориев на Боспоре — в Нимфее, Тиритаке, Мирмекии, Пантикапее. Единственный достоверный пример эмпория Я. В. Доманский видит в поселении на о. Березани⁶.

Нет полного единства в литературе и по вопросу об историческом месте и роли эмпориальной стадии. Большинство исследователей, начиная со второй половины XIX в., рассматривает эмпориальный период как начальный этап непрерывного и качественно однородного колонизационного процесса: от эпизодических наездов купцов к основанию сначала временных, затем постоянных торговых поселений (факторий, эмпориев) с последующим преобразованием их в торговые города и оформлением полисной системы. При этом понятия «город» и «полис» обычно отождествляются. Допускается также превращение торговых городов в производственные центры⁷. Слишком явная противоречивость допущения таких превращений вынуждает отдельных авторов искать каких-то новых решений. Такую попытку мы видим в одном из выступлений В. Д. Блаватского на I античной конференции. Полемизируя с С. Ф. Стржелецким, который в вопросе колонизации чрезмерно преувеличил роль торгового контрагента греков, В. Д. Блаватский отметил, что «ионийский эмпорий на месте позднейшего Херсонеса... был основан как раз вследствие того, что тавры достигли определенной ступени в своем развитии, а колония Гераклеи Понтийской возникла вне зависимости от этих

⁴ Н. А. Онайко, указ. соч., стр. 286.

⁵ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 238—239.

⁶ См. Я. В. Доманский. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э. стр. 113; его же. О начальном периоде... стр. 140—141.

⁷ Ср. А. А. Иессен, указ. соч., стр. 87: «после периода существования постоянных колоний как чисто торговых центров, превращение этих поселений в крупные производственные очаги является закономерным этапом в развитии сношений причерноморских племен с греками».

экономических предпосылок; ее возникновение было обусловлено процессом исторического развития ее метрополии»⁸. Эмпоральная и колонизационная стадии здесь превращаются в два самостоятельных, качественно разнородных процесса, лишь по чистой случайности развертывающихся в хронологической последовательности.

Нечто подобное, но в более отчетливой форме высказывает и Я. В. Доманский. Допуская возможность эмпоральной стадии, он рассматривает ее как самостоятельный, независимый от собственно колонизации процесс, обращает внимание на резкое отличие факторий от колоний. По мнению Я. В. Доманского, образование колонии, в отличие от фактории, предполагает создание новой гражданской общины; если фактория — это чисто торговое поселение, то колония, наоборот, является сложным производственным организмом, в котором торговля занимает далеко не первое место⁹.

Применительно к поселению на о. Березани это положение Я. В. Доманского принимает следующий вид: «Не следует связывать поселение на острове Березани с развитием греческой колонизации, ибо это поселение было определенным итогом торговой деятельности греков, а не колонизационной, было эмпорием, а не колонией»¹⁰. Возникновение колоний (вообще поселений неторгового характера) на местах эмпориев закономерно, но для того, чтобы такая колония (поселения, могла родиться, старый эмпорий должен был умереть. Так, по мысли исследователя, сломленный торговой конкуренцией Ольвии гибнет эмпорий Березани и на его месте, но «на другой основе» возрождается поселение «несколько иного нового облика»¹¹.

Таковы основные отклонения в теории эмпориального периода. Они не случайны и представляют серьезную брешь в концепции «торговой колонизации», являясь попыткой согласования последней с накопленным наукой конкретным историческим материалом. Совершенно несомненна связь эмпориальной теории с теорией торговой колонизации. Только таким путем, через создание эмпориев, через постепенное налаживание торговых связей и могла развиваться торговая колонизация. В этом случае эмпориальный этап должен был носить закономерный, обязательный характер. И наоборот, отказавшись от теории торговой колонизации, мы должны будем признать не только

необязательность, но и вообще ненужность какого-то предколонизационного эмпориального этапа.

Могут возразить, что даже для основания такого поселения, существование которого не обусловлено торговлей, необходимо предварительное знакомство с местом будущей колонии. Абсолютно правильно. Однако сложность такой рекогносцировки не следует преувеличивать. Необходимый минимум знаний накапливался в процессе самой колонизации, освоение одной территории влекло за собой знакомство с другой, более отдаленной. В общих чертах колонизация представляется нам процессом постепенного волнового распространения в районах, прилежащих к бассейну Средиземного и Черного морей. Овладение Боспором Фракийским, проливами создавало предпосылку для колонизации южного и западного побережий Черного моря, освоение устья Дуная влекло за собой знакомство с днепровским бассейном, удаленным от бассейна Дуная на несколько дней безопасного каботажного плавания.

Процесс накопления знаний о дальних странах естественней мыслить как продукт житейской будничной деятельности, нежели как продукт деятельности легендарных аргонавтов или даже более исторически реальных пиратов-купцов. И если содержащиеся в мифологическом арсенале греков фантастические сведения о дальних странах действительно являются отражением, хоть в какой-то степени, реальных путешествий, то значение этих сведений для последующего колонизационного процесса могло быть скорее отрицательным, чем положительным: трезвый ум рядового поселянина — а они-то и составляли основной контингент колонистов — вряд ли мог соблазниться перспективой встречи с таинственными чудовищами, пусть даже и охраняющими золото.

Было бы бесполезно отыскивать в греческой мифологии какие-либо намеки на отражение эмпориального периода. Немного удается извлечь и из гомеровских поэм. Как ни привычны утверждения, что «Одиссея» проникнута духом торгового предпринимательства, трезвая оценка гомеровских поэм советскими исследователями приводит к выводу, что «торговля в гомеровском мире имеет самое ничтожное значение»¹². Эмпориальный период не нашел отражения и в ранней греческой литературе. Термин «эмпорий» (ΕΜΠΟΡΙΟΝ, позд. ΕΜΠΟΡΕΙΟΝ) мы встречаем у Геродота и более поздних авторов, но у них он выражает иное содержание, чем это понимается исследователями в отношении собственно эмпория времен коло-

⁸ Н. А. Онайко, указ. соч., стр. 290. Ср. также В. Д. Блаватский, Архаический Боспор, стр. 16.

⁹ См. Я. В. Доманский, Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э., его же, «О начальном периоде...», стр. 140—141.

¹⁰ Я. В. Доманский, Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. Археологический сборник, вып. 2, Л., 1961, стр. 37—38, прим. 4.

¹¹ Там же, стр. 38, ср. стр. 41.

¹² А. Ф. Лосев, Гомер, М., 1960, стр. 86. Я. А. Ленцман, О возникновении товарного производства в древней Греции. — ВДИ, № 3, М., 1953, стр. 59) также указывает на низкий уровень торговли и ее меновой характер в гомеровское время, на отсутствие рынков и производства товаров.

низации. В противном случае следовало бы допустить существование эмпириального периода не только для времен Геродота, но и для времени Страбона и т. д.

Впрочем, что вкладывается в понятие «эмпорий» большинством исследователей, тоже не вполне ясно. Известно, что под эмпорием подразумевается поселение торгового характера. Но, с другой стороны, торговыми, по крайней мере на ранней стадии, признаются и города. Допустим, что различие между городами и эмпориями не качественное, а количественное: положим, поселение малых размеров — это эмпорий, а большое поселение — город. Однако и здесь возникает противоречие: поселение на о. Березани, занимающее в настоящее время, несмотря на громадные разрушения, площадь не менее 10 га, по общепризнанному мнению, являлось эмпорием, а крошечный Порфмий площадью около 0,65 га — это «небольшой, но оживленный торговый городок»¹³. Хоть это и не существенно, но может быть здесь играет роль хронологический фактор? Допустим, ранние поселения должны непременно называться эмпориями, а более поздние — городами? Но Березанский — «эмпорий», по крайней мере со второй половины VI в. до н. э., сосуществует наряду с «городом» Порфмием, не говоря уже о том, что с первой половины VI в. он сосуществует с Ольвией и с рядом других городов.

Для того чтобы спорить, необходимо по возможности четко уяснить предмет спора, выработать определенную недвусмысленную терминологию. В применении к «эмпорию» это отнюдь не пустое пожелание. В последнее время, после открытия в Пантикапее «дома эмпория»¹⁴, желание исследователей облечь эмпорий в материальную плоть, найти ему соответствующие археологические выражения приобретает все более осязаемые формы. Желание, конечно, законное, но от этого не становится ясней, почему крохотное, в 8 кв. м и чрезвычайно скромное сооружение превращается в дом эмпория. Объяснение напрашивается лишь одно: поскольку существует априорное заключение об обязательности эмпориального периода, то этому периоду должны соответствовать и наиболее ранние строительные остатки¹⁵.

¹³ Е. Г. Кастанаян. Раскопки Порфмия в 1953 г. СА, 1958, № 3, стр. 203—207.

¹⁴ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. МИА, № 56, М., 1957, стр. 134 и след; его же, Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг. МИА, № 103, М., 1962, стр. 8 и след.

¹⁵ Кстати, и с ранней датой «дома эмпория» не все ясно. Три ямы с архайским материалом внутри дома вряд ли синхронны ему ввиду чрезвычайной ограниченности его площади. Они скорее всего предшествовали дому. Но и материал из ям не дает возможности предполагать слишком раннюю дату. Так, весь комплекс из ямы 63 датируется Н. А. Сидоровой первой по-

Наиболее ранние сообщения об эмпориях Северного Причерноморья мы встречаем у Геродота. Хотя упоминаемые им эмпории относятся ко времени более позднему, чем предполагаемый исследователями эмпориальный период, и, следовательно, носят иной характер, чем собственно эмпории, тенденция доказать реальность эмпориального периода с помощью Геродота настолько сильна, что на этом вопросе необходимо остановиться несколько подробнее. При анализе терминологии Геродота нельзя не учитывать, что два века предшествовавшей Геродоту истории Греции были временем чрезвычайно бурного экономического и социального развития, позволившего ранее неизвестному греческому народу создать передовую цивилизацию тогдашнего мира. Громадные изменения в греческом обществе не могли не отразиться и на развитии греческого языка. Поэтому внеисторического подхода к терминологии наших источников не может быть.

Древнейшие из греческих источников не содержат упоминаний об эмпориях. Зато уже у Гомера дважды упоминается ЕМПОРОС¹⁶. Значение этого термина, происходящего от глагола ЕМПОРЕУОМА — «идти, ехать, путешествовать» — совершенно недвусмысленно. ЕМПОРОС — это тот, кто находится в пути, путник, путешественник, пассажир¹⁷. Такое значение вполне соответствует низкому уровню товарного обращения в гомеровском обществе. Это не промежуточная стадия, пройденная греческим эмпором в его превращении из путешественника в купца, как полагает И. А. Шишова¹⁸, а лишь самое начало этого пути, ибо ни для Одиссея, ни для Телемаха, по отношению к которым применен термин ЕМПОРОС, торговля не служит даже побочным занятием.

У Гесиода не упоминаются ни ЕМПОΡΙΟΝ ни ЕМПОΡΟΣ. Зато подробно рассказывается об ЕМΠΟΡΙΗ, которую можно понимать как морское путешествие, преследующее торговые цели¹⁹. Здесь мы действительно застаем промежуточную стадию. ЕМΠΟΡΙΗ Гесиода — это еще не торговля, а прежде всего путешествие, но путешествие, сопровождающееся торговлей.

Принято считать²⁰, что в значении «торговец» термин ЕМΠΟΡΟΣ впервые встречается у Симонида Аморгского. Нам все же представляется рискованным такое прямолинейное объ-

ловинной VI в., т. е. временем, когда Пантикапей как город уже бесспорно существовал (Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. — МИА, М., № 103, стр. 109—112).

¹⁶ Od. II, 318 сл.; XXIV, 300 сл.

¹⁷ См. И. А. Шишова. ЕМΠΟΡΟΣ и ΚΑΠΗΛΟΣ в древнегреческой торговле. В сб.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира, М.—Л., 1963, стр. 239—240.

¹⁸ См. И. А. Шишова, указ, соч., стр. 240.

¹⁹ Hesiod, Op. et Dies, 671.

²⁰ См. И. А. Шишова, указ, соч., стр. 241.

яснение строк Симонида²¹. Не менее правдоподобно было бы усматривать в — «эмпоре» Симонида $\Xi\text{E}\text{N}\text{O}\Sigma$, а в умалении лирического героя мазиями — некое проявление $\Phi\text{I}\text{A}\text{O}\Xi\text{E}\text{N}\text{I}\text{A}$. Разумеется, этот $\Xi\text{E}\text{N}\text{O}\Sigma$ мог быть и торговым человеком, но смысловый акцент здесь все же вряд ли торговый²².

И, наконец, Геродот. Относительно торгового значения терминов указанного корня существует твердо устоявшееся мнение, на наш взгляд, не вполне бесспорное. Это относится прежде всего к термину $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{O}\Sigma$, упоминаемому писателем дважды. В первом случае эмпоры упоминаются в связи с рассказом о жертвоприношениях египтян²³. Интерпретация данного места из сочинения Геродота построена, по-видимому, на недоразумении. Речь идет²⁴ не о скупке эллинскими купцами у египтян жертвенных животных, а о том, что передача (совсем не обязательно продажа: $\text{O}\text{I}\ \text{D}\text{E}\ \text{F}\text{E}\text{R}\text{O}\text{N}\text{T}\text{E}\Sigma\ \text{E}\Sigma\ \text{T}\text{H}\text{N}\ \text{A}\text{G}\text{O}\text{R}\text{H}\text{N}\ \text{A}\text{I}\Gamma\text{O}\text{N}\ \text{E}\text{L}\text{O}\text{N}\text{T}\text{O}$) проживающим в Египте эмпорам голов жертвенных животных была для египтян одним из способов избавиться от этих голов, на которые они перенесли свои беды (заклятие: «пусть обратится беда на эту голову»). Разумеется, здесь не может быть и речи о каких-то торговых операциях. И в данном случае термин $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{O}\Sigma$, по-видимому, является синонимом термина $\Xi\text{E}\text{N}\text{O}\Sigma$. Если среди этих $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{O}\text{I}$ и были купцы, то по своему социальному значению они близки $\text{K}\text{A}\text{P}\text{H}\text{A}\text{O}\text{I}$, ибо трудно допустить, чтобы солидные оптовые торговцы занимались скупкой бычьих голов хотя бы и для собственного потребления.

Не менее сомнительна интерпретация второго случая употребления Геродотом термина $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{O}\Sigma$ в отношении Темисона из Феры, которому басилевс Оакса поручил увезти свою дочь и утопить в море²⁵. И. А. Шишова так интерпретирует сообщение Геродота: «По словам Геродота, царь находился с Темисоном в дружеских отношениях. Следовательно, Темисон в Оаксе не случайный путник. Он пробыл там эмпором какое-то время. Естественнее всего предположить, что в Оакс Темисон прибыл как купец, ведущий морскую торговлю (следует сослаться на авторитетный «Лексикон» Пауэлла.—В. Л.) Судя по контексту, можно думать, что он имеет собственный корабль. Трудно предположить, что такое поручение мог бы принять на

²¹ Simonides Amorginus, fr. 16 (20), Poëtae lyrici Graeci, v. II, Leipzig, 1882, стр. 455.

²² Любопытны параллели из некоторых славянских языков. Русское «гость» в старинном значении — это и собственно гость, издали, чужеземец, наконец — купец, гостеник; отсюда — гостинство, гостешба в значении «тоговля»; чешское obchod — торговля и obchodnik — торговец как результат длительной эволюции от глагола obchazati — обходить.

²³ Нег., II, 39.

²⁴ Ср. И. А. Шишова, указ. соч., стр. 141.

²⁵ Нег. IV, 154.

себя пассажир чужого корабля»²⁶. Из всех цитированных рассуждений лишь одно последнее может быть логически установлено, именно то, что речь идет не о пассажире, а о владельце корабля; в этом можно уже усматривать существенное развитие термина со времен Гомера. Что же касается других высказанных И. А. Шишовой положений, то они ничем не могут быть реально подтверждены. Геродот не дает никаких сведений о роде занятий Темисона, ничего подобного нельзя установить и из контекста. Из сообщения Геродота нельзя даже сделать вывода о длительном пребывании Темисона в Оаксе, о длительной дружбе Этеарха с Темисоном. Наоборот, имеется недвусмысленное указание на кратковременность этой дружбы: задумав избавиться от дочери, Этеарх вступил с Темисоном в узы гостеприимства ($\text{T}\text{O}\text{Y}\text{T}\text{O}\text{N}\ \text{O}\ \text{E}\text{T}\text{E}\text{A}\text{R}\text{X}\text{O}\Sigma\ \text{P}\text{A}\text{R}\text{A}\text{L}\text{A}\text{B}\text{O}\text{N}\ \text{E}\text{P}\text{I}\ \Xi\text{E}\text{I}\text{N}\text{I}\text{A}$). Последнее замечание вновь приводит нас к мысли, что и в данном случае $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{O}\Sigma$ тождественен или близок $\Xi\text{E}\text{N}\text{O}\Sigma$.

Не останавливаясь на одном неясном случае употребления Геродотом выражения $\text{K}\text{A}\text{T}\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{I}\text{H}\text{N}$ ²⁷, обратимся непосредственно к термину $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{I}\text{O}\text{N}$, часто встречающемуся у писателя. Не будем останавливаться на тех местах, где содержится лишь упоминание этого термина: в подобных случаях с большей или меньшей степенью вероятности можно установить лишь, что речь идет о пунктах, расположенных у моря.

К числу мест, дающих возможность более широкого толкования, относится сообщение об островах Энуссы (совр. Спальмадорес): «Фокеяне, после того как им, пожелавшим приобрести острова, называемые Энуссами, хиосцы не захотели их продать, опасаясь как бы эти острова не превратились в эмпорий, вследствие чего их собственному острову могли бы создаться препятствия, направили свой путь к острову Кипру» ($\text{O}\text{I}\ \text{D}\text{E}\ \text{F}\text{O}\text{K}\text{A}\text{I}\text{E}\text{E}\Sigma, \text{E}\text{P}\text{E}\text{I}\text{T}\text{E}\ \Sigma\text{F}\text{I}\ \text{X}\text{I}\text{O}\text{I}\ \text{T}\text{A}\Sigma\ \text{N}\text{H}\Sigma\text{O}\text{Y}\Sigma\ \text{T}\text{A}\Sigma\ \text{O}\text{I}\text{N}\text{O}\text{Y}\Sigma\Sigma\text{A}\Sigma\ \text{K}\text{A}\text{L}\text{E}\text{O}\text{M}\text{E}\text{N}\text{A}\Sigma\ \text{O}\text{Y}\text{K}\ \text{E}\text{B}\text{O}\text{Y}\text{A}\text{O}\text{N}\text{T}\text{O}\ \text{O}\text{N}\text{E}\text{Y}\text{M}\text{E}\text{N}\text{O}\text{I}\Sigma\text{I}\ \text{P}\text{O}\text{L}\text{L}\text{E}\text{E}\text{I}\text{N}\ \text{D}\text{E}\text{I}\text{M}\text{A}\text{I}\text{N}\text{O}\text{N}\text{T}\text{E}\Sigma\ \text{M}\text{H}\ \text{A}\text{I}\ \text{M}\text{E}\text{N}\ \text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{I}\text{O}\text{N}\ \text{G}\text{E}\text{N}\text{O}\text{N}\text{T}\text{A}\text{I}, \text{H}\ \text{D}\text{E}\ \text{A}\text{Y}\text{T}\text{O}\text{N}\ \text{N}\text{H}\Sigma\text{O}\Sigma\ \text{A}\text{P}\text{O}\text{K}\text{L}\text{H}\text{I}\Sigma\text{S}\text{O}\text{N}\text{I}\ \text{T}\text{O}\text{Y}\text{T}\text{O}\text{Y}\ \text{E}\text{I}\text{N}\text{E}\text{K}\text{A}, \text{P}\text{R}\text{O}\Sigma\ \text{T}\text{A}\text{Y}\text{T}\text{A}\ \text{O}\text{I}\ \text{F}\text{O}\text{K}\text{A}\text{I}\text{E}\text{E}\Sigma\ \text{E}\Sigma\text{T}\text{E}\text{L}\text{A}\text{O}\text{N}\text{T}\text{O}\ \text{E}\Sigma\ \text{K}\text{Y}\text{P}\text{N}\text{O}\text{N}$)²⁸.

В этом сообщении обращают на себя внимание два момента. Прежде всего, нет никаких указаний на торговую окраску термина $\text{E}\text{M}\text{P}\text{O}\text{R}\text{I}\text{O}\text{N}$. Учитывая приведенную выше Геродотом²⁹ характеристику фокеян как опытных мореходов, можно

²⁶ И. А. Шишова, указ. соч., стр. 241—242.

²⁷ Нег., III, 139.

²⁸ Нег., I, 165.

²⁹ Нег., I, 163.

полагать, что хиосцы опасались превращения Энусских островов в порт. Поскольку морские путешествия не были беспрепятственны, порт этот, конечно, имел бы и торговое значение. Тем не менее делать акцент именно на последнем значении и переводить здесь ΕΜΠΟΡΙΟΝ как «торговое место», вряд ли возможно. Этому противоречит и сообщение об образе жизни фокеев: Геродот не сообщает о том, что они занимались торговлей, зато говорит о морском пиратстве³⁰. Учтя последнее обстоятельство, мы предложили бы новый приведенный выше перевод цитированного отрывка из Геродота³¹, чему, как полагаем, более всего соответствует и употребление глагола ΑΠΟΚΛΕΙΩ — закрывать, преграждать путь, перерезать. Овладение фокеев островами действительно отрезало бы хиосцам путь к матерку. Хиосцы прекрасно сознавали эту перспективу, познать которую на практике им пришлось позднее, во время Пелопоннесской войны: отсюда отправлялись в своих нападениях на Хиос корабли Леонта и Диомедонта³².

Далее, принципиально важно для нас то, что Геродот применяет термин ΕΜΠΟΡΙΟΝ не конкретно к строго локализованному пункту, а к группе из пяти островов, расположенных между Хиосом и матерком. Нечто подобное мы встречаем и в его упоминании о ΒΟΥΣΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΕΜΠΟΡΙΟΝ³³. Уже С. А. Жебелев, отметив со ссылкой на Ваксмута (RE, V, 1905, 2532 сл.) два значения ΕΜΠΟΡΙΟΝ — общее, означающее вообще всякого рода место торговли морской, и специальное, т. е. портовый рынок, подобный аттическому Пирею, пришел к выводу, что Геродот употребляет ΒΟΥΣΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΕΜΠΟΡΙΟΝ в общем значении: «Если бы Геродот отождествлял «эмпорий борисфенитов» и самый город Ольвию, то мог ли он сказать, что «эмпорий» является самым срединным из приморских пунктов всей Скифии. Ведь Ольвия, строго говоря, лежала не при море... Если этому соображению не склонны придавать особого значения и будут ссылаться на неточность терминологии Геродота, то как объяснить, что в IV, 78 Геродот уже определенно упоминает ΑΣΤΥ борисфенитов и под ним, несомненно, разумеет Ольвию... Для меня не подлежит сомнению, что Геродот различает эмпорий борисфенитов и город (ΑΣΤΥ) борисфенитов»³⁴.

Нам представляется наиболее вероятным, что под «эмпорием борисфенитов» Геродот подразумевает не какой-либо кон-

кретный пункт, а вообще освоенную греками территорию Нижнего Побужья, посещаемую приезжими греческими купцами и путешественниками. В таком случае и отмеченная еще В. В. Латышевым неточность в локализации Геродотом места обитания греков борисфенитов напротив святилища Деметры может найти удовлетворительное объяснение³⁵. При допущении сравнительно широкого расселения греков на правом берегу Бугского лимана геродотово ΕΝ ΤΩΙ ΠΕΡΗΝΙ будет одинаково правильно как в узком значении «напротив», так и в более широком «на противоположном берегу».

Следующим местом из Геродота, на котором необходимо остановиться, является сообщение об эмпории Навкратиса: «В древности в Египте был лишь один эмпорий Навкратис и никаких других» (ΗΝ ΔΕ ΤΟ ΠΑΛΑΙΟΝ ΜΟΥΝ Η ΝΑΥΚΡΑΤΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ ΚΑΙ ΑΛΛΟ ΟΥΔΕΝ ΑΙΓΥΠΤΟΥ)³⁶. Мы не можем принять перевод Ф. Г. Мищенко: «В древности один только Навкратис был местом торговли для иноземцев, никакого другого порта в Египте не было». Ни о какой торговле у Геродота нет и речи. Смысл контекста совершенно ясен: с какой бы целью чужеземцы ни являлись в Египет, для них был открыт лишь один порт — Навкратис. В связи с этим находится и интерпретация главы 178 той же книги Геродота. Перевод глагола ΝΑΥΤΙΛΛΟΜΑΙ в смысле «приезжать по торговым делам» представляет собой слишком вольное изложение мысли Геродота. Значение его здесь может быть только одно: «проплыть», «находиться проездом». И, наконец, здесь же, ΠΡΟΖΤΑΤΗΣ ΤΟΥ ΕΜΠΟΡΙΟΥ не «блюститель тамошней торговли», ибо таковой естественно должен был быть назначаем самими проживающими в Навкратисе эллинами, а «представитель приезжающих эллинов»; в таком случае понятным становится назначение этого представителя городами, осуществляющими попечение над теменосом: ведь этот теменос, как специально оговаривает Геродот, принадлежал не постоянно проживающим в Навкратисе эллинам, а пребывающим здесь проездом. Таким образом, и в данном случае ΝΑΥΚΡΑΤΙΣ ΕΜΠΟΡΙΟΝ может пониматься не иначе как порт без какого-либо уточнения его целевого назначения.

Фигурирует под наименованием ΕΜΠΟΡΙΟΝ у Геродота и Тартес³⁷. Интересно, что хотя речь здесь идет о сравнительно позднем времени (середина VII в. до н. э., т. е. время, соответствующее греческой колонизации), Геродот отмечает, что в эти времена эмпорий еще не был посещаем (ΗΝ ΑΚΗΡΑΤΟΝ — «был нетронут, находился в первозданном состоянии»), благо-

³⁵ В. В. Латышев. Исследование..., стр. 25—27.

³⁶ Her., II, 179, а также II, 178.

³⁷ Her., IV, 152.

³⁰ Her., I, 166.

³¹ Ср. перевод Ф. Г. Мищенко: «На желание фокеев купить себе у хиосцев острова, называемые Энусами, хиосцы отвечали отказом, опасаясь, что после этого Энусы сделаются торговым местом, и их собственный остров потеряет через то всякое торговое значение».

³² Her., VIII, 24.

³³ Her., IV, 17.

³⁴ С. А. Жебелев. СП., стр. 293.

даря чему самосцам удалось извлечь здесь большую прибыль при обмене товаров. Очевидно, что этот единственный случай торгового обмена еще не давал оснований называть Тартес эмпорием. Употребляя его Геродот, по-видимому, имел в виду благоприятные условия для посещения этого места кораблями, наличие удобной гавани, другими словами удобный приморский пункт.

Упоминание Геродотом в VII, 158 эмпориев, приносящих эллинам много выгод и пользы, интересно употреблением существительных, не связанных непосредственно с торговыми прибылями (ΩΦΕΛΙΑ и ΕΠΑΥΡΕΣΙΣ). Полагаем, что и в данном случае дело нельзя свести к неточности терминологии Геродота, что объяснение следует искать в более широком понимании Геродотом термина ΕΜΠΟΡΙΟΝ, чем только торговый пункт.

Остановимся, наконец, на сообщении Геродота о планах переселения иония после битвы при Микале в приморские районы³⁸. Несомненно, что в упоминаемых ΤΩΝ ΜΗΔΙΣΑΝΤΩΝ ΕΘΝΕΩΝ ΤΩΝ ΕΛΛΗΝΙΚΩΝ ΤΑ ΕΜΠΟΡΙΑ смысловой акцент сделан не на торговом характере, а на приморском положении указанных пунктов — эмпориев и также, по-видимому, на наличии в них гаваней и удобных мест причала. В эти тяжелые времена ионянам было не до овладения торговыми пунктами. Поскольку войска эллинов не могли нести постоянную охрану ионийских материковых поселений от персов, требовалось переселить жителей этих поселений в такие места у моря, где они могли бы находиться под постоянной защитой с моря, со стороны островов, прежде всего Самоса.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях употребления Геродотом термина ΕΜΠΟΡΙΟΝ можно констатировать, что под эмпорием писатель имел в виду прежде всего приморский пункт или территорию, располагающую гаванью и посещаемую кораблями. Очевидно, что такой пункт или такая территория, являвшиеся местом соприкосновения приезжих торговцев и путешественников с местным населением, одновременно являлись и пунктами торгового обмена, однако рассматривать их только как «торговые города», «торжища» вряд ли возможно. В геродотовом ΕΜΠΟΡΙΟΝ вероятнее всего можно видеть еще незавершенную стадию превращения этого термина из «приморского пункта» в «торговый порт». Тем самым мы не исключаем возможности применения термина ΕΜΠΟΡΙΟΝ даже современниками Геродота в отношении пунктов с ярко выраженной торговой специализацией.

Дело здесь, на наш взгляд, заключается прежде всего в спе-

цификуме самого источника. Геродот — прежде всего повествователь. Несомненна его зависимость от эпической поэзии, многократно отмечавшаяся в литературе. Не случайно Фукидид причисляет его к логографам. Велика его зависимость от его современников — трагиков. Все это, разумеется, не могло не отразиться не только на содержании его труда, но и на его языке. Эпическое содержание требовало и эпических форм выражения. Поэтому вряд ли есть серьезные основания усматривать какую-то принципиальную разницу в употреблении термина ΕΜΠΟΡΙΟΝ с одной стороны Геродотом, с другой — Эсхилом³⁹, Софоклом⁴⁰, Эврипидом⁴¹, у них же эмпор — это «путник, идущий по дороге, плывущий по морю». В то же время в бытовой речи или, например, в речи судебных ораторов процесс превращения эмпора в крупного торговца, ведущего морскую торговлю, может считаться уже завершенным. По крайней мере в начале IV в. у Лисия в его известной речи против хлебных торговцев эмпоры — «крупные приезжие купцы» совершенно недвусмысленно противопоставлены местным торговцам — ΚΑΠΗΛΟΙ⁴².

Сделав это отступление, необходимое в целях уяснения нашей позиции в отношении использования терминологии письменных источников, вновь обратимся к Северному Причерноморью.

Как несомненный продукт деятельности эмпориев в Северном Причерноморье рассматриваются обычно находки греческой керамики конца VII — начала VI вв. до н. э. Нет необходимости делать перечень этих находок: в течение десятилетий он приводится почти в каждой работе, посвященной северопричерноморской торговой тематике⁴³. С каждой новой работой разрастается ссылочный аппарат, количество же находок остается стабильным, если не считать родосского черепка из поселения у с. Жаботина (раскопки 1953 г.)⁴⁴, да новых находок грече-

³⁹ Aesch., Choef. 661.

⁴⁰ Soph., O. C. 25; 303.

⁴¹ Eurip., Alc., 991.

⁴² Lys., XXII.

⁴³ Из последних работ, в которых содержится этот перечень см. Н. Н. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 60 сл.; Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднпровья (VII—V вв. до н. э.). СА, № 2, 1960, стр. 26 сл. Новейшая детальная публикация находок из кургана у слободы Криворожье дана А. П. Манцевич (А. P. Manzevics, A. Kalitva folyó melletti kurgán, Archaeologiai értesítő, t. 88, Budapest, 1961, стр. 77—81. В соответствии с установившейся традицией А. П. Манцевич констатирует связь населения района Калитвы в VII—VI вв. до н. э. с западом Семиградье — агафирсы, югом (Греция) и, возможно, с востоком (Месопотамия).

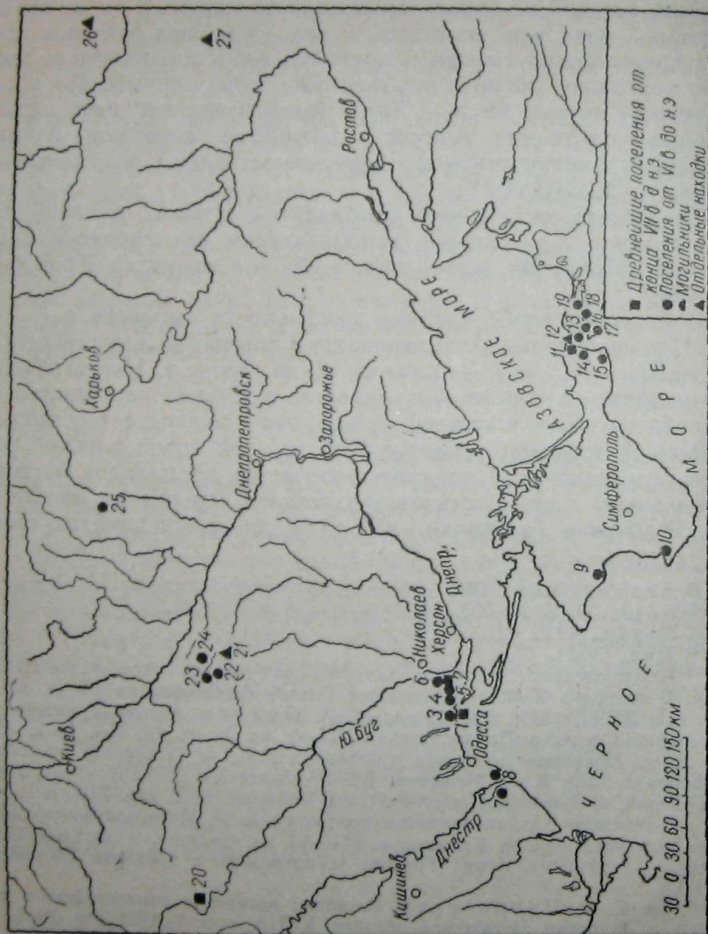
⁴⁴ См. Е. Ф. Покровская. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской области. КСИА, вып. 4, 1953, стр. 89.

³⁸ Her., IX, 106.

Греческая архаика в Северном Причерноморье

- 1 — Березань; 2 — Ольвия;
 Широкая балка; 3 — Викторова-
 ков; 4 — Черноморка; 5 — Оча-
 ков; 6 — Козарка; 7 — Тира-
 8 — Роксолана; 9 — Керчан-
 гада; 10 — Херсонес; 11 —
 Пантикапей; 12 — Темир-гора;
 13 — Мирмеций; 14 — Турга-
 ка; 15 — Нимфей; 16 — Гав-
 монасса; 17 — Корокодама;
 18 — Фанатория; 19 — Кепса;
 20 — Немиров; 21 — Болтышка;
 22 — Максеевка; 23 — Пастыр-
 ское; 24 — Жаботин; 25 —
 Бельск; 26 — Холер; 27 — Кри-
 ворожье.

ской керамики на Немировском городище, сделанных М. И. Артамоновым⁴⁵. Между тем весь имеющийся археологический материал, как нам кажется, свидетельствует отнюдь не в пользу сторонников «эмпориальной» теории, а скорее наоборот.

Обращает на себя внимание прежде всего единичность мест находок греческих вещей конца VII — начала VI вв. до н. э. Если не считать находок на Немировском городище, требующих особого изучения, то на каждый из эмпориев, которые должны были функционировать в предколониационное время, не придется и по одной греческой вещи, обнаруженной за пределами этих эмпориев. Весьма сомнительно, чтобы эти несколько вещей могли принести «большие барыши купцам из «заморских» стран»⁴⁶.

Территориально ранние греческие находки четко делятся на две группы. Первая группа находок локализуется в основных узлах колонизации: 1) район Ольвии (Березань, Широкая балка, Ольвия); 2) район Пантикапея (погребение на Темир-горе, Пантикапей)⁴⁷. Вторая группа находок располагается на сотни километров севернее узлов колонизации — в верхнем течении Ю. Буга (Немировское городище), в Среднем Приднепровье (Болтышка, Жаботин, Пастырское), в бассейне Дона и Северного Донца (холерская и криворожская находки)⁴⁸. Каза-лось бы, естественней прежде всего ожидать проявление эмпориальной деятельности в ближайшем окружении эмпориев; в противном случае организация торговых поселений вдали от потребителя — контрагента лишена смысла. На деле между «по-

⁴⁵ См. М. И. Артамонов. Юго-Подольская экспедиция. КСИИМК вып. XXI, 1947, стр. 74—75; М. А., Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 г. Вестник Ленинградского ун-та, № 11, 1948, стр. 179.

⁴⁶ Н. А. Онайко, указ. соч., стр. 27.

⁴⁷ Имеются в виду материалы послевоенных раскопок Пантикапея. См. В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, вып. 37, 1951, стр. 215 рис. 71, 3; стр. 219; его же — Раскопки Пантикапея в 1952 году КСИИМК, вып. 58, М., 1955, стр. 73 и след. Следует, правда, отметить, что выводы В. Д. Блаватского о реальности пантикапейского эмпория, основанные на датировке VII в. обломка вазы стиля фикуллура с изображением сабаки, который якобы «реально подтверждает существование пантикапейского эмпория в это отдаленное время», оказались преждевременными. Н. А. Сидорова убедительно датирует этот обломок началом третьей четверти VI в. (Архаическая керамика из Пантикапея, стр. 125—126). Ойнохою из раскопок 1952 г., которую В. Д. Блаватский датирует концом VII или началом VI в., она считает возможным датировать началом третьей четверти VI в. (там же, стр. 109—110). Она, однако, приводит и значительное количество керамических материалов первой и второй четвертей VI в. (там же, стр. 107—148), сама массовость которых дает уверенность в обнаружении еще более ранних материалов, подобных двум уже найденным родосским обломкам последних десятилетий VII в. (там же, стр. 107—108).

⁴⁸ Ср. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. стр. 73—74.

ребителем» и «эмпориями» лежат сотни километров степного пространства, где следы деятельности греков не улавливаются.

По-видимому, пути распространения греческих вещей за пределами узлов колонизации сложнее, чем это обычно представляется. Прежде всего, находки греческих вещей второй группы могут рассматриваться как явление случайное, как результат каких-либо межплеменных общений, в частности передвижений кочевых племен; к торговле это вряд ли имеет отношение. В пользу такого предположения говорит уже единичный характер этих находок.

Второй возможный путь распространения греческих вещей в смысле достоверности более гипотетичен. Уже для раннего этапа колонизации можно допустить вероятность проникновения греков в глубь страны, освоение отдельных лесостепных районов Причерноморья. Одним из таких пунктов внутренней колонизации могло быть Немировское поселение в Побужье, возникшее на месте более раннего негреческого поселения и просуществовавшее сравнительно короткое время. Этим можно объяснить массовость греческого материала в Немирове, как импортного, так и местного греческого (имеем в виду прежде всего изданный Б. Н. Граковым сосуд с греческим graffiti, изготовленный, по-видимому, на месте). Принимая во внимание слабую изученность Немировского городища, следует признать, что для предположения о наличии здесь греческого поселения архаического времени имеется не меньше оснований, чем для предположения Б. Н. Гракова о проникновении сюда и жизни среди местного населения греческих купцов⁴⁹. Проникновение в глубь страны более или менее организованного коллектива колонистов представляется нам даже более правдоподобным, чем отдельных смельчаков, рискующих безвозмездно распрощаться не только с вином и высокохудожественными греческими вазами, но и с собственной жизнью.

Архаическая греческая керамика в Днепровское Правобережье (Жаботин, Болтышка, Пастерское) могла попасть из Немировского греческого поселения или из Ольвии. Однако не исключена и другая возможность: возникновение в раннеколониционное время в бассейне Тясмина неизвестного еще нам греческого поселения (или поселений), подобного Немировскому. Последнее предположение можно поставить в связь с возникновением в бассейне Тясмина в середине VI в. до н. э. городищ с отчетливо выраженным греческим характером материальной культуры, что дало возможность И. В. Фабрициусу локализовать в этом районе геродотовский полис Гелон⁵⁰.

⁴⁹ См. Б. Н. Граков. Греческое граффито из Немировского городища. СА, № 1, М., 1959.

⁵⁰ И. В. Фабрициус. До питання про топографізацію племен Скіфії. Археологія, т. V, К., 1951, стр. 50—80.

Решение вопроса находится в прямой зависимости от окончательного определения этнической принадлежности городищ тясминской группы. Имеет ли гипотеза И. В. Фабрициуса какие-нибудь реальные основания, кроме указаний Геродота, к которым следует относиться чрезвычайно осторожно?

А. И. Тереножкин в своей рецензии на статью И. В. Фабрициуса правильно определил основную тенденцию автора, заключающуюся «в том, чтобы доказать, что греческая колонизация в Северном Причерноморье не ограничилась прибрежной полосой, а проникла в самую глубь Скифии, в которой эллины-гелоны основали ряд торговых факторий». Полагая, что И. В. Фабрициус «навязывает идеи, не имеющие ничего общего с фактической историей и археологией Скифии»⁵¹, рецензент не смог найти достаточно веских аргументов в пользу своей правоты. Аргументация А. И. Тереножкина имеет ту же слабость, что и система доказательств И. В. Фабрициуса: общие рассуждения преобладают в ней над конкретными. Там же, где он оперирует конкретными доказательствами, они носят априорный преимущественно характер, хотя и опираются на солидную историографическую традицию. Так, нам представляются необидительными рассуждения о культурной общности скифских племен прильвийского и верхнетясминского районов, базирующиеся на определении Марицынского могильника как чисто скифского по устройству погребальных сооружений и по обряду и составу предметов вооружения⁵². Категоричность подобных высказываний рискованна, поскольку характер раннескифской культуры продолжает оставаться весьма неясным. Автор предлагаемой книги считает, что Марицынский могильник по своему происхождению можно рассматривать как греческий⁵³.

Аргументация А. И. Тереножкина не содействует решению вопроса об этнической принадлежности тясминских городищ. Точка зрения И. В. Фабрициуса на характер тясминских городищ в основных ее чертах осталась непоколебленной, что, однако, не означает ее непогрешимости. Нам, в частности, в гипотезе И. В. Фабрициуса представляются слабыми два пункта:

- 1) слишком буквальное понимание геродотовской традиции о «полисе Гелоне», ведущее к искусственному выделению из общей массы памятников четырех городищ (Галушинского, Шарповского, Макеевского и Будянского);
- 2) обычная для большинства исследователей переоценка роли торговли в жизни поселений. Заметим, что даже рассказ

⁵¹ А. И. Тереножкин. Рец. на статью И. В. Фабрициуса «К вопросу о топографизации племен Скифии». ВДИ № 2, 1952, стр. 147.

⁵² Там же, стр. 150—151.

⁵³ См. ниже.

Геродота о полисе Гелоне не содержит никаких указаний на то, чтобы торговля играла хоть сколько-нибудь значительную роль в жизни полиса. Наоборот, гелоны Геродота занимают земледелием и садоводством, что и следовало, естественно, ожидать от жителей отдаленной греческой периферии (ΓΕΛΩΝΟΙ ΔΕ ΓΗΣ ΤΕ ΕΡΓΑΤΑΙ ΚΑΙ ΣΙΤΟΦΑΓΟΙ ΚΑΙ ΚΗΠΟΥΣ ΕΚΤΗΜΕΝΟΙ)⁵⁴. Ссылаются на то, что гелоны — это эллины, выселившиеся из торговых городов (ΕΛΛΗΝΕΣ, ΕΚ ΤΩΝ ΔΕ ΕΜΠΟΡΙΩΝ ΕΞΑΝΑΣΤΑΝΤΕΣ)⁵⁵. Однако, как сказано выше, геродотовский «эмпорий» мог совсем не означать торгового города или поселения; далее, даже выходцы из торговых городов не обязательно должны были в новых условиях заниматься торговлей.

Указанные представления И. В. Фабрициус приводят ее к ошибочному, на наш взгляд, пониманию очагов греческой цивилизации в лесостепи как собственно полиса Гелона — внутреннего центра греко-скифской торговли в верховьях р. Тясмина и его эпицентров — эмпориев (постулат: «всякий торговый город греков выкидывал свои шупальцы-выселки на периферию») в низовьях р. Роси и в Бельске на Ворскле⁵⁶. Мы имеем здесь дело с весьма типичными приемами искусственного и произвольного членения «греческих» и «местных» поселений, с одной стороны, городов (поселений) и факторий-эмпориев — с другой.

Итак, находки архаических греческих вещей в Лесостепи не могут, по нашему мнению, рассматриваться как свидетельство какого-то особого, эмпоримального, этапа в развитии греческой колонизации, как продукт эмпоримальной деятельности. Их появление в этом районе представляет или отголосок начавшейся колонизации приморских районов (т. е. результат случайных опосредованных межплеменных связей, не тождественных торговле), или результат начавшейся греческой колонизации внутренних районов страны. И в том и в другом случае торговля, если она действительно имела место, выступает не как движущая сила колонизационного процесса, а как его следствие.

С таких же позиций должны мы подойти и к интерпретации архаических греческих находок в Ольвии, Пантикапее, Херсонесе и др., исключив из числа последних лишь поселение на о. Березани, где массовость архаического материала делает факт основания его еще во второй половине VII в. до н. э. бесспорным. Вопрос сводится, собственно, к определению времени возникновения указанных городов.

В настоящее время существует два методических подхода к разрешению этого вопроса. Первый выработан еще дореволюционной отечественной археологией. Находки архаических греческих изделий в районах, сравнительно недалеко удаленных от того или иного греческого города, рассматривались как непосредственное свидетельство существования этого города, как выражение его торговой деятельности. Допускалась возможность определения времени возникновения города на основании самых ранних, пусть даже и единичных находок на его территории. Большое внимание уделялось античной традиции, в частности сообщениям Евсевия. Слабые стороны такого методического решения заключаются в том, что исследователи: 1) не допускали и мысли о существовании греческих поселений в районах ранних находок, удаленных от зафиксированных традицией городов; 2) возможно, несколько преувеличивали значение единичных ранних находок.

Советская историография весьма основательно пересмотрела дореволюционные установки. Так, С. А. Жебелевым было указано, применительно к Боспору, что ранние находки вне греческих городов, свидетельствуют «самое большее о том, что оба побережья Боспора были известны ионийским мореходам значительно ранее, чем там возникли правильно организованные колонии. Этими мореходами — торговцами и могли быть завезены те керамические продукты, отдельные образцы которых стали теперь известны»⁵⁷. Что касается находок архаической керамики на территории самих городов, то отношение к ней С. А. Жебелева (добавим: и других советских исследователей) видно из его оценки таковой в Херсонесе: «...факт происхождения из Херсонеса хотя бы десятка ионийских черепков налицо, и с ним должно считаться. Он может указывать на то, что основание греческой колонии в Херсонесе предшествовало существованию в нем ионийской фактории. Это существование вероятно *αργιότι...*»⁵⁸ А. И. Тюменев идет дальше: «Достаточно сопоставить эти единичные находки с тем обильным материалом, какой обнаружен был на месте существования действительной ионийской фактории на о. Березани, чтобы видеть в этих ионийских черепках не доказательство существования здесь (в Херсонесе. — В. Л.) постоянной торговой фактории, но, в лучшем случае, результат случайного обмена проезжих ионийских мореплавателей, заходивших в Херсонесскую гавань, с туземным населением»⁵⁹. А. И. Тюменев приходит к обобщающему вы-

⁵⁷ С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. СП. стр. 51.

⁵⁸ С. А. Жебелев. Возникновение Херсонеса Таврического. СП. стр. 76—77.

⁵⁹ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, I—II. — ВДИ, № 2/3, 1938, стр. 249.

⁵⁴ Нег., IV, 109.

⁵⁵ Нег., IV, 108.

⁵⁶ См. И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 80.

воду, который может рассматриваться как общепринятый: «Время основания причерноморских греческих колоний определяется... вовсе не самыми ранними найденными на месте предментами. О возникновении и существовании постоянного поселения можно говорить лишь с того времени, когда археологический материал, на основании которого производится датировка, представляется и достаточно обильным и достаточно разнообразным»⁶⁰. Справедливости ради следует отметить, что эмпириальный этап в работах советских исследователей приобретает более реальные формы, поскольку увязывается с определенной, имеющей количественную характеристику, группой археологических материалов. Насколько справедливы такие выводы?

Мы имеем совершенно недвусмысленную картину: единственный источник для доказательства так называемой эмпириальной стадии — это греческая керамика. Никаких иных, негреческих, материалов, синхронных этой керамике, на местах греческих городов не обнаружено (о догреческих материалах здесь речи не может быть). Трудновато, что и говорить, при помощи греческой керамики доказать существование негреческого населения, а без такого доказательства рассуждения об эмпириальной стадии остаются всего лишь рассуждениями. Тем не менее, даже отбросив, как неаргументированные, предположения об эмпириальной стадии, мы должны найти объяснение тем немногочисленным древнейшим греческим материалам, которые найдены на местах античных городов.

Схематично все греческие поселения Северного Причерноморья можно разделить по хронологическому признаку на две группы. Первая группа характеризуется ярко выраженным архаическим слоем, но бедна материальными остатками более позднего времени, вторая, наоборот, имеет мощные слои последующего за архаикой времени с эпизодическим включением в них древнейших материалов. К числу первых должны быть отнесены поселения типа Березанского, Широкобалковского, Викторовского и т. д., перечисление вторых излишне; сюда войдут Ольвия, Херсонес, Пантикапей и большинство других известных нам греческих поселений. Нам неизвестно ни одно поселение, где бы архаический слой дополнялся равным по мощности классическим слоем, и наоборот. Получается, что само наличие интенсивного слоя классического или более позднего времени исключает возможность отыскания более раннего слоя. Отсюда, однако, не следует, что этого раннего слоя на поселениях классического времени вообще не было.

Вопрос образования культурного слоя на античных поселениях не получил в литературе достаточного освещения. Един-

ственная работа на эту тему принадлежит В. Д. Блаватскому⁶¹. Она представляет значительный интерес. Важен основной вывод В. Д. Блаватского: «...обычный античный городской (добавим: и не только античный, не только городской. — В. Л.) слой, как правило, не является результатом постепенного отложения в течение длительного времени; напротив, это результат одного или нескольких значительных одновременных сбросов. Таким образом, возникновение культурных напластований античных городищ должно рассматриваться не как длительный постепенный процесс, а как ряд скачков. Процесс же постепенного отложения занимает довольно скромное место»⁶².

Образование культурного слоя путем постепенного замусоривания местности вообще можно допустить лишь для ранних ступеней развития человеческого общества. Что касается античных поселений, то здесь мусор в основном вывозился за пределы поселений. Нарастание культурного слоя в античных поселениях связано чаще всего со строительной деятельностью (разрушение старых строительных сооружений, засыпка ранее функционировавших ям, подвальных и полуподвальных помещений, нивелировка местности, мощения и т. д.). Эта особенность культурного слоя имеет, в частности, очень важное значение для определения верхней хронологической границы существования поселений: собственно культурный слой, соответствующий этому времени, часто отсутствует, и конечная дата улавливается с трудом на основании сравнительно немногочисленного, носящего случайный характер археологического материала.

С другой стороны, отсутствие сколько-нибудь заметных следов древнейшего культурного слоя в большинстве античных поселений невозможно понять без учета развития строительной техники в Северном Причерноморье. Одной из своеобразных черт этой техники является создание типа дома с сильно углубленными подвальными помещениями. Сейчас уже можно с уверенностью говорить, что дома с подвальными помещениями присущи не только Ольвии, как это полагали ранее, что они характерны для всего Северного Причерноморья. Тип такого дома сложился в местных условиях и, по-видимому, в значительной степени обуславливался суровым причерноморским климатом. Свое наиболее полное завершение он получил к эллинистическому времени. Первые переселенцы из греческой метрополии, где климат значительно мягче, не знали типа дома с подвальными помещениями. Все последующее развитие жилищного строительства шло в направлении последовательного

⁶¹ См. В. Д. Блаватский. Культурный слой античного городища. КСИИМК, т. XXXV, М., 1950, стр. 55—59.

⁶² См. В. Д. Блаватский. Культурный слой античного городища. КСИИМК, т. XXXV, М., 1950, стр. 57.

⁶⁰ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. I—II. — ВДИ, № 2/3, 1938, стр. 262.

перехода от одноэтажных наземных домов через промежуточную стадию одноэтажных углубленных в землю домов, в синтезе которых известную роль сыграли и типичные для архаики полуподземляные сооружения, к домам двухэтажным, состоящим из подвального этажа, использовавшегося, в частности, и для жилья в зимних условиях, и второго, наземного этажа. Еще для V в. до н. э. типичным может считаться полностью наземный дом с сырцовыми стенами, покоящийся на каменном цоколе. Позднее этот тип дома исчезает. Но поиски новых форм жилищ прослеживаются значительно раньше. Яркие образцы этих поисков дает Березань, на примере которой мы можем проследить всю эволюцию типа жилищ, завершающуюся домами с подвальными помещениями. Из общей линии развития выпадает как будто Пантикапей, где дома с хорошо развитым типом подвальных помещений, — например, так называемый дом Коя, — датируются исследователями второй половиной VI — началом V в. до н. э.⁶³ Но мы позволим себе усомниться в такой ранней датировке, которая базируется на находках архаической керамики в засыпи помещений. Последние дают всего лишь весьма расплывчатый *terminus post quem* бытования помещений. Ссылка В. Д. Блаватского на аналогичный дом в поселении на о. Березани не может быть принята, поскольку этот дом датируется более поздним, чем это полагал Э. Р. Штерн, временем⁶⁴.

Одним из важных факторов, создающих культурный слой, являются зерновые и хозяйственные ямы. В древнейших греческих поселениях их было, конечно, очень много. Поэтому более всего вероятно обнаружение культурного слоя, соответствующего периоду первоначального заселения территории, именно в ямах. Однако и тут нужно учитывать ряд условий. Прежде всего, значительная часть ранних ям могла быть уничтожена более поздними подвальными сооружениями и ямами, врезанными в материк на значительную глубину. Далее, ранние ямы нередко засыпались чистым материковым лессом с незначительным включением керамических обломков. Объясняется это тем, что земля для засыпки ям бралась с прилегающих к поселениям территорий, не подвергшихся еще сильно замусориванию. Такие ямы, забитые материковым лессом, особенно характерны для Березанского поселения, что сильно затрудняет возможности их обнаружения. Березань же, особенно северо-западная часть острова, дает яркую картину раннего культурного слоя вообще: несмотря на залегающие в слое строительные остатки, насыщенность его вещественными находками очень невелика.

⁶³ См. В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг., стр. 13—24.

⁶⁴ См. ниже.

Можно полагать, что в древнейший период существования античных поселений Северного Причерноморья на их территории не создавалось значительного культурного слоя. Такое поселение в некотором смысле можно вполне сравнить с современным украинским селом: мусор периодически вывозится за пределы села и сбрасывается в овраги, балки, если таковые имеются, улицы и дворы время от времени подметаются. Если бы на месте такого села позднее появилось поселение эллинистического типа со множеством подвальных сооружений глубоких ям и водоемов, возможности отыскания первоначального поселения стали бы очень ограниченными.

Исходя из этих соображений есть основания думать, что возможности обнаружения на месте Ольвии, Пантикапея, Тиря, Херсонеса или другого греческого города культурного слоя, соответствующего древнейшему периоду их существования, очень невелики, хотя они и не могут быть полностью исключены. Следовательно, при установлении начальных дат существования этих поселений не остается ничего другого, как воспользоваться теми, на первый взгляд случайными, десятками черепков, которыми к настоящему времени мы располагаем. Задача эта очень сложна, так как требует тщательного учета и выявления всех наиболее ранних находок на территории того или иного поселения, выяснения условий, при которых обнаружены эти находки, точней их датировки, разграничения материалов, которые действительно могут представлять культурный слой раннего времени, и материалов, которые могут быть и случайными, наконец, учета развития колонизации на прилегающей к данному поселению территории. Обобщать себя тем, что задача эта уже в значительной степени решена, не приходится. Ограничимся одним примером.

После глубоко содержательной и эрудированной работы А. И. Тюменева вопрос о времени основания Херсонеса считается решенным⁶⁵. Что это произошло именно в 422—421 гг. до н. э., представляется истиной абсолютной. Задача исследователей чрезвычайно облегчилась. Теперь уже не нужно ломать голову над решением вопроса, достаточно лишь соответствующим образом сортировать археологические материалы, уже имеющиеся и получаемые в процессе новых раскопок, относя те, что ранее 422 г., ко времени существования фактории те, что позднее, — к существованию собственно Херсонеса. Тем более, что это соответствует и схеме развития колонизации. И все это благодаря одному предельно вразумительному и конкретному сообщению Скимна: на Херсонесе Таврическом есть греческий город, заселенный гераклеяцами и делосцами, после того как гераклеяцам дано было предсказание оракула обитать в Херсо-

⁶⁵ См. А. И. Тюменев, указ. соч., стр. 257 и след.

несе вместе с делосцами⁶⁶. Так историографический разнобой, имевший до недавнего времени место по этому вопросу, — достаточно сравнить мнения Миннза, Тириона, Ганеля, Брандса, Штерна; Ростовцева, Бертье-Делагарда, Жебелева — сменился, по крайней мере в отечественной науке, прочным согласием. Однако следует ли отсюда, что объективный исторический факт, каким было возникновение Херсонеса, получил окончательное историографическое решение? По-видимому, нет.

Можно и нужно отдавать должное остроумным изысканиям А. И. Тюменева, но нельзя забывать, что изыскания эти построены в конечном счете, на весьма надежной литературной традиции, не дающей никаких опорных точек для установления сколько-нибудь точной датировки⁶⁷. Самым объективным свидетельством для решения вопроса остаются археологические материалы, однако, именно они используются исследователем всего лишь как дополнительный источник, и хотя А. И. Тюменев не абстрагируется от этого источника, он группирует археологические материалы в соответствии с уже существующей концепцией. Между тем материалы, соответствующие древнейшему периоду существования Херсонеса, не так уж ничтожны, и Херсонес в этом отношении находится даже в более выгодном положении, чем ряд других греческих поселений, древнейший период жизни которых представлен буквально единичными черепками. Более или менее полная сводка ранних материалов из Херсонеса дана В. Д. Блаватским⁶⁸. Вряд ли можно ожидать в будущем значительного пополнения этих материалов: строительные сооружения эллинистического Херсонеса не только уничтожили надскальный слой земли, но нередко врезались и в скалу.

Где-то в конце VI или на рубеже VI—V вв. до н. э. в Северо-Западном Крыму возникает Керкинитида; V в. до н. э. представлен здесь остатками типичнейшего для этого времени дома, от которого сохранился каменный цоколь. Справедливости ради следует отметить, что исследовательница Керкинитиды М. А. Наливкина сочла возможным исключить для Керкинитиды эмпириальный период; Керкинитида сразу же с момента возникновения существует, по ее представлениям, как вполне

⁶⁶ (Scymn.), стр. 822—827.

⁶⁷ Заметим, что впервые положение о связи основания Херсонеса с изгнанием делосцев высказал Н. Schneiderwirth (Das pontische Heraklea, Kather. Gymnasium zu Heiligenstadt, Bericht über das Schuljahr, 1881—1882. Heiligenstadt, 1882, стр. 15), и спустя 5 лет отказался от него. С тех пор материалы для мотивировки подобного отказа значительно возросли.

⁶⁸ В. Д. Блаватский. Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». ВДИ, № 3, 1949, стр. 145—146; ср. там же, рец. В. Ф. Гайдукевича на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», стр. 141—142.

реальное и нормальное поселение⁶⁹. Несколько нечеткую позицию в отношении ранней Керкинитиды занял А. И. Тюменев, определивший ее как «небольшую ионийскую колонию или факторию»⁷⁰. Суть не в этом: ранняя Керкинитида перекликается с ранним Херсонесом, возникновение первой предполагает уже и возникновение второго. Если, как утверждают некоторые исследователи, для возникновения города Херсонеса в конце VI—начале V в. в Западном Крыму еще не было соответствующих условий, то чем благоприятней были эти условия в районе Керкинитиды?

Действительно, условия не благоприятствовали возникновению городов в Западном Крыму, но это равным образом относится и к Херсонесу, и к Керкинитиде. По-видимому, свидетельства античной традиции об обитании в этом районе диких и негостеприимных таврских племен — реальный исторический факт, с которым сразу же пришлось столкнуться греческим колонистам. Но это тем более предполагает невозможность изолированного возникновения Керкинитиды в тылу вражеских племен. В таких условиях фактор количественного минимума переселенческого коллектива и «чувство локтя» приобретали особо важное значение. Не исключена возможность, что будущие исследователи откроют нам в районе Херсонеса и Керкинитиды другие, ныне неизвестные ранние греческие поселения и это будет вполне естественно; неестественно, с точки зрения здравого смысла, изолированное положение Херсонеса и Керкинитиды, еще более — одинокое существование на протяжении столетия одного из этих городов.

Предвидим возражение о том, что представлению о возникновении Херсонеса где-то на рубеже VI—V вв. до н. э. противоречит факт основания Херсонеса дорийцами и дорийский в основных чертах характер города (можно полагать, что в этом отношении Скими дает точные сведения). Ни в коей мере не противоречит. Архаическая керамика на месте Херсонеса или Керкинитиды дает нам дату основания города, но не дает ответа на вопрос, кто были основатели. На том основании, что среди архаической керамики преобладает ионийская, еще нельзя утверждать, что и город был ионийским. Разве культурный слой эллинистического дорийского Херсонеса принципиально отличается от слоя эллинистической ионийской Ольвии?⁷¹

Итак, вопрос о времени основания Херсонеса не может считаться окончательно решенным. Археологические материалы

⁶⁹ См. М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории. КСИМК, М., вып. 58, 1955, стр. 63 сл.; ее же. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма. ПИСПАЭ, стр. 183 сл.

⁷⁰ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, VI, ВДИ, № 3, М., 1955, стр. 41; здесь же освещены результаты раскопок М. А. Наливкиной и предшествующих исследователей Керкинитиды (см. стр. 37 сл.).

⁷¹ Ср. А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, VI, стр. 41.

говорят в пользу «удревнения» этой датировки. Приблизительно так же обстоит дело и в других районах Северного Причерноморья. Еще совсем недавно вопрос об «эмпории» (для нас тождественно «поселению») Пантикапея решался в чисто теоретическом плане; из материальных источников можно было привлечь лишь погребение на Темир-горе. К настоящему времени исследователи уже располагают некоторым, пусть и немногочисленным, археологическим материалом конца VII—начала VI в. до н. э.⁷² Если еще полтора десятка лет тому вопрос о принадлежности погребения на Темир-горе жителю Пантикапея решался отрицательно⁷³, то теперь хронологический разрыв, на котором базировались исследователи, значительно сократился; соответственно этому возросла возможность связать погребение на Темир-горе с ранним Пантикапеем.

Итак, археологические материалы не дают нам никаких указаний насчет существования какого-то особого предколониационного эмпориального периода. Отличаясь от более поздних материалов лишь в количественном отношении, они знаменуют собой сравнительно менее доступную, хотя и не исчерпанную степень познания ранних поселений. Последующие исследования дадут нам цепь ранних поселений, хронологически приближающихся к ранней Березани, и тогда концепция «эмпориев — предшественников городов», базирующаяся в значительной степени на недостаточности наших знаний, окончательно изживет себя.

И, наконец, в качестве доказательства эмпориального периода за последнее время, за неимением лучшего, все чаще начинает фигурировать удобное географическое местоположение того или иного греческого поселения. Так, Н. И. Сокольский, оперируя только этим фактом, устанавливает наличие эмпория — предшественника Кеп⁷⁴. Правомерность подобной аргументации весьма сомнительна: какой бы характер ни носила греческая колонизация, возникающие в результате ее поселения должны были располагаться в местах, удобных для жизни, обеспечивающих минимум средств сообщения, перспективы для экономического развития. Само собой разумеется, что при основании поселения учитывалась и физическая, и экономическая, и политическая география места, причем если физические условия за прошедшие со времени греческой колонизации два тысячелетия не претерпели существенных изменений, то экономическая и внешнеполитическая обстановка коренным образом изменилась.

⁷² См. В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949), стр. 15, рис. 71, 3: стр. 219; его же. Раскопки Пантикапея в 1952 году, стр. 73 и след.; Н. А. Сидорова, указ. соч., стр. 106—148.

⁷³ См., напр., А. А. Иессен. Греческая колонизация, стр. 64.

⁷⁴ См. Н. И. Сокольский. Кепы.—В сб.: Античный город, М., 1963, стр. 102. См. также Г. А. Цветаева. Конференция по истории и археологии античного города. СА, № 3, 1961, стр. 323—324.

Поэтому в каждом частном случае необходим конкретный подход к условиям существования того или иного поселения.

Так, давно сложилось твердое мнение, что географическое положение Ольвии как нельзя лучше соответствовало нуждам торговой колонии. Находясь якобы на стыке двух крупнейших водных артерий, Ольвия могла осуществлять торговлю с племенами Побужья и Поднепровья. Строго говоря, это не вполне так. Ольвия могла осуществлять связи преимущественно с племенами Побужья, поскольку она находилась на правом берегу Буга. Но в районе Побужья связи эти как раз прослеживаются значительно слабее, чем в районе Поднепровья. Если бы торговая Ольвия действительно ориентировалась на своего основного торгового контрагента, она должна была бы располагаться где-то в низовьях Днепра. Большими преимуществами перед действительным местоположением Ольвии располагает также район мыса Станиславского или Кинбурнской косы: находясь здесь, Ольвия действительно могла бы осуществлять связь по обеим водным магистралям. Даже район Очакова в этом отношении имеет преимущества перед районом с. Парутино. Добавим также, что район нижнего Поднепровья обеспечивал лучшие условия для занятий земледелием. Нельзя сбрасывать со счетов и обилие доброкачественной пресной воды, предоставляемой Днепром, в противоположность солончато-горькой воде Бугского лимана, что ни в коей мере не компенсируется источниками пресной воды у с. Парутино. Пример Ольвии показывает, что местоположение поселения не всегда было наилучшим, хотя каждое поселение располагало определенным минимумом физических, экономических и внешнеполитических условий для своего нормального существования.

Итак, ничто из рассмотренных аргументов не свидетельствует в пользу реальности эмпориального периода. Он продолжает оставаться непознанным понятием, вытекающим из общепринятых концепций его авторов и приверженцев.

Процесс рождения представлений об эмпориях лучше всего можно установить на примере «эмпория» Березани. Рассмотрение последнего тем более важно, что это единственный «эмпорий» Северного Причерноморья, подлинность которого не подвергается сомнению. Для нас поселение на о. Березани важно еще и тем, что это единственное пока крупное поселение в Северном Причерноморье с прекрасно сохранившимся архаическим и раннеклассическим культурным слоем. Сама природа позаботилась о том, чтобы сберечь здесь до наших дней кусочек того времени, когда выходящая из безвестности голодная трудовая Греция принялась за освоение доступного ей *orbis terrarum*. И как кусочек этого мира — Березанское поселение является ключом — конечно, далеко не единственным — к решению вопроса о причинах и характере греческой колонизации вообще, колонизации Северного Причерноморья в частности.

Первым крупным исследователем — если не считать оставшегося в полубезвестности Г. Л. Скадовского — и интерпретатором Березанского поселения является Э. Р. Штерн. Естественно поэтому именно у Э. Р. Штерна искать истоки «эмпориальной» Березани.

Октябрь 1900 г. Еще не высохла земля, выброшенная из могил Березанского некрополя рабочими Г. Л. Скадовского, еще сам автор раскопок занят был, по-видимому, перепиской своего дневника в камеральных условиях, вряд ли отчетливо сознавая значение своего открытия. Э. Р. Штерн делает на заседании Одесского общества истории и древностей доклад, где, в частности, заявляет: «На основании до сих пор обнаруженных результатов следует полагать, что поселение или эмпорий на Березани... поглощен был развитием торговли в колонии Ольвии и окончательным утверждением греков на этом пункте материка. Так как торговые операции сосредоточились в Ольвии, то эмпорий на острове, к которому при бурной погоде нельзя пристать, лишился всякого значения и с течением времени оставлен был своими жителями...»⁷⁵

Можно не смущаться двойной терминологией Э. Р. Штерна: «поселение или эмпорий»: известно, что даже когда он именуется Березанское поселение «городком», он всегда имеет в виду торговое поселение. Иначе Э. Р. Штерн и не представлял себе греческое поселение вообще. Такая интерпретация вполне согласуется с общей исторической концепцией Э. Р. Штерна, высказанной им многократно в его работах⁷⁶.

Процесс колонизации мыслится им как медленный, длящийся по крайней мере более столетия процесс постепенной трансформации постоянных ярмарок, складочных пунктов, факторий в постоянные поселения, правильно организованные колонии.

Нетрудно заметить, что эмпориальная Березань рождается у Штерна в докладе 1900 г. как Афина из головы Зевса вполне оформившейся и со всеми полагающимися ей атрибутами. Последующие многолетние раскопки и многократные теоретические исследования не внесли ничего принципиально нового в эту схему. Правда, Д. И. Нудельман, Л. М. Славин, М. Ф. Болтенко придают большое (на наш взгляд, иногда даже слишком большое) значение рыболовству жителей Березанского поселе-

⁷⁵ Э. Р. Штерн. О новейших раскопках в г. Аккермане и на острове Березани. ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1901, Протоколы, стр. 90.

⁷⁶ См. Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. ЗООИД, т. XXII, Одесса, 1900, стр. 6 и сл.; его же. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря. Сборник археологических статей поднесенный А. А. Бобринскому, СПб, 1911, стр. 14 сл.; его же—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung u др.

ния, не отрицают и роли ремесла. Важнее то, что «Березань — это не большой благоустроенный город типа Ольвии, а небольшое поселение связано исключительно с торговлей и прежде всего с вывозом рыбы в Грецию в обмен, вероятно, на произведения античного художественного ремесла, виноделия и пр.»⁷⁷, что, хотя «переселенцев на Березань привлекало прежде всего то, что прилежащий к острову морской район богат рыбой», «все же ведущей отраслью хозяйства населения Березани была торговля»⁷⁸, что «в середине VII в. до н. э. при греческой рыболовной стоянке, местом для которой греческие рыбопромышленники и торговцы, боясь каких-нибудь неприятных неожиданностей со стороны туземцев материка, выбрали этот маленький необитаемый островок вблизи материка, возникает постоянное поселение-эмпорий. Здесь и разворачиваются оживленные торговые сношения туземцев материка... с заморскими пришельцами и на острове возникает первое поселение, небольшой, но оживленный торговый поселок, «торжище борисфенитов»⁷⁹.

Итак, модернизаторская концепция Э. Р. Штерна послужила основой для создания представления об эмпории Березани. Как аксиома, это положение прочно вошло в науку, хотя материалы последующего изучения как самого острова, так и ближайшего к нему района не дали ничего существенного для его подтверждения. Отметим прежде всего, что в ближайшем к Березани районе нам до сих пор неизвестны синхронные ей поселения «местных» племен, на которых прослеживались бы торговые связи Березани. Время основания Березанского поселения находится в рамках второй половины, точнее, последней трети VII в. до н. э., наиболее же раннее из поселений Бугского лимана — поселение у Широкой балки вблизи Ольвии — датируется первой половиной VI в. Но и это поселение неправомерно называть туземным. Расположение Широкобалковского поселения непосредственно вблизи Ольвии, всего в полутора километрах от нее, греческая материальная культура, наличие теснейшей экономический связей с Ольвией и даже обчий с Ольвией некрополь — все это с несомненностью указывает, что поселение у Широкой балки — неотъемлемая часть Ольвийского полиса.

Не могут служить в качестве доказательства торговой деятельности Березанского «эмпория» и находки единичных греческих архаических вещей вдали от Нижнего Побужья, у северной окраины степей. Закономерно возникает вопрос: почему эти находки не обнаружены вблизи Березани, где их естествен-

⁷⁷ Д. И. Нудельман. Древнегреческое поселение на Северном Причерноморье. Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XXVII, вып. 3, М., 1946, стр. 42.

⁷⁸ Л. М. Славин. Древнегреческое поселение на острове Березань. ИЖКДУ, № 7, К., 1956, стр. 160—161.

⁷⁹ М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани. ЗОАО, т. 1/34, Одесса, 1960, стр. 42.

нее всего было бы ожидать? С. И. Капошина, тщательно изучившая следы доколониционной торговли в бассейне Нижнего Побужья, вынуждена признать: «Первый период в истории заселения Березани характеризуется некоторым «изолированным» положением Березанского эмпория по отношению к прибрежным степям»⁸⁰. С этим нельзя не согласиться, хотя объективностью ради следовало бы говорить не о некоторой, а о безусловной изолированности Березани. Недвусмысленность конкретного археологического материала противоречит последующему выводу о том, что березанский эмпорий привлекал население в район Нижнего Буга, а оживленная торговля способствовала возникновению здесь поселений»⁸¹.

О. А. Артамоновой было высказано соображение о существовании на Березани догреческого поселения⁸². Эта мысль подержана А. А. Иессеном⁸³ и Я. В. Доманским⁸⁴, который ссылается при этом на М. Ф. Болтенко. Несколько осторожнее подходит к делу С. И. Капошина, оставляя открытым вопрос о заселении Березани до появления здесь греков⁸⁵. Вместе с тем С. И. Капошина полагает, что «находки местной керамики в самых древних слоях Березани, наличие скорченных погребений в раннем некрополе, а также большое количество местного материала, распространявшегося с рубежа VII и VI вв. до н. э., позволяют предположить, что эмпорий на Березани развивался не на безлюдном месте и что Березань, видимо, могла служить стоянкой местных прибрежных жителей при выходе в море для ловли рыбы»⁸⁶.

Точка зрения М. Ф. Болтенко по этому вопросу отличается ясностью и постоянством. Болтенко отрицал наличие догреческого поселения на Березани,⁸⁷ всемерно подчеркивал, что поселиться на самом острове в древнейшие времена прибрежному населению ближайшего к нему материка не представляло смысла⁸⁸ и «особого интереса»⁸⁹, что даже принимаемые им за жили-

⁸⁰ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 238.

⁸¹ С. И. Капошина. Ранние этапы греческой колонизации Нижнего Побужья. ПИСПАЭ, стр. 274; ср. ее же. Из истории..., стр. 238.

⁸² См. О. А. Артамонова. Древнейшее поселение на острове Березани. КСИИМК, вып. V, М., 1940, стр. 50.

⁸³ См. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, стр. 58.

⁸⁴ См. Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э., стр. 35 и след.

⁸⁵ С. И. Капошина. Из истории..., стр. 234.

⁸⁶ Там же, стр. 237.

⁸⁷ См. Н. А. Онайко. Обсуждение докладов на конференции, посвященной процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья. ПИСПАЭ, стр. 285.

⁸⁸ См. М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани, стр. 39.

⁸⁹ Там же, стр. 41.

ща ранние ямы возникают на Березани не раньше, чем здесь появились греческие рыболовщики и торговцы⁹⁰, что «ни одной полужемлянки без обломков глиняной тары от вина при основной местной в достаточном количестве бытовой посуде раскопками на острове обнаружено не было»⁹¹. М. Ф. Болтенко указывает и конкретные причины этого интересного явления: «каких-либо жизненных стимулов для поселения на маленьком островке туземного материкового населения до появления здесь заморских пришельцев не было и не могло быть»⁹² (малый размер острова, трудность получения пресной воды, проблема питания и т. д.) Трудно, однако, поверить, что торговля стала той чудодейственной силой, которая устранила все перечисленные весьма весомые и объективные препятствия и дала историческое бытие ранее безлюдной и безвестной скале, что она заменила «коренным местным жителям», «еще выше, чем произведения греческого ремесла, ценившим произведения греческой почвы—вино и оливковое масло, особенно первое из них»⁹³, разные прозаические вещи вроде хлеба, чеснока и пресной воды.

Уже первые разведочные раскопки Р. А. Пренделя на Березани дали находку кремневого орудия (кремневого ножа, по определению М. Ф. Болтенко)⁹⁴. Раскопки Э. Р. Штерна добавили, по крайней мере, еще одну находку такого рода—обломок каменного шлифованного топора⁹⁵. Обломок каменного топора, почему-то неучтенный М. Ф. Болтенко, был обнаружен в 1929 г. на раскопе А¹, в самом центре поселения⁹⁶. Раскопками 1960—1964 гг. обнаружены кремневый наконечник дротика, четырехгранный костяной и бронзовый наконечники стрел догреческого типа, обломок костяного изделия с резным, затертым красной краской орнаментом, ряд обломков керамики ямно-катакомбного времени⁹⁷. Таков, без сомнения далеко не полный, перечень находок предметов материальной культуры догреческого времени, найденных на Березани. Нельзя не заметить, что керамичес-

⁹⁰ См. М. Ф. Болтенко. Розкопки на острові Березані в 1946 р. АП, т. II, К., 1949, стр. 36.

⁹¹ М. Ф. Болтенко. Археологическое исследование берегов Березанского лимана в 1949—50 гг. Рукописный архив ИА АН УССР, 1950/11, стр. 1—2.

⁹² М. Ф. Болтенко, указ. соч., стр. 2; его же. Дневник Очаковско-Березанского отряда Ольвийской археологической экспедиции АН УССР по археологическим раскопкам и разведкам в августе—сентябре 1949 г. на западном берегу Березанского лимана. Рукописный архив ОГИМ, 889, стр. 6—7.

⁹³ М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани, стр. 42.

⁹⁴ См. Р. А. Прендель. Археологические исследования на острове Березань. Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г., т. I, стр. 216 и след.; М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани, стр. 39.

⁹⁵ Фонды ЛО ИА АН СССР, инв. № Б/1000.

⁹⁶ См. «Дневник Т. Н. Книпович за 1929 г.». Рукописный архив ОГИМ 59 203, ИА 203.

⁹⁷ Хранятся в фондах Института археологии АН УССР.

кий материал эпохи бронзы, в виду его невыразительности, легко мог ускользнуть из поля зрения исследователей. Все эти материалы, разнородные и с большим хронологическим диапазоном, позволяют с уверенностью говорить о наличии на Березани неизвестных еще нам, да, по-видимому, уже и погибших для исследования, догреческих поселений.

Требуется существенная оговорка: речь идет о догреческих поселениях, не имеющих никаких связей с позднее возникающим на их месте греческим поселением. Для доказательства тезиса о перерастании догреческого поселения на Березани в греческий «эмпорий» у нас действительно нет никаких оснований.

Отрицая наличие на Березани догреческого поселения, М. Ф. Болтенко неоднократно высказывает мысль об использовании Березани в доколониационное время жителями ближайших материковых поселений (конкретно указывается поселение Викторовка III) для погребения здесь своих покойников и сравнивает Березань с Оленеостровским могильником на Онежском озере⁹⁸. В качестве такого догреческого могильника М. Ф. Болтенко рассматривает некрополь, открытый Г. Л. Скадовским: внимательное изучение отчета Скадовского, указывает М. Ф. Болтенко, привело его к убеждению, что «несмотря на обилие среди них (находок на Березани—В. Л.) предметов греческого импортного происхождения, обилие большее, чем в каком-либо другом месте нашего побережья в эту отдаленную эпоху, основу составляет коренная (туземная) стихия, и значительная часть погребений на Березанском архаическом некрополе, не греческие, а туземные»⁹⁹ (в другой работе уточняется: «в том числе и скорченные и безынвентарные вытянутые, совсем не греческие, а некоторая часть их и бесспорно догреческие») ¹⁰⁰ и, наконец, совсем определенно: «архаический некрополь на западе острова, раскопанный Скадовским, туземный, оказывается, по-видимому, древнее возникновения тут торжища и, по-видимому, принадлежит какому-то туземному догреческому поселению на близлежащем материке»¹⁰¹.

В интерпретации некоторых типов погребений Березанского некрополя, и прежде всего скорченных, М. Ф. Болтенко не одинок. Этой же мысли придерживается О. А. Артамонова¹⁰². Д. И. Нудельман, не ставя вопроса о догреческом поселении на о. Березани, полагает, что «березанский некрополь носит сме-

⁹⁸ См. М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани, стр. 39, 41.

⁹⁹ М. Ф. Болтенко. Дневник Очковско-Березанского отряда за 1949 г., Рукописный архив ОГИМ—889, стр. 3—4.

¹⁰⁰ М. Ф. Болтенко. Археологическое исследование берегов Березанского лимана в 1949—1950 гг., Рукописный архив ИА АН УССР, 1950/11, стр. 2.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См. О. А. Артамонова, указ. соч., стр. 50.

шанный характер и не отделен резкой границей от самого поселения. Он отражает смешанный характер самого Березанского поселения...»¹⁰³. По-видимому, этого же мнения придерживается и Я. В. Доманский, рассматривающий скорченные погребения Березани как синхронные греческому поселению, но «явно туземные» по происхождению¹⁰⁴. С. И. Капошина занимает противоречивую позицию в отношении скорченных погребений Березани, которые наряду с «местной» керамикой, служат ей основой для предположения о том, что «эмпорий на Березани развивался не на безлюдном месте»¹⁰⁵. С другой стороны, проанализировав эти погребения, она приходит к выводу о синхронности их греческому некрополю (хотя скорченные погребения рассматриваются С. И. Капотиной как «туземные») ¹⁰⁶. Особняком стоит мнение Л. М. Славина, который указывает, что раскопки Э. Р. Штерна доказали «необоснованность высказываемых иногда предположений о том, что на острове находился могильник, на котором хоронило своих покойников население, жившее на материковом берегу»¹⁰⁷, и рассматривает скорченные погребения Березани как греческие по происхождению¹⁰⁸. К этому мнению Л. М. Славина мы целиком присоединяемся. Однако и позицию Л. М. Славина не лишена противоречий и в значительной мере зависит от концепции М. Ф. Болтенко.

Методические принципы, при помощи которых М. Ф. Болтенко обосновывает негреческую принадлежность березанских погребений, вряд ли приемлемы. Он полагает, что в этом вопросе «важно.. не «что», а «как», не инвентарь, а похоронный обряд!»¹⁰⁹. Руководствуясь таким принципом действительно, не трудно отнести вытянутые или скорченные, но безынвентарные погребения, положим, в разряд догреческих, скорченные с греческим инвентарем — в разряд «местных», синхронных греческим. Значительно правильной рассматривать эти погребения во всей совокупности проявляющихся в них сторон обрядности, учитывая топографическое расположение этих погребений в некрополе (так делает, например, С. И. Капошина), привлекая сравнительно-исторический материал. Будучи твердо убеждены в греческом этносе скорченных захоронений Березанского некрополя¹¹⁰, мы должны указать, что материалы Березанского некрополя бесспорно свидетельствуют в пользу одновременности

¹⁰³ Д. И. Нудельман, указ. соч., стр. 38.

¹⁰⁴ См. Я. В. Доманский. Из истории... стр. 37.

¹⁰⁵ С. И. Капошина. Из истории... стр. 237.

¹⁰⁶ См. там же, стр. 221—222, 231.

¹⁰⁷ Л. М. Славин. Древнегреческое поселение на острове Березань, стр. 159.

¹⁰⁸ Там же, стр. 168.

¹⁰⁹ Специально о скорченных погребениях см. ниже.

¹¹⁰ М. Ф. Болтенко. Дневник Очковско-Березанского отряда за 1949 г. ОГИМ-889, стр. 4.

этих захоронений другим, несомненно греческим, погребениям некрополя. Это доказывается не только наличием в ряде могил со скорченными захоронениями греческого инвентаря и монет в положении «обола Харона», не только синхронным сочетанием скорченных и вытянутых костяков, скорченных и амфорных захоронений, но и стратиграфическим соотношением скорченных и вытянутых костяков.

Березанский некрополь представляет ценность, в частности, тем, что будучи небольшим по своим размерам и являясь местом захоронений в течение сравнительно большого времени, он сохранил нам несколько «ярусов» погребений, разнообразных в обрядовом отношении. Г. Л. Скадовский эта «многоярусность» по мере возможности была зафиксирована¹¹¹. Рассмотрим ее под интересующим нас углом зрения.

Г. Л. Скадовский отмечает два случая, когда скорченные погребения стратиграфически (следовательно, и хронологически) предшествуют вытянутым. Так, скорченное погребение № 436, безынвентарное, располагалось ниже вытянутых и амфорных погребений; греческую принадлежность скорченного погребения здесь, действительно, нельзя доказать. Зато в другом случае скорченное погребение (без номера), расположенное под вытянутым погребением № 492, сопровождается «разбитой вазочкой» (греческой; в противном случае Г. Д. Скадовский оговорил бы это особо), следовательно, синхронно греческим погребениям.

Вместе с тем, Березанский некрополь дает 6 бесспорных случаев, когда вытянутые погребения предшествуют скорченным. Скорченному погребению № 422 предшествует вытянутое погребение № 441; череп скорченного костяка лежит на ногах вытянутого. Скорченному погребению № 314 предшествует вытянутое погребение № 315, которое сопровождается «черным грубым горшком»; нельзя предполагать, что последнее погребение является догреческим, так как горшок поставлен на кусках расписной амфоры. На 6 вершков ниже скорченного погребения № 307 располагалось вытянутое погребение № 313, сопровождавшееся «чернолаковой мисочкой», «чернолаковым флаконом с рисунком лебедя» и «длиннохвостой амфорой». Над вытянутым погребением № 489, сопровождаемым «кубышкой», обломком мраморного куранта, трехгранной стрелкой, сероглиняным пряслицем и медной иглой, находилось погребение № 488, представляющее вариант скорченности: костяк на спине, ноги согнуты в коленях, правая рука согнута, левая вытянута; принадлежит ли этому погребению инвентарь, найденный рядом с ним — «вазочка с изображением человеческих фигур» и

¹¹¹ См. «Дневник Г. Л. Скадовского». Копия в архиве Государственного Эрмитажа (ф. № 1, оп. V, 1900, д. № 37). План раскопок некрополя хранится в Одесском государственном археологическом музее.

«кувшинчик с изображением бегущей фигуры», — неясно. Погребению № 23 с неполной скорченностью костяка предшествовали два последовательно расположенных ниже его вытянутых погребения. И, наконец, скорченному погребению № 370 предшествует детское (по-видимому, юношеское) вытянутое захоронение, сопровождаемое ойнохоей и расписным стеклянным флаконом.

Таковы бесспорные факты, свидетельствующие о синхронности скорченных погребений прочим погребениям Березанского некрополя. Мы не имеем оснований утверждать, что обряд скорченных захоронений на Березани предшествовал обряду вытянутых захоронений, однако в равной мере не имеем их для обратного утверждения, а именно, что обряд скорченных захоронений появился здесь на каком-то сравнительно позднем этапе жизни поселения, следовательно, является привнесенным в греческую среду. Приведенное нами соотношение стратиграфических данных (6 : 2), несомненно, не отражает объективной закономерности и свидетельствует лишь о том, что обряд скорченных захоронений применялся на Березани в течение длительного времени, сосуществуя с обрядом вытянутых захоронений.

Подвергнув соответствующему анализу вытянутые безынвентарные погребения, мы могли бы прийти к аналогичному выводу. Однако вопрос о безынвентарных погребениях этим не решается. Как раскопки Г. Л. Скадовского, так и все последующие исследования острова дали множество безынвентарных погребений, раскиданных по всему острову. В отдельных случаях, когда ниже таких погребений был зафиксирован античный культурный слой, иногда и строительные остатки, удалось установить сравнительно позднюю и даже почти современную датировку этих погребений. Тем не менее датировка большей части безынвентарных погребений остается неопределенной, да и вряд ли может быть определена¹¹². Поскольку мы допускаем возможность существования на Березани догреческого поселения, можно предположить и то, что жители его хоронили своих покойников здесь же, а не на противоположном берегу: возможность обнаружения на Березани догреческих погребений вполне вероятна. Поэтому всякое противопоставление догреческого археологического материала на Березани догреческим погребениям, если та-

¹¹² Сказанное относится и к скорченным погребениям, обнаруженным в разные годы в различных пунктах Березанского поселения, как, например, на участке В³ в 1913 г. (см. Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1913 г. Оттиск статьи, не попавшей по цензурным соображениям в ИАК за 1914 г., стр. 97). Часть этих погребений, несомненно, позднего и даже современного происхождения. Нельзя, однако, на этом основании относить к современным скорченные погребения, обнаруженные Г. Л. Скадовским, античная принадлежность которых бесспорно доказывается как сопровождающим их инвентарем, так и стратиграфическими условиями их залегания.

ковые будут открыты, носит искусственный характер, в равной мере искусственным является представление о догреческой Березани как о «городе мертвых».

Можно полагать, что в доколониационные времена, а именно в эпоху поздней бронзы, Березани не представляла, в противоположность соседней густо заселенной людями территории, безлюдного необитаемого места. И здесь существовало человеческое общество, оставившее нам каменные и кремневые орудия, керамику эпохи поздней бронзы, наконец, чернолощеную инкрустированную керамику. Жизнь этого общества на Березани обрывается еще до появления греков.

Что же касается жизненных стимулов, о которых говорит М. Ф. Болтенко, то таковые, надо полагать, заключались не в торговле и принципиально не отличались от тех, которые определяют развитие любого общества. И, наконец, условия, обеспечивающие жизнь на Березани: если они удовлетворяли греческих так называемых торговцев и рыбопромышленников, то могли удовлетворить и догреческих поселенцев.

Материальная культура поселения на острове Березани не позволяет говорить о нем как о поселении торговцев. При этом речь может идти прежде всего о посреднической торговле, а она необходимо связана с фигурой крупного купца-посредника, располагающего достаточными для оптовой торговли оборотными средствами; последнее обусловлено большой удаленностью потребителя от поставщика, сезонным характером операций, трудностями морского путешествия и риском; этим в свою очередь должен был определяться большой процент прибыли.

Строительные остатки ранней Березани характеризуются предельной простотой и скромностью. Это чаще всего небольшие по размерам жилые сооружения полуземляночного типа, крытые соломенной или глинобитной кровлей (любопытно, что на более чем 80 тыс. амфорных обломков, найденных здесь во время раскопок 1960 г., приходится всего лишь 102 черепичных, но и те, несомненно, из классического, а не архаического слоя¹¹³). Следует также допустить существование в это время небольших полностью наземных каменно-глинобитных домов, хотя привести примеры таких домов мы, к сожалению, не можем: хронологическая интерпретация строительных остатков, открытых Э. Р. Штерном, очень ненадежна, материалы раскопок М. Ф. Болтенко опубликованы лишь частично, что же касается наших пятилетних раскопок, то они не дали ни одной каменной стенки, принадлежность которой наземному дому древнейшей поры Березанского поселения была бы установлена хоть с некоторой долей вероятности.

¹¹³ См. В. В. Лапии. Раскопки поселения на острове Березань в 1960 г. КСИА, вып. II, К., 1961, стр. 51. Раскопки последующих лет дали буквально единицы обломков черепицы.

Относительно строительных сооружений Березани сложилось несколько неверное представление. Так, по мнению Я. В. Доманского, «в развитии строительства жилых домов Березани различаются два периода. Здания первого периода возводились на материке или на тонком слое земли и глины. Стены домов сооружались из крупных, хорошо отесанных каменных плит, уложенных сухой кладкой. Здания такого типа строились до середины VI в. до н. э. Стены домов второго строительного периода (конец VI — начало V в.) сооружались из мелкого камня на глиняном растворе. Возводились они прямо на насыпи.

Наряду с каменными домами... на Березани существовали и жилища полуземляночного типа, при раскрытии которых обнаружены многочисленные обломки лепной посуды. Эти помещения принадлежали местному населению, которое продолжало жить на острове»¹¹⁴.

В основном такой же интерпретации строительных сооружений Березани придерживается Л. М. Славин¹¹⁵, с той, однако, разницей, что он рассматривает жилые землянки не только как жилища «местного скифского населения», но и как временные убежища для рыбаков, которые приезжали сюда для сезонного лова рыбы (так интерпретировал полуземлянки и Э. Р. Штери)¹¹⁶, даже как жилища греческих поселенцев, живших в них до тех пор, пока они ни построили себе каменных домов. В объяснении домостроительства на Березани Я. В. Доманский и Л. М. Славин очень сильно зависят от Э. Р. Штерна.

Прежде всего о тезисе «каменные дома принадлежат грекам, полуземлянки — туземцам». Вывод сделан на основании находок лепной керамики в засыпке полуземлянок. Но ведь этот же лепной материал содержится в ничуть не меньшей пропорции и в засыпке каменных домов! Следовательно, критерий для определения этноса выбран весьма ненадежный.

Ссылаясь на раскопки 1927—1931 гг., Я. В. Доманский видит в Березани не органически единый памятник, а собственно два поселения — греческое и скифское, располагающееся будто бы по северному берегу острова, хотя и признает, что «какие-то группы скифского населения могли находиться и в «греческой» части Березани»¹¹⁷. Тем не менее, «между

¹¹⁴ Я. В. Доманский. Нижнее Побужье в VII—VI вв. до н. э. стр. 3—4; его же. «Из истории населения Нижнего Побужья...», стр. 37.

¹¹⁵ См. Л. М. Славин. Древнегреческое поселение на острове Березань, стр. 162—163.

¹¹⁶ См. Э. Р. Штери. Краткий отчет о раскопках на о. Березани в 1908 г. ЗООИД, вып. XXVIII, Одесса, 1910. Протоколы, стр. 41. — ОАК за 1908 г., стр. 87.

¹¹⁷ Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья, стр. 37.

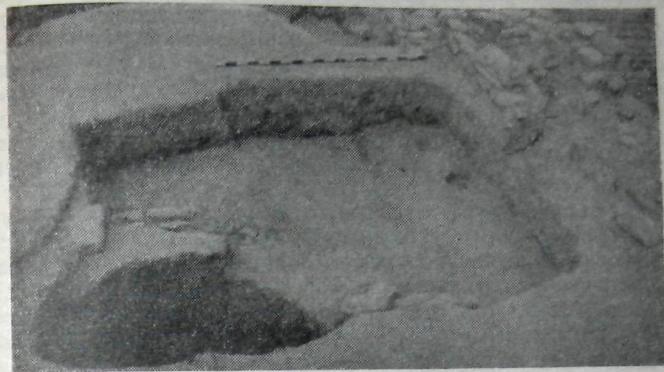

греческим поселением у Закисовой балки и скифским поселением у Широкой балки, между греческой и скифской частями Березани общего было мало»¹¹⁸. В данном случае Я. В. Доманский идет даже дальше М. Ф. Болтенко, материалами которого он оперирует¹¹⁹. Как же в действительности обстоит дело со «скифской частью» Березанского поселения, если мы будем решать этот вопрос на основании расположения якобы туземных полуземлянок?

Я. В. Доманский учитывает тот факт, что в 1908 г. на раскопе А¹, который может рассматриваться уже как центральная часть поселения о несомненно греческими жилыми кварталами, Э. Р. Штерном были открыты врезанные в материк полуземляночные помещения, которые, как предполагал Штерн, служили временными убежищами для приезжавших сюда греческих торговцев и рыбопромышленников¹²⁰. Совершенно очевидно, что для Э. Р. Штерна, впервые встретившего на Березани жилые помещения такого рода, не вполне были ясны их назначение и степень распространенности. Последующие раскопки М. Ф. Болтенко показали, что для ранней Березани такие помещения не единичны и не случайны. Оставалось лишь привести к общему знаменателю открытое Э. Р. Штерном и М. Ф. Болтенко: между «впущенными в материк помещениями» (греческими) и «полуземлянками» (скифскими) нет принципиально никаких различий. Это в свою очередь должно было бы привести к отказу от членения Березанского поселения на две части.

Раскопками 1960—1964 гг. вскрыто всего лишь около 1500 кв. м, но даже на такой незначительной площади было выявлено более 20 полуземлянок. Хорошей сохранности полуземлянка была открыта на раскопе II, 1960 г. в западной части острова¹²¹, с очагом, прекрасным глинобитным полом, возвышенной каменной площадкой в южной части, подобно открытой Э. Р. Штерном в полуземлянке на раскопе А, которую он определил как лежанку; сохранился также участок наземной стены полуземлянки, сложенной на глине из небольших плоских бутовых камней. В 1961 г. на основном раскопе, расположенном значительно южнее раскопа А¹ по восточному берегу, открыты две полуземлянки. Интересная полуземлянка с апсидообразным выступом и канавкой у северной стенки, имевшими, по-видимому, какое-то конструктивное назначение, выявлена здесь же в 1962 г.

Мы можем, таким образом, констатировать повсеместное распространение полуземлянок на Березанском поселении. Если к тому же добавить, что материал в засыпи этих полуземлянок

Полуземлянка на поселении Березани. Раскопки 1964 г.

абсолютно ничем не отличается от такового в других, бесспорно греческих сооружениях, то вывод, обратный противоположный сделанному Я. В. Доманским, не должен показаться неожиданным: между «греческой» и «скифской» частями Березани нет ничего, что хоть в какой-то степени отличало бы их одну от другой.

Далее, согласно Я. В. Доманскому, в строительном деле Березань претерпела эволюцию, обратную той, которую мы наблюдаем на других поселениях Северного Причерноморья: капитальные каменные сооружения, демонстрирующие высоко развитую строительную технику (в частности, прием сухой кладки), почему-то сменяются невзрачными бесфундаментными («возводились они прямо на насыпи») сооружениями, стены которых клались из мелкого бутового камня. Действительно, добротность каменных сооружений в первый период и их невзрачность во второй в случае правильности нарисованной здесь картины служили бы важным аргументом для доказательства первоначально торгового характера поселения. Однако в данном случае необходимо учесть методически неверную датировку Э. Р. Штерном строительных остатков Березани, согласно которой стены первого периода лежат на материке или на субструкциях (которые, по представлению Э. Р. Штерна, возводились на поверхности и представляли нечто вроде глиняного наземного цоколя для каменных стен), стены второго периода — на культурном слое. Такая датировка не может быть принята как

¹¹⁸ Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья, стр. 34.

¹¹⁹ См. М. Ф. Болтенко. Раскопки на острове Березани в 1946 г. АП, т. II, К., 1949, стр. 32.

¹²⁰ См. ОАК за 1908 г., стр. 87.

¹²¹ См. В. В. Лапкин, указ. соч., стр. 44.

прямо противоположная действительной прежде всего потому, что сравнительно поздние стены подвальных и полуподвальных помещений, а таковые на Березани не являются редкостью, попадают в разряд ранних.

Дореволюционной античной археологии тип подвальных сооружений неизвестен. Впервые он подвергся серьезному изучению учениками и продолжателями работ Б. В. Фармаковского в Ольвии. Соответственно этому была перестроена и методика датировки строительных остатков. Права гражданства среди исследователей Северного Причерноморья подвальные помещения после этого получили не сразу и не повсеместно.

Факт наличия на Березани подвальных помещений не нашел удовлетворительного освещения в литературе. Лишь Л. М. Славин на основании личных наблюдений и бесед с М. Ф. Болтенко отмечает, что — «открытые на Березани строительные остатки позволяют высказать предположение о существовании там домов с подвальными или полуподвальными жилыми помещениями»¹²², хотя в дальнейшем он рассматривает открытый в 1909 г. на участке В⁸ подвал в соответствии с интерпретацией, данной ему автором раскопок. В опубликованных работах М. Ф. Болтенко о подвалах Березанского поселения вообще ничего не говорится. Ценные замечания на этот счет встречаем в неопубликованном докладе М. Ф. Болтенко 1929 г. Небольшие исследования на участке В⁸ позволили ему сделать следующий вывод: «Мы едва ли ошибемся, если объясним «комнаты» 1909 и 1913 гг. как подвальные помещения большого здания, ничтожные остатки которого или, вернее, план которого открывается теперь шаг за шагом»¹²³. М. Ф. Болтенко основывается при этом на плохой обработке внешних сторон стен в «комнате» 1909 г. и на разнице уровней материка и пола в помещении. К этим критериям для определения подвальных помещений на Березани следует прибавить еще один: сохранившуюся высоту стен. Совершенно очевидно, что от сооружений наземного характера в процессе жизни поселения и последующей человеческой деятельности должны были сохраниться лишь фундаменты, влущенные в материк или в культурный слой, а также отдельные участки наземных стен высотой в несколько рядов кладки, не более. Условий для сохранения строительных остатков, подобных Геркулануму и Помпеям, в Северном Причерноморье нет.

¹²² Л. М. Славин, указ. соч., стр. 163.

¹²³ М. Ф. Болтенко. Остров Березань в свете последних археологических раскопок (данные экспедиций 1927—1928 гг.). Доклад на Международной археологической конференции в Берлине в апреле 1929 г. по случаю 100-летия Немецкого Археологического института (на нем. языке). Рукописный архив ОАМ, 59206, стр. 13.

Упомянутый «домик» 1909 г. на Березани имеет высоту стен до 2,93 м. Это высота одноэтажного дома (без крыши). Невозможно представить, чтобы такой дом сохранился почти полностью в течение 2500 лет. Нельзя допустить, чтобы он оказался под землей вследствие естественных процессов (да этого и нет — засыпка «дома» представляет культурный слой). Нельзя также представить, что он был засыпан с целью возведения над ним новых строительных сооружений; такая нивелировочная работа не только чрезвычайно трудоемка, но и бессмысленна: проще разобрать стены, тем более, что это дало бы строительный материал.

Таким образом, высказанная М. Ф. Болтенко мысль о подвальном характере открытых в 1909 и 1913 гг. помещений представляется вполне обоснованной. Правильно и его понимание дома, которому принадлежат эти помещения. Тип такого многокомнатного дома с подвальным и наземным этажами, с внутренним двором вырабатывается в Северном Причерноморье сравнительно поздно. Нельзя не заметить, что по своей планировке (хотя она восстанавливается весьма приблизительно) рассматриваемый дом близок дому IV—II вв., открытому в Ольвии около Зевсова кургана (дом № 2). В связи с этим интерес представляет датировка березанских подвалов. Э. Р. Штерн в 1909 г. отнес открытый им подвал ко второму периоду жизни поселения, т. е. ко второй половине VI—началу V в. (уже это противоречит предлагаемой Я. В. Доманским схеме эволюции домостроительства на Березани), открытый в 1913 г. — к первому периоду. Впрочем, тут же Э. Р. Штерн высказывает предположение, что обе «комнаты» принадлежали одной постройке, следовательно, относим оба подвала к первому периоду¹²⁴. Решающее значение при определении времени березанских подвалов, как кажется, должны иметь приемы домостроительства, в том числе и техника кладки стен, а они очень близки ольвийскому домостроительству раннеэллинистического времени. Весьма важны и находки наиболее поздней керамики в слое, соответствующем уровню залегания подвалов. Среди этой керамики, точное место находки которой установить трудно, Э. Р. Штерн упоминает, в частности, «горлышки амфор со штемпелями» (следует их перечисление), амфорная ручка с клеймом ΤΙΜΑΡΧΟΥ, найденная около берега, по-видимому, в этом же районе¹²⁵, обломки краснофигурной и чернолаковой штампованной керамики с пальметтами и вновь найденные в 1913 г. горла амфор с энглифическими

¹²⁴ См. Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1913 г., стр. 100—101.

¹²⁵ См. Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1909 г. ЗООИД, вып. XXVIII. Протоколы, стр. 90; ср. ОАК за 1909 г.

клеями¹²⁶. Некоторое количество находок подобного рода было обнаружено и при раскопках на этом участке уже в советское время М. Ф. Болтенко. Все это (на наш взгляд, совершенно правильно) дало основание М. Ф. Болтенко сделать следующий вывод: на участке В⁸ найдены строительные остатки не только V, но и IV и начала III в. до н. э.¹²⁷ Хотя точная датировка березанских подвалов и невозможна, следует полагать, что время их существования находится где-то в пределах верхней хронологической границы, отмеченной М. Ф. Болтенко.

На основании некоторых замечаний Э. Р. Штерна, есть основания думать, что остатки подвальных или полуподвальных помещений были открыты им и на других раскопках. Так, в отчете за 1907 г. Э. Р. Штерн указывает относительно строительных остатков на раскопе А¹, что «облицовка стен не везде сохранилась», внутренние стороны стен в помещениях сложены более тщательно, чем наружные, а уровни пола в помещении и материка за его пределами различны¹²⁸. Интересно, что и этот участок также дает заметное количество эллинистической керамики. В дневнике Прушевской за 1928 г., например, неоднократно отмечаются находки буролаковой и чернолаковой керамики IV в. до н. э.¹²⁹

Наконец, раскопками 1960—1964 гг. на Березани были открыты три несомненно полуподвальных и три подвальных помещений V—IV вв. до н. э. Как и полагается, основания стен этих помещений лежат на материке, что могло, казалось бы, дать возможность отнести их к «древнейшему периоду» Березани, однако, именно на этом участке с хрестоматийной ясностью видно, как полуподвалам предшествуют три строительных периода: один из них представлен ямой, которая при сооружении полуподвала была тщательно утрамбована, два других — полуземлянками, врезающимися одна в другую. Этот же участок как нельзя более убедительно опровергает общепринятую со времени Э. Р. Штерна двухпериодную схему развития Березанского поселения: мы имеем здесь по крайней мере пять, а возможно, и шесть последовательно наслаивающихся строительных горизонтов. И это совершенно закономерно. В поселении, развивающемся естественным путем (а для Березани никакие катаклизмы нам не известны), происходят те же

¹²⁶ См. Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1913 г., стр. 107—108.

¹²⁷ См. М. Ф. Болтенко. До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Бористеном. Вісник Одеської комісії краєзнавства, ч. 4—5, Одеса, 1930, стр. 39.

¹²⁸ См. Э. Р. Штерн. Раскопки на о. Березани, ОАК за 1907 г., стр. 66 и след.

¹²⁹ Рукописный архив ОГИМ, 59200 ИА 200.

процессы, что и в любом живом организме: постоянное обновление, постоянное отмирание старых и рост новых клеток.

Еще очевиднее ошибка Э. Р. Штерна и последующих исследователей в отношении стен, лежащих на субструкциях. Дати-

Подвальное помещение на поселении Березани. Раскопки 1964 г.

ровка их ранним периодом Березанского поселения построена на недоразумении. Возникновение техники возведения земляных субструкций было обусловлено долговременным нарастанием на территориях поселений мощных культурных слоев. Неоднородность этих слоев, наличие в них пустот и ям с рыхлым заполнением приводили к неравномерной осадке стен и быстрому разрушению возведенных на таком слое построек. Устранить это нежелательное явление можно было путем создания прочных фундаментов, доведенных до материка. Эллинистическая техника выработала экономичный и достаточно эффективный прием замены каменных фундаментов слоевыми субструкциями, в принципе состоящими из тех же составных элементов, что и слой, но соответствующим образом упорядоченных. Этим функциональным назначением субструкций и объясняется сравнительно позднее появление их в античном градостроительстве; на ранних этапах существования поселений в субструкциях не было нужды. Березань в этом отношении не составляет исключения.

Таковы основные замечания по строительной технике Березанского поселения. Они позволяют отказаться от предложенной Э. Р. Штерном интерпретации строительных остатков Бере-

зани и включить это поселение в единую цепь греческих северо-причерноморских поселений с общей для них линией развития домостроительства: от полуземлянок и небольших, несложных по планировке, наземных домов, представляющих начальный этап колонизации, к постепенно усложняющемуся многокамерному дому классического и эллинистического времени. Вместе с тем они позволяют отказаться и от существующего мнения о двух периодах в жизни Березанского поселения, противопоставить этой схеме единую и непрерывную линию его развития от начала колонизации до IV—III вв. до н. э.

В заключение беглого экскурса в область домостроительства на Березани рассмотрим точку зрения Д. И. Нудельман по этому вопросу. Д. И. Нудельман отмечает разнообразие в способах строительства: сплошные каменные постройки, глинобитные сооружения на каменном цоколе, стены из квадратного камня, из бута на глине, полуземлянки (по-видимому, туземные, поскольку «греки принесли сюда совершенно отличный тип строений»), круглые сооружения. По ее мнению, это разнообразие может отражать социальное и имущественное деление населения, но может быть, — и этническую неоднородность. Важное значение для доказательства негреческого этноса приобретают глинобитные полы¹³⁰.

Д. И. Нудельман, безусловно, права, видя в строительных сооружениях Березани отражение социальных и имущественных факторов. Однако она, так же как и Я. В. Доманский, делает ошибку, игнорируя хронологический и функциональный факторы и подменяя их фактором этническим. «Сплошные каменные постройки» (термин заимствован у Э. Р. Штерна; он называл так подвальные помещения, открытые в 1909 и 1913 гг.) представляют сравнительно поздний этап строительства; хронологически (но не этнически) им противостоят архаические полуземлянки. «Глинобитные сооружения на каменном цоколе» — широко распространенный тип античного дома классического времени. Стены как из квадратного камня, так и из бута на глине в равной степени широко применялись в греческих постройках: «Круглые сооружения» Березани по своему функциональному назначению неоднородны и не могут быть предметом рассуждения вообще, но если даже их нужно выводить откуда-то, то ближе всего в этом отношении архаические толосообразные постройки греков. И, наконец, глинобитные полы в греческих северопричерноморских домах — наиболее распространенный вид.

Строительные остатки Березанского поселения ранней его поры рисуют совершенно отчетливую и недвусмысленную картину бедной, полной невзгод и материальных лишений трудо-

вой жизни. Крохотные полуземлянки — это, разумеется, не жилища богатых купцов-посредников. Богатство не замедлило бы проявить себя в материальных памятниках, ибо «цель производства здесь не в накоплении меновой стоимости, как при капитализме, а в получении потребительных стоимостей»¹³¹. В этом спецификом древнего общества в отличие от нашего, где богатство может выступать почти в идеальной форме (ценные бумаги). Нам могут возразить, указав на существование еще в VII в. до н. э. пословицы ΧΡΗΜΑΤ'ΑΝΗΡ: «деньги (форма модернизированной; точнее «богатства») делают человека». Однако именно эта пословица и подтверждает нашу правоту, обнаруживая существеннейшее отличие древнего общества от современного, лозунгом которого является «деньги делают деньги».

Жилым сооружениям раннего поселения на Березани вполне соответствуют и материалы его некрополя, рисующие в основном картину незажиточной трудовой среды. Инвентарь погребений, основная масса которых принадлежит уже середине и второй половине VI в. до н. э., очень скромна и в количественном и в качественном отношении. Керамика, занимающая в инвентаре главное место, представлена рядовой ремесленной продукцией, украшенной чаще всего незатейливым геометрическим орнаментом; лишь изредка в орнаменте появляются растительные или звериные мотивы. Несколько лучшими образцами представлена аттическая чернофигурная крамика. В некоторых могилах были обнаружены только лепные сосуды, в некоторых могилах лепная керамика сочеталась с кружаловой импортной. Наконец, большая часть погребений совсем не содержала никакого инвентаря.

Из общей массы погребений березанского некрополя можно выделить лишь несколько могил, содержащих сравнительно богатый инвентарь. Среди них на первом месте стоит «оригинальное погребение» № 371. Гробница представляет деревянный сруб, покрытый деревянной же крышей, которая лежала на пяти толстых брусках. Гробница доверху засыпана углем высокого качества. Погребенный лежал на дне гробницы на слое белого с желтым оттенком порошка. Инвентарь: 2 амфоры, одна из которых «изысканная», каменное блюдо с одной ручкой, ойнохоя сероглиняная, чернолаковая вазочка в обломках, «желтая» тарелка, кувшин, обгорелый сосуд, куски перегнившей кожи со следами медных украшений и заклепок, железный меч, деревянный колчан со 120 наконечниками стрел, железный нож, 37 сердоликовых и 18 золотых бус, 24 золотые пуговицы, 2 золотые бляшки, украшенные выпуклым точечным рисунком, 60 зо-

¹³⁰ Д. И. Нудельман, указ. соч., стр. 31—33.

¹³¹ Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Об искусстве, т. I, стр. 180.

лотых четырехугольников и 97 круглых бляшек; золотые украшения от головного убора и золотая серьга¹³².

Как по способу погребения, так и по богатству, количеству и разнообразию инвентаря указанное погребение занимает совершенно особое положение в некрополе Березани. Другое погребение, содержащее золотые вещи, не может идти с первым ни в какое сравнение¹³³. В могиле № 128 с погребением под ростка обнаружены: 2 золотые серьги, 11 золотых и 6 серебряных мелких бус, несколько бус из кости и 6 из стекла, флакончик из расписного стекла, медный браслет и 4 терракотовых статуэтки. Сравнительным богатством отличается и еще одно погребение № 309, по-видимому, женское. Оно сопровождалось бронзовым зеркалом с фигурой барса или пантеры на ручке, большим количеством пастовых, янтарных сердоликовых бус, обломков серебряного предмета и глиняной мисочкой¹³⁴.

Таковы все погребения, заслуживающие внимания незаурядностью своего инвентаря. Из них только два являются по-настоящему богатыми. В целом же некрополь дает более или менее однообразную картину бедной неимущей социальной среды. Два богатых погребения совершенно растворяются среди многих сотен рядовых, но они не случайны и знаменуют собой начало того процесса поляризации роскоши и нищеты, который позднее и не на Березани материализуется в Царском, Золотом и многих других курганах.

Логически правильным следовало бы считать вывод, что с появлением крупного торгового центра (Ольвии) дублирующей его функции мелкий торговый пункт (Березань) прекращает свое существование. В основном эта точка зрения на хронологические рамки Березанского поселения и бытует в настоящее время. Высказана она была, как уже отмечалось, Э. Р. Штерном еще в 1901 г. не столько по материалам раскопок Г. Л. Скадовского, сколько на основании собственных убеждений Э. Р. Штерна: Березанский эмпорий был в V в. поглощен развитием торговли в Ольвии и окончательным утверждением греков в этом районе. Этой точки зрения Э. Р. Штерн придерживался и в дальнейшем¹³⁵. Для него, правда, не прошли

незамеченными многочисленными находки вещей римского времени, получившие с его стороны, возможно, и правильную интерпретацию: «о постоянном или сплошном заселении острова в римский период не может быть пока речи; но эти находки все-таки указывают, что Ольвиополиты, — может быть, также и для цели рыбной ловли, — чаще заезжали сюда, чем это можно было предполагать по одним до сих пор найденным посвячительным надписям в честь владыки моря — Ахилла Понтарха»¹³⁶. Действительно, вопрос о заселении Березани в римское время продолжает оставаться очень неясным. Зато многочисленные материалы, свидетельствующие о существовании поселения на протяжении V, IV, частью и III вв. до н. э. совсем ускользнули из поля зрения исследователя.

Иначе полагает С. И. Капошина. Касаясь в той или иной связи материалов классического и раннеэллинистического времени с Березани, она неоднократно заявляет: мнение, что березанское поселение прекратило свое существование в V в. до н. э. и греки с Березани переселились в Ольвию¹³⁷, неправильно; даже Э. Р. Штерн не поддерживал такой точки зрения и считал, что поселение на Березани продолжало существовать и в классический период, о чем он неоднократно якобы заявлял¹³⁸. Подобные высказывания относительно взглядов Штерна следует признать необоснованными.

Взгляды М. Ф. Болтенко на зависимость судеб Березани от торговой конкуренции Ольвии немногим отличаются от взглядов Э. Р. Штерна. В 1930 г. он пишет: «После короткого равновесия между Ольвией и Борисфеном (Березанью. — В. Л.)... который мы датировуем второй половиной VI в., Березань начинает быстро пустеть. Только на участке, где справлялся культ Афродиты Евплеи..., можно еще найти культурные остатки не только V, но даже IV и начала III столетий. Крайний выдвнутый в море пункт Ольвийской территории о Березань мог вмещать в себе контрольный пункт, чтобы отсюда следить за движением судов в лиман с Днепром и Бугом...»¹³⁹ В последней опубликованной работе М. Ф. Болтенко в качестве главного фактора развития Березанского поселения выступает рыбо-

¹³² См. «Дневник Г. Л. Скадовского»; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К., 1951, стр. 59; С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, стр. 220—221, 230.

¹³³ С. И. Капошина («Из истории...», стр. 230) права лишь отчасти, утверждая, что в погребении № 371, «единственном из всех грунтовых могил березанского некрополя, были найдены золотые украшения и железный меч».

¹³⁴ См. «Дневник Г. Л. Скадовского».

¹³⁵ См., напр., Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на Березани летом 1913 г., стр. 101. Лишь однажды, в 1902 г., Э. Р. Штерн высказался в этом отношении более осторожно, чем обычно (Э. Штерн. О пробных раскопках на острове Березани. ЗООИД, т. XXV. Протоколы, стр. 100).

¹³⁶ Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1909 г. ЗООИД, т. XXVIII. Протоколы, стр. 91.

¹³⁷ Относительно переселения греков с о. Березани в Ольвию пишет, в частности Л. М. Славин («Древнегреческое поселение на острове Березань», стр. 168). Вместе с тем, Л. М. Славин полагает, что после V в. до н. э. на Березани продолжает существовать небольшое поселение торгового и рыбо-ловческого характера. Л. М. Славин ссылается при этом на новейшие раскопочные материалы М. Ф. Болтенко.

¹³⁸ См. С. И. Капошина. Из истории..., стр. 216, 230.

¹³⁹ М. Ф. Болтенко. До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Борисфеном. Вісник Одеської комісії краєзнавства, ч. 4—5. Одеса, 1930, стр. 39.

ловство. Соответственно этому «греческое поселение на острове Березани, естественно, начинает хиреть, так как центр борисфенской рыбопромысловой округи перемещается теперь в Ольвию, куда переходит и «торжище борисфенитов». На Березани, по-видимому, остается контрольно-таможенный пункт ольвийского... и место культа туземного бога — владыки Черного моря, которого греки отождествили со своим Ахиллом...»¹⁴⁰

Я. В. Доманский, подчеркивая, что «не следует связывать поселение на острове Березани с развитием греческой колонизации, ибо это поселение было определенным итогом торговой деятельности греков, а не колонизационной, было эмпорием, а не колонией»¹⁴¹, и в этом смысле присоединяясь к мнению С. А. Жебелева, который видел в Березани доказательство того, что не всегда на месте эмпориев возникали колонии¹⁴², усматривает упадок Березанского поселения в середине VI в. и объясняет его упрочением Ольвии, где сосредоточились все торговые операции: «Экономические основы жизни фактории на Березани были подорваны, в роли эмпория поселение перестает выступать. Часть населения, по-видимому, перешла в Ольвию»¹⁴³.

Я. В. Доманский справедливо полагает, что никакого перерыва в 25—50 лет с середины и до конца VI в. на Березани не прослеживается¹⁴⁴. Добавим от себя, что этот перерыв не прослеживается и на строительных остатках: если Э. Р. Штерн и отмечает наличие прослойки земли между строительными остатками «двух периодов» в качестве доказательства перерыва, то это нельзя признать правильным: ведь прослойки-то не стерильные! Далее Я. В. Доманский отмечает расширение поселения в конце VI в. и ставит его в связь с интенсивным развитием хозяйства Нижнего Побужья под влиянием Ольвии. Происходит переорождение Березанского поселения. «Оно стало во многом сходно с возникавшими на материке вокруг Ольвии поселениями с тем только отличием, что на Березани, естественно, более важную роль в хозяйстве играло рыболовство». В этой «новой роли Березань выступает, вероятно, на протяжении всего V и IV вв. до н. э.» Я. В. Доманский принимает положение А. С. Уварова о том, что на острове находилось ольвийское поселение и никогда не существовал самостоятельный город. И вновь: «Но прежде, чем стать «ольвийским поселением», до основания Ольвии, Березань представляла собой эмпорий»¹⁴⁵.

На вопросе о двух ипостасях Березанского поселения («эмпорий» — «контрольно-таможенный пункт» или «ольвийское по-

селение») остановимся ниже. Здесь уместно отметить, что возникающая на этой базе противоречивость концепций вытекает из стремления примирить непримиримое — штерновское понимание колонизационного процесса, с одной стороны, и конкретный археологический материал — с другой.

Изучение материалов Березани позволяет судить, что поселение действительно продолжало существовать в классическое и даже раннеэллинистическое время¹⁴⁶. Об этом свидетельствует прежде всего многочисленный керамический материал: краснофигурная керамика, амфоры позднеклассических и эллинистических типов, в частности гераклейская клейменная тара, и даже обломки «мегарских» чаш. Этому же времени принадлежит ряд открытых Э. Р. Штерном строительных остатков, и прежде всего рассматриваемые выше подвальные помещения на участке В⁸, некоторые из стен на участке А¹. Судя по уровню залегания стен и сопровождающему материалу помещения (в том числе и подвального характера) эллинистического или позднеклассического времени были открыты в 1905 г. на участке В⁶, расположенном широтно уже почти в центре поселения. Из находок здесь особый интерес представляет эллинистическая каннелированная ваза с накладным орнаментом в виде стилизованной ветви и листьев плюща и три бронзовых круглых монетки, судя по описанию одной из них (изображение орла на дельфине) — ольвийские, не ранее IV в. до н. э.¹⁴⁷ Стены помещения позднеклассического или раннеэллинистического времени открыты нами в 1960 г. на раскопе V, расположенном по восточному берегу еще южнее штерновского участка В⁶. Стены помещения залегают над остатками дома V в. до н. э. и над несколько более поздней, чем этот дом, ямой, в заполнении которой были обнаружены горла гераклейских амфор с энглифическими клеймами; обломки фасосских и гераклейских амфор позднеклассического и эллинистического типов, чернолаковый обломок с весьма небрежно штампованной пальметтой находились и на уровне залегания этих стен¹⁴⁸. В 1962 г. на Основном раскопе обнаружена яма, содержавшая более десятка гераклейских клейменных амфор. Над ямой обнаружены стены дома. Развал от одной из этих стен перекрывал яму. Наконец, в 1963—1964 гг. были открыты не только многочисленные строительные остатки V—IV вв. до н. э., но и культурный слой соответствующего времени.

Итак, с возникновением Ольвии, последовавшим, по-видимому, вскоре после освоения Березанского поселения, жизнь этого

¹⁴⁰ М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани, стр. 43.

¹⁴¹ Я. В. Доманский. Из истории населения..., стр. 37, прим. 4.

¹⁴² См. С. А. Жебелев. СП., стр. 43.

¹⁴³ Я. В. Доманский. Из истории населения..., стр. 38.

¹⁴⁴ См. там же, стр. 37.

¹⁴⁵ Там же, стр. 38.

¹⁴⁶ В отношении Березанского некрополя этот вывод сделала С. И. Капошина. См. ее работу: «Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья», стр. 216, 230.

¹⁴⁷ См. «Дневник Е. Г. Кагарова». ОГИМ, 59189, ИА 189.

¹⁴⁸ См. В. В. Лапин. Раскопки поселения на острове Березань 1960 г., стр. 48—49.

поселения не прекращается. Ольвия и Березань не только сосуществуют на протяжении нескольких сотен лет, но и находятся в тесных экономических и политических связях, что убедительнее всего подтверждается нумизматическими материалами с Березани. Находки ольвийских «ассов» были уже при раскопках Г. Л. Скадовского. Значительное количество их дали и раскопки Э. Р. Штерна; только в 1904 г. на раскопе В⁵ было обнаружено сразу 5 ассов¹⁴⁹. Большое количество ольвийских монет дали раскопки М. Ф. Болтенко. Из 38 найденных в 1928 г. монет 24 принадлежат Ольвии VI—III вв. до н. э.¹⁵⁰ За годы раскопок на Березани было обнаружено громадное количество ольвийских медных «дельфинчиков»¹⁵¹ и, как мы полагаем, значительное количество стрелообразных монет. Если учесть, что античная медная монета в это время являлась средством внутривосточного обращения, то политическое единство Ольвии и Березани, вхождение последней в Ольвийский полис, представляется весьма вероятным. Не менее вероятной представляется общность экономической жизни Ольвии и Березани. Развитие Березанского поселения определялось экономической и политической жизнью Ольвийского полиса, но не носило характера торговой конкуренции.

Более того, мнение о затухании жизни на Березани в V в. до н. э. находится в противоречии с археологическим материалом: именно на V в. падает наибольшее количество строительных остатков и, по-видимому, наибольшее расширение границ поселения.

Изучение материалов Г. Л. Скадовского, Э. Р. Штерна и М. Ф. Болтенко и корректирование их материалами раскопок 1960—1964 гг. дают возможность нарисовать следующую картину развития поселения, разумеется, пока еще очень схематичную. Количество строительных остатков возрастает в направлении к северо-восточному углу острова. Не случайно, что именно здесь сосредоточено наибольшее количество раскопок: раскопы А¹ и В⁸ Э. Р. Штерна, раскопы 1927—1931 и 1946 гг. М. Ф. Болтенко и др. Это же следует сказать относительно хронологического диапазона культурного слоя: северо-восточный угол дает большое разнообразие памятников различного времени, тогда как более удаленные участки содержат строительные остатки классического и раннеэллинистического времени, но бедны архаическими сооружениями. Мощностъ культурного слоя также постепенно сходит на нет в южном направлении. Не дал строи-

тельных остатков раннего времени раскоп В⁸ Э. Р. Штерна. Раскоп V 1960 г., расположенный еще юго-восточнее, также дал строительные остатки не ранее V в. до н. э. На раскопе I этого же года, расположенном уже недалеко от южной границы поселения, наиболее ранние остатки представлены ямой с материалом второй половины VI — первой половины V в. до н. э., строительные же сооружения на этом участке датируются еще более поздним временем, на что указывает, в частности, и сам тип дома с внутренним мощеным двором. Сейчас еще нет оснований, чтобы категорически говорить о значительном расширении границ поселения в V в. до н. э. и последующие раскопки могут внести серьезные коррективы в нашу схему. Однако равным образом нет оснований и для противоположных утверждений.

Сложнее представляется картина развития поселения в северо-западной части острова, в районе открытого Г. Л. Скадовским некрополя. По-видимому, в древнейший период существования поселения этот район не был занят некрополем. По нашему мнению, значительная (если не большая) часть раскопанных Г. Л. Скадовским «кострищ», давших как раз наиболее ранние материалы, не является сожжениями, как это полагали сам автор раскопок и последующие исследователи, а представляет собой обычные ямы или культурный слой, всегда насыщенный золой, углями, костями, керамикой. Для исследователя, который рассматривал открываемый им памятник как чистый могильник, — а он должен был так характеризоваться незначительным количеством культурных остатков, — этот слой естественно мог оказаться непонятым. Эта раз неверно данная интерпретация открытых Г. Л. Скадовским памятников продолжала сказываться и позднее у Э. Р. Штерна, который по инерции связывал ямы Березани с погребениями и создал даже особый термин «похоронные ямы», от которого так и не смог избавиться до конца своих раскопок. Совсем не удивительно, что последние раскопки не дали ни одной такой «похоронной ямы», и это не потому, что они были уже все открыты Э. Р. Штерном. Проследить ошибку обоих исследователей легче всего по первым раскопочным шагам Э. Р. Штерна, когда понятие «кострище», «сожжение» начинает подвергаться первым сомнениям, а новое понятие «похоронная яма» еще только вырабатывается. В дневнике Э. Р. Штерна за 1904 г. читаем относительно участка В¹ (западная часть острова, южнее раскопа Г. Л. Скадовского): обнаружены 3 могилы (подразумевается с сожжениями), между ними твердый материк; в средней — обломки урн, чернолаковой, расписной керамики, терракотовая птица, 2 кусочка мрамора «рыбки», в других — только «простоглиняная» посуда. Могилы бедные, в каждой по несколько урн с пеплом. «Удивительная глубина этих могил: 2 аршина 11

¹⁴⁹ См. Э. Р. Штерн. Дневник раскопок на Березани 1904 г. ОГИМ 59188, ИА 188, л. 8; ОАК, за 1904 г., стр. 45.

¹⁵⁰ См. П. О. Карышковский. Монеты острова Березани КСИА. вып. 9, 1960, стр. 85—89.

¹⁵¹ Там же.

вершков». «Урны не только раздавлены, но уже в древности были разбиты»¹⁵². Другими словами, обнаружены три ямы в материке глубиной каждая около 2 м, с обычным ямным заполнением. Эту интерпретацию ям Э. Р. Штери сохранил и в опубликованном отчете. Стены, открытые над ямами, объяснялись им в 1904 г. (иногда и в последующие годы) как ограждения похоронных ям. Лишь участок А¹, где картина жизни поселения была слишком очевидна, получил в 1904 г. удовлетворительное объяснение¹⁵³.

Превосходный по тем временам план раскопок Г. Л. Скадовского и его дневник позволяют обнаружить ошибку исследователя. На плане «кострища» и «сожжения» нанесены темными пятнами в большинстве случаев совершенно правильной круговой формы, диаметр их в среднем имеет около 1,5 м. Думать, что Г. Л. Скадовский дает упрощенное, схематическое изображение «кострищ», у нас нет оснований: там, где это, по-видимому, соответствовало действительности, «кострища» на плане приобретают форму овала или неправильного овала. Для человека, незнакомого с дневником и имеющего дело только с планом Г. Л. Скадовского, не может даже возникнуть сомнений, что изображенные на нем темные кружки являются ямами.

Дневник Г. Л. Скадовского мало дает для подкрепления нашей догадки. Так, указывается, что на XII полосе открыто множество кострищ, показавшихся местами на глубине около 50 см, глубина их местами достигает 70 см. Настораживает лишь несколько глубина залегания кострищ и их мощность, несколько необычная для кострища, но по глубине подходящая для ям.

Для V полосы, где глубина ямы была, по-видимому, настолько значительна, что исключала объяснение ее как кострища, дается уже несколько иное описание: под амфорой, окруженной твердой песчаной глиной, — круглое рыхлое могильное пятно диаметром 1,70 м; в могиле ничего не найдено, кроме разбросанного в разных местах древесного угля.

Наконец, в дневнике мы имеем многочисленные указания на существование ям, которые фигурируют здесь под названием «грабительских» или «кладоискательских». Доказать их действительно грабительский характер удается очень редко; чаще всего их расположение не совпадает с расположением могил. К тому же практика кладоискательства базировалась на более эффективном методе: раскопки велись обычно от берегового обрыва, где отчетливая стратиграфия давала возможность работать не наугад. В. И. Гошкевич сообщает: «Вбив в землю лом, прикрепив к нему конец веревки и обвязав себя другим концом

ее, грабитель работал на весу..., сбрасывая могильную землю прямо в море»¹⁵⁴.

Остается одно предположение реалистического характера. Если это действительно кострища, на которых сжигали покойников, то почему их диаметры так малы (иногда меньше 1 м)? На таком костре покойника можно было подвергнуть сожжению только в сидячем или стоячем положении или сжигать его по частям. Если предположить, что после сожжения все остатки сгребались в небольшую кучу, то следы сожжения на остальной площади все равно должны были остаться. Далее, маловероятно, чтобы родственники сожженного не собирали праха покойного и не хоронили его так, как это было обычно принято. Нами на Березани было открыто всего лишь одно кремнированное погребение, но оно, хотя и не заключало урны, было тщательно обложено камнями-гладышами. И, наконец, если это сожжения, то почему многие из них не заключали человеческих костей?

Вместе с тем некрополь Березани дал и ряд бесспорных кремнированных захоронений. Таково, например, погребение № 37, где кости сожженного заключены в амфору; здесь даже отсутствует «кострище». Случай кремации представляет и погребение № 65; амфора, лежащая на боку, дно ее отбито и прикрывает отверстие горла, место отбитого дна закрыто большими толстыми черепками, амфора наполнена землей, обгорелыми кусками человеческих костей и окружена древесным углем (на плане — овальной формы). Интересно, однако, что именно для этих бесспорных случаев кремации Г. Л. Скадовский не отмечает находок наиболее древней родосско-ионийской керамики, последняя встречается лишь в «кострищах», происхождение которых неопределенно. Не является ли это свидетельством синхронности кремнированных захоронений основной массе захоронений с обрядом труположения? Как показала С. И. Капошина, грунтовой могильник Березани принадлежит времени от середины до конца VI в до н. э.¹⁵⁵ И если это действительно так, то мы имеем основания сделать еще один шаг по пути устранения того покрова оригинальности, необычности, изолированности, которым окружена история этого острова.

Все ранние античные некрополи Северного Причерноморья дают безусловное преобладание обряда труположения над трупосожжением; обряд трупосожжения сосуществует с обрядом труположения. Лишь Березань, по материалам Г. Л. Скадовского, дает совершенно необычную картину: древнейший период в некрополе представлен только трупосожжениями, вто-

¹⁵² Э. Р. Штери. Дневник раскопок на о. Березани в 1904 г. ОГИМ, 59188, ИА 188, л. 1—2.

¹⁵³ См. ОАК за 1904 г., стр. 41 и след.

¹⁵⁴ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, стр. 57.

¹⁵⁵ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 230.

рая половина VI в. до н. э. — труположением. Восприняв сообщения Г. Л. Скадовского как вполне достоверные, мы закономерно должны прийти к выводу о двух колонизационных волнах в истории заселения Березани, о четком делении ее на два периода, каждый из которых должен быть представлен и особой племенной общностью коллектива поселенцев (иначе нельзя объяснить резкую смену одного погребального обряда другим). Приблизительно к таким выводам и пришла С. И. Капошина, развив и заострив тезис К. М. Колобовой о столкновении на Березани торговых интересов Родоса и Милета¹⁵⁶. С С. И. Капошиной полимеризует Я. В. Доманский, настаивающий на том, чтобы не смешивать волну эмпориальную с волной колонизационной¹⁵⁷. При нашем толковании необходимость в констатации волн двоякого рода отпадает; Березанский некрополь принципиально ничем не отличается от других ранних греческих некрополей.

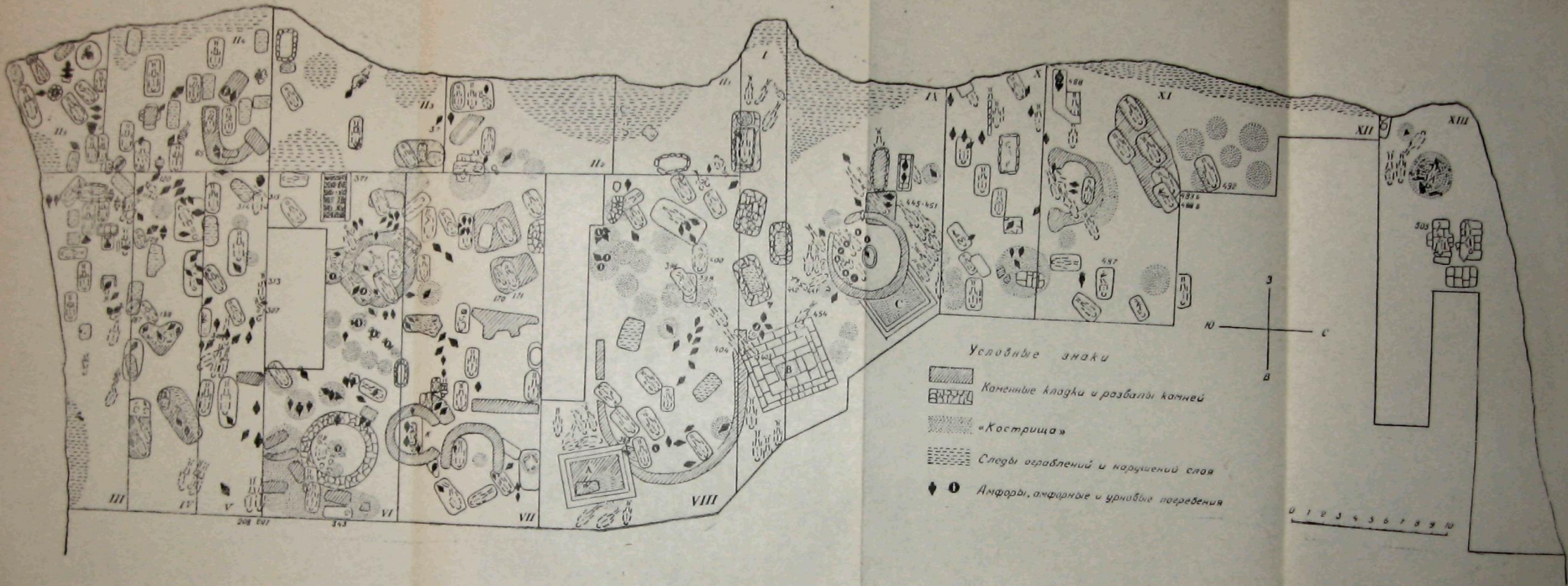
Если наличие поселения Березани на месте грунтового могильника для древнейшего периода остается все же не бесспорным, то с большей очевидностью можно установить, что где-то еще в пределах первой половины V в. до н. э. поселение вновь надвигается на территорию некрополя и «город живых» теснит «город мертвых». Об этом свидетельствует прежде всего наличие культурного слоя на территории некрополя. Определение «слоя» часто фигурирует в дневнике Г. Л. Скадовского. Мы не можем рассматривать его только как формальное понятие, тождественное понятию «штыка». Нельзя согласиться и с той интерпретацией «слоя» некрополя, которую дает С. И. Капошина, рассматривающая его как «поверхностные слои земли, перекрывавшей некрополь», соответственно вещественные находки из слоя рассматриваются ею как находки, происходящие из разрушенных грунтовых могил¹⁵⁸. Там, где речь идет действительно о поверхностных слоях, Г. Л. Скадовский оговаривает это. Например, относительно IV полосы: при снятии верхних слоев выявлено множество черепков. В другом случае (полоса III) указывается: в третьем слое в разных местах кроме множества черепков и обломков костей найден ряд интересных вещей (если здесь идет речь даже о третьем «штыке», то глубина его уже превышает обычную глубину гумусного слоя). Косвенным образом часто можно установить, что глубина залегания слоя довольно значительна. Так, на полосе II нижняя граница «слоя щебня» (толщиной 50 см), перемешанного с би-

¹⁵⁶ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 231—234; К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества, стр. 164.

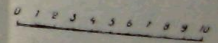
¹⁵⁷ См. Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э., стр. 37, прим. 4.

¹⁵⁸ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 227.

- Условные знаки
- Каменные кладки и развалы камней
  - «Кострица»
  - Следы ограблений и нарушенный слой
  - Амфоры, амфорные и урновые погребения

Некрополь Березаня.

той посудой, определяется очень четко: он залегает непосредственно на материковом песке, которому в нормальных условиях должны были бы предшествовать слой материкового лесса и гумус. Это можно установить и стратиграфически: над слоем щебня находилась амфора с детским погребением, над нею — развал камней; можно полагать, что развал камней не находился на поверхности, а залегал по крайней мере в гумусе. Таким образом, общая толщина слоя до материкового песка значительно превышала 1 м; вряд ли его можно рассматривать как «поверхностный слой». В другом случае, на полосе VI, к западу от кольцеобразной стены, «слой мусора, в котором много черепков и кусков обгорелых костей» (животных, так как присутствие человеческих костей всегда оговаривается особо), залегает под пустыми амфорами, находящимися в перевернутом положении; учитывая, что над амфорами должен был находиться еще некоторый слой земли (да и наличие пустых, не связанных с погребениями амфор, к тому же в вертикальном положении, вне слоя вряд ли объяснимо), следует допустить, что «слой мусора» залегал по крайней мере на глубине около метра. «Слой мусора» в дневнике Г. Л. Скадовского отмечаются неоднократно. В одном случае (полоса VI, у кольцеобразной стены) слой характеризуется как «насыпная земля с примесью черепков», в которой прослеживаются следы «кострищ», т. е. угольно-золистых прослоек. Все эти весьма точные определения слоя позволяют нам не согласиться с мнением С. И. Капошиной о его происхождении: земля, образовавшаяся при разрушении более ранних могил, не могла носить характер мусора или щебня (конечно, строительного) с черепками; в лучшем случае она должна была содержать очень незначительное количество вещественного материала и состоять в основном из рушенного материкового лесса.

Ярче всего наличие культурного слоя прослеживается у восточной стороны полосы VI. Описание Г. Л. Скадовского говорит само за себя: на глубине 1,42 м обнаружены 6 групп камней. При дальнейшем углублении камнями забит весь юго-восточный угол траншеи. Развал, состоящий из небольших камней, перемешанных с черепками, в том числе и чернофигурными, имеет толщину более полуметра. Ниже его — наслоения множества «кострищ», которые оканчиваются материковым лессом. Общая толщина этого несомненно культурного слоя составляет около 2,5 м. В этот слой, по-видимому, впущена могила (№ 343), где обнаружены череп и несколько лежащих в беспорядке костей.

Далее, наличие культурного слоя на территории березанского некрополя подтверждается уже тем, что здесь имеется большое количество строительных остатков, временами перекрывающих друг друга и достигающих значительной высоты

(высота подковообразного сооружения на полосе XI превышала, например, 1 м). Требуют соответствующей интерпретации и сами строительные остатки, которые обычно рассматриваются как культовые памятники некрополя; кольцеобразные сооружения рассматриваются, например, как «каменные ограждения вокруг кострищ»¹⁵⁹. Выше отмечалось, что в 1904 г. Э. Р. Штерн объяснял стены, открытые на Березани, как ограждения похоронных ям. Эту же интерпретацию он считал возможным применить даже в 1909 г. На раскопе К-4 был обнаружен ряд ям с очень бедным заполнением, которые получили объяснение как ямы, вырытые для добычания глины. Здесь же открыты три стены — одна длиной 12,8 м и две короткие, пристроенные к ней. Стены воздвигнуты на субструкциях. Ход мыслей Э. Р. Штерна таков: поскольку подобные стены уже встречались в 1904 г. и объяснены тогда как ограды похоронных ям, эти стены также являются чем-то вроде ограды¹⁶⁰. Спрашивается: что же ограждать? Ямы, из которых добывали глину? Встречены здесь, правда, и пять погребений, но они разновременны (в том числе одно новейшего времени) и явно не имеют к стенам никакого отношения. И зачем тогда субструкции? Ведь субструкции возводились для монументальных построек и рассчитаны были на то, чтобы нести на себе достаточно солидную конструкцию.

Некрополь Березани содержит каменные строительные остатки трех основных типов. Первый — кольцеобразные и подковообразные сооружения с диаметром (по внешней стороне) от 1 до 5 м. Функциональное назначение этих сооружений неясно. Можно только полагать, что к могильнику они не имеют никакого отношения. Так, под кольцеобразным сооружением в восточной половине полосы VI обнаружены на значительной глубине 2 нетронутых погребения. Между ними и сооружением, как это можно установить по дневнику, залегает достаточно мощный и разнородный слой (Г. Л. Скадовский даже отмечает под стенами грунт различный — с северной стороны песок, с восточной — глина, с юго-восточной — глина с черепками, с южной — кострище). Слой образовался от строительной деятельности и разрушения более ранних могил. Поэтому в нем обнаружены и 3 человеческих черепа, которые совсем не связаны с «кострищами»: в одном случае отмечено, что череп найден ниже «кострища», в двух других условия находки не указаны, но ничего не говорится и о «кострищах». С очевидностью можно установить лишь, что непосредственно строительству кольцеобразного сооружения предшествовало детское

¹⁵⁹ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации, стр. 218—219; И. В. Фабрициус. Археологическая карта, стр. 58.

¹⁶⁰ См. ОАК за 1909 г., стр. 113; ЗООИД, т. XXVIII. Протоколы, стр. 81.

амфорное захоронение. Не вызывает, однако, сомнения, что сооружение предназначалось не для этого захоронения; к тому же захоронение находится не в центре, а под стеной и раздавлено при строительстве стены.

Так же обстоит дело и со вторым кольцеобразным сооружением на полосе VI. Под ним залегает «насыпная земля с примесью черепков». В «кострищах», расположенных хаотически в слое, человеческих костей не обнаружено. Залегające еще ниже человеческие костяки также расположены беспорядочно и чаще всего выходят за пределы стены или находятся под нею (2 костяка находятся все же в пределах, очерченных стеной).

Явно не имеет отношения к погребениям подковообразное сооружение на полосе XI. Если отказаться от неясного объяснения Г. Л. Скадовского, вырисуется приблизительно следующая картина: над скоплением разнотипных и разновременных погребений залегает пласт культурного слоя с прослойками зольного характера; слой насыщен керамическим материалом и большим количеством «обгорелых скотских и свиных костей» (в западной стороне обнаружено несколько осколков «обгорелых» человеческих костей и 2 человеческие бедренные кости, лежащих рядом; они по-видимому, принадлежат разрушенному погребению); на этом слое воздвигнута подковообразная стена, сохранившаяся на высоту более 1 м; верхняя половина ее являлась наземной, нижняя, около 0,5 м, представляла фундамент, впущенный в слой.

То же можно установить относительно кольцеобразной стены на полосе IX. Могилы здесь предшествовали по времени прямоугольному ступенчатому сооружению С. Кольцеобразная стена частично перекрывала ступенчатое сооружение. Группа погребений располагалась только в южной половине площади, очерченной кольцеобразной стеной. Ноги трех костяков заходили под стену, одно из погребений этой группы (принадлежность к ней устанавливается на основании строго соответствующей остальным погребениям ориентации) вообще находится за пределами стены. Наконец, из двух подковообразных сооружений на полосе VII одно имеет погребение у южной части стены, несколько заходящее под стену, что вряд ли могло бы быть возможно, если бы стена предназначалась для ограждения этой могилы. Лишь в южном подковообразном сооружении могила оказывается «вписанной» точно в центр сооружения, но и это может рассматриваться как простое совпадение.

Указанные каменные сооружения березанского некрополя, как и другие каменные сооружения его, нельзя рассматривать изолированно от памятников самого поселения. В связи с этим интересно отметить, что в 1908 г. на раскопе А¹ Э. Р. Штерном также было обнаружено кольцеобразное сооружение. Внутрен-

ний диаметр его около 1 м, внешний — около 2 м, высота сооружения 1,60 м. Штерн высказал догадку, не является ли оно печкой, но так как сооружение не имело топочного отверстия, то остановился на несколько неудачном определении — «баш-

Кольцеобразное сооружение на некрополе Березани (рисунок с фотографии).

ня»¹⁶¹. Никаких погребений под сооружением или вблизи него, естественно, не было обнаружено. Остатки круглых толосообразных построек были открыты на раскопе А в 1906 г.¹⁶² Возможно с подобными сооружениями нужно связать и открытую в 1906 г. на раскопе К² (западная сторона острова) круглую площадку диаметром 2 м, выложенную из хорошо отесанных крупных плит. Площадка, по-видимому, имела каменные вертикальные стенки, разобранные при сооружении залегающих выше стен прямоугольного здания. На участке, правда, обнаружено много погребений, в том числе и ранние, но под площадкой их не было¹⁶³. Наконец, близкое по форме, овальное в плане, с диаметрами 1,65 и 1,25 м (в чистоте) и глубиной 1,25 м каменное сооружение было открыто на Основном раскопе Березани в 1964 г. Оно, по-видимому, являлось погребком-хранилищем.

Следует также отметить, что для Северного Причерноморья круглые сооружения Березани не представляют явления исключительного. Так, на Керченском полуострове в поселении у д. Марфовки также было обнаружено кольцеобразное сооружение диаметром 1,6—1,8 м, по своему характеру идентичное березанским; погребений никаких не засвидетельствовано¹⁶⁴. Круглое сооружение, аналогичное открытому на раскопе К² Березани, обнаружено в Херсонесе. Г. Д. Белов датирует его

¹⁶¹ ОАК за 1908 г., стр. 86—87.

¹⁶² См. ОАК за 1906 г., стр. 54.

¹⁶³ См. там же, стр. 57—58.

¹⁶⁴ См. И. Т. Кругликова. Исследование сельской территории европейского Боспора. СА, № 1, 1957, стр. 224.

первыми веками нашей эры и считает основанием какого-либо памятника или алтаря¹⁶⁵.

Второй тип каменных сооружений на территории некрополя — это прямоугольные ступенчатые площадки. Всего открыто 3 каменных площадки, получившие литеры А (южная), В (средняя) и С (северная). Площадки расположены близко одна от другой и идут почти строго по прямой линии в направлении с северо-запада на юго-восток. Площадки однообразны по конструкции, две крайние имеют приблизительно равные размеры (А=3,20×4,25 м; С=3,55×2,85 м, может быть даже несколько больше), средняя представляет почти правильный квадрат со стороны нижней ступени, равными 4,4 м. От площадок сохранилось по три ступени высотой до 0,2 м каждая и приблизительно такой же ширины, выложенные они из больших хорошо отесанных плит размером до 0,8 м. Судя по фотоснимку площадки В, боковые стороны нижней ступени обработаны слабо; отсюда можно полагать, что нижняя ступень была впущена в землю. Верхние ступени сооружений А и В имеют сплошное мощение всей площади прямоугольника (отсутствуют лишь отдельные камни), нижние же ступени представляют обрамление в один ряд камней с земляным заполнением в центре; у сооружения С центральные плиты верхней ступени, по-видимому, не сохранились.

Прямоугольное ступенчатое сооружение на некрополе Березани (рисунок с фотографии).

Уже одно это исключает возможность той интерпретации, которая дается площадкам И. В. Фабрициус: «Некоторые кострища обведены невысокой стенкой четырехугольной... формы из отесанных плит известняка с двумя-тремя ступенями с наружной стороны»¹⁶⁶. Речь может идти именно лишь о площадках, а не о стенках.

Подобно круглым сооружениям, ступенчатые площадки не имеют никакого отношения к погребениям. Правда, во всех случаях при разборке площадок Г. Л. Скадовским были зафиксированы так называемые кострища, но захоронений чело-

¹⁶⁵ См. Г. Д. Белов. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. СА, XXIV, 1955, стр. 267—268, рис. 13.

¹⁶⁶ И. В. Фабрициус, указ. соч., стр. 58.

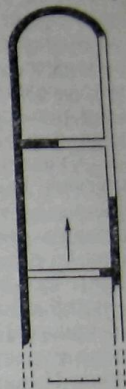
веческих сожжений здесь не отмечено, не упоминаются даже находки отдельных человеческих костей; из костей вообще упоминаются лишь «зубы и кости свиньи и бедро быка». Происхождение «кострищ» сравнительно позднее: с древнейшим периодом Березанского поселения их, во всяком случае, связывать нельзя: все они содержали чернолаковую и чернофигурную керамику, обломки амфорисков из финикийского стекла, датированных уже V в. до н. э. Во всех трех случаях «кострища» выходили за пределы ступенчатых площадок. Исходя из этих соображений, есть основания рассматривать «кострища» как обычный слой. Отсюда становятся понятными и дефекты площадок — прогибы отдельных участков кладки или, наоборот, вылучивания, являющиеся результатом строительства на плохо сnivelированном и неукрепленном грунте.

Не могут быть связаны каменные площадки и с грунтовыми погребениями. Грунтовая могильная яма обнаружена под юго-восточным углом площадки А; в ней костяка не оказалось (по видимому, был разрушен в результате более поздних земляных работ); в дне могилы выявлена ямка диаметром 25 см, заполненная углем и золой, между которыми обнаружено 2 черепа. Если это и есть искомое сожжение, то связать его с солидной каменной конструкцией трудно. Под северную ступень площадки едва попадают ноги скорченного костяка (№ 338). Еще яснее положение с площадкой В. Под юго-западный угол ее заходит верхняя половина костяка № 403, под северо-западный попадает лишь череп костяка № 454. Погребение № 404, череп костяка которого покоился на нижней ступеньке площадки, совершено уже в более позднее время, после разрушения площадки. Под площадкой С вообще не зафиксировано ни могильных ям, ни костяков.

Третий тип каменных сооружений — стены прямоугольных построек, как вариант — постройки апсидного характера. Из последних особенно интересна постройка, зафиксированная на полсе VIII. Восточная половина ее хорошо сохранилась. Ширина сооружения достигала почти 10 м, длина была по крайней мере в 2 раза больше ширины. Наблюдения Г. Л. Скадовского позволили ему высказать предположение о том, что апсидная постройка сооружена позже каменных площадок. Уже одно это обстоятельство позволяет видеть в ней сооружение более позднего времени, чем время существования здесь некрополя. Сам Г. Л. Скадовский, отмечая, что стена постройки не лежит в горизонтальной плоскости (колебания уровней основания в пределах выявленного участка постройки достигают 1 м), объясняет это сооружением стены на несnivelированной поверхности холма, образовавшегося в более раннее время в результате, как он полагает, совершенных здесь ранее многочисленных погребений (заметим, кстати, что Скадовский нигде определенным образом

не увязывает открытые им каменные конструкции с погребениями). Совершенно очевидно, что при сооружении монументальной постройки площадью около 200 кв. м на территории, ранее занятой некрополем, в пределы этой постройки могло попасть значительное количество погребений. И, действительно, в пределах площадки, ограниченной стеною, можно насчитать полтора десятка грунтовых могил и много амфорных детских захоронений. Однако расположение этих могил беспорядочное, могилы часто врезаются одна в другую (т. е. одновременны); среди погребений нет ни одного, сколько-нибудь выдающегося по конструкции или по инвентарю, хотя очень солидное «ограждение» должно бы предполагать и не менее солидное содержание ограждаемого. Наконец, в 1963—1964 гг. далеко за пределами некрополя на Основном раскопе было открыто аналогичное апсидное сооружение, безусловно, не имеющее никакого отношения к погребальному обряду. Длина его 17,5 м (не окончательно, так как раскрытие памятника не завершено), ширина 5,5 м. Мы рассматриваем его как апсидный храм. Время его бытования V в. до н. э., следовательно, он синхронен апсиде, открытой Г. Л. Скадовским.

Апсидные постройки известны и в других районах Северного Причерноморья. Такое сооружение, отличающееся от березанского лишь своими очень незначительными размерами, открыто на некрополе в районе поселка им. Войкова. С. И. Капошина считает, что оно носило культовый характер, и, вероятно, было связано с культом умерших. Изложенная в такой общей форме, мысль С. И. Капошиной представляется весьма убедительной¹⁶⁷. Не вполне удачна только попытка увязать сооружение с гробницами; обе гробницы находятся за пределами сооружения; более того, как кажется, дромосом гробницы № 41 разрушена близко подходившая к нему стена сооружения, что скорее всего говорит о более раннем, чем гробницы, времени бытования постройки. К этому же типу сооружений, возможно, принадлежат строительные остатки, открытые на втором загородном участке Евпатории. М. А. Наливкина объясняет их как остатки круглой башни типа башен гераклейских укрепленных усадеб¹⁶⁸. Открыта лишь часть стены, составляющая половину окружности. Судя по направлению крайних сохранившихся на

Апсидное сооружение на поселении Березани. Раскопки 1964 г.

¹⁶⁷ См. С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова. МИА, № 69, стр. 114 и след.
¹⁶⁸ См. М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. В сб. История и археология древнего Крыма. К., 1957, стр. 266.

правом крыле камней, стена из полукруглой переходит в прямую. Здесь же меняется и характер кладки: полукруг выложен из камней, по форме приближающихся к кубу, переходная часть из большой плоской плиты, поставленной на ребро с внешней стороны сооружения, и из мелкого бутового камня, уложенного плашмя по внутренней стороне стены. Кстати, и находящееся в центре апсиды прямоугольное сооружение — о нем мы, к сожалению, можем судить лишь по фотографии — нашло бы в таком случае реалистическое объяснение как основание алтаря или базы для статуи.

Сказанное выше относительно апсидного сооружения березанского некрополя распространяется и на другие стены, сохранившиеся от прямоугольных построек. Ко всему этому следует добавить многочисленные сообщения Г. Л. Скадовского о каменных развалах и мощеных площадках («каменных настилках»). Все эти густо усеивающие территорию некрополя строительные остатки не вяжутся с нашими представлениями о мегалитах. Некрополь, открытый Г. Л. Скадовским, может быть понят только в связи с прилегающей к нему территорией поселения. И коль скоро мы откажемся от изолированного рассматривания этого участка, некоторая односторонность применяемого конкретно к нему термина «некрополь» выступил достаточно отчетливо; некрополем он был лишь на определенном этапе развития поселения.

Принято считать, что Г. Л. Скадовским открыто более 800 погребений. Если подходить более строго к сообщениям раскопщика относительно многочисленных «кострищ», «сожжений», число погребений значительно сократится. В остающееся число погребений войдут и многочисленные детские амфорные захоронения. Все это открыто на площади более 1900 кв. м. Последующие раскопки Э. Р. Штерна на западной стороне острова, объектом которых были большие и малые «курганы» и впадины, очень часто давали ту же картину, что и площадь, раскопанная Г. Л. Скадовским; эта картина повторялась даже в деталях, в сочетании хозяйственных ям (часто отмечается, что они дают наиболее ранний материал), грунтовых погребений и строительных остатков. Количество погребений на этих сравнительно небольших участках иногда исчислялось десятками. В «кургане», например, раскопанном в 1905 г. (местоположение его не вполне определено), было открыто более 60 погребений.

Картина территориального развития Березанского поселения очень сложна и может быть дана пока лишь в самых общих чертах. На протяжении всей истории поселения «город живых» и «город мертвых» не противостоят статично один другому, граница между ними подвижна. Раннее поселение, по-видимому, располагалось в основном на северной стороне современного острова, захватывало территорию открытого Г. Л. Скадовским

некрополя и вряд ли заходило далеко на юг. Некрополь этого древнейшего периода нам неизвестен; возможно, он уже находится на дне моря — западный берег острова разрушается с наибольшей интенсивностью. Во второй половине VI в. до н. э. некрополь локализуется уже в том районе, где он был зафиксирован Г. Л. Скадовским, распространяясь и далее к востоку; восточная граница его в настоящее время не может еще быть определена. Произошло это, по всей вероятности, не за счет сокращения площади поселения, а в результате нового территориального размещения его; во всяком случае, налицо рост поселения в южном направлении. В V в. до н. э. наблюдается максимальное разрастание поселения в широтном и меридиональном направлениях, в результате чего площадь бывшего некрополя вновь занята поселением; некрополь этого времени также неизвестен; лишь отдельные детские амфорные захоронения открыты в пределах поселения. Наконец, по-видимому, еще в конце V в. до н. э. начинается упадок жизни поселения, завершившийся где-то в пределах III в. до н. э. Площадь поселения постепенно сокращается и «город мертвых» вновь надвигается на «город живых»; значительное количество еще античных погребений, врезающихся в строительные остатки или залегающих над ними, не оставляет в этом никакого сомнения.

Вместе с тем своеобразный характер строительных остатков на территории некрополя второй половины VI в. очевиден. Дело здесь не столько в самих типах каменных сооружений — и круглые, и апсидные, и, по всей вероятности, подковообразные сооружения неоднократно встречались в различных пунктах поселения; исключение составляют лишь ступенчатые площадки, не встреченные более нигде, — сколько в сочетании определенных типов сооружений на сравнительно небольшой площади. Нежилой характер построек лучше всего виден на ступенчатых площадках. Несомненно, что до нас дошли только нижние части этих сооружений, о чем говорит незавершенный характер верхних ступеней. Мы имеем ступенчатые стилобаты, венчающие части которых неизвестны, но могут быть предположительно восстановлены как каменные прямоугольные алтари; другого, более утилитарного назначения таких сооружений мы не знаем. Возможно, алтарями, жертвенниками являлись некоторые из круглых и подковообразных сооружений. Культурный характер несут и апсидные постройки; архаическая Греция знает примеры апсидных храмовых построек. Не был ли раскопанный Г. Л. Скадовским участок специальным культовым районом, обособившимся от жилой части поселения? На наш взгляд, предположение о теменосе Березанского поселения не лишено оснований.

Совокупность всех изложенных выше соображений относительно поселения на о. Березани вынуждает нас не только

В поставить под сомнение его эмпириальный характер, но и отвергнуть положение о преимущественно торговом значении Березани, как ничем не доказуемое и базирующееся исключительно на теоретических установках сторонников теории «торговой колонизации». Березанское поселение — это обычное рядовое поселение производящего, аграрно-ремесленного профиля, в принципе ничем не отличающееся от других рядовых греческих поселений Северного Причерноморья, — к такому выводу приводит более или менее детальное ознакомление с археологическими материалами. К числу этих материалов мы склонны отнести прежде всего культурный слой, взятый сам по себе, без залегающих в нем строительных остатков. Будучи материальным продуктом жизнедеятельности человеческого коллектива, культурный слой — такой же важный источник для археолога, как для врача являются продукты жизнедеятельности человеческого индивидуума. Ранний слой Березани характеризуется большим количеством золы, углей, керамических, железных и медных шлаков и изделий, специфическим интенсивно темным цветом земли. Если одни из этих компонентов могут быть в большей или меньшей степени присущи любому поселению (зола, керамические изделия, угли), то другие могут принадлежать лишь поселениям определенного экономического профиля (шлаки, железные орудия, литейные формы и т. д.). Слой Березани — это слой поселения трудового. Могут возразить, что перечисленные признаки характерны не только для Березани, но и для раннего слоя других греческих центров Причерноморья. И это правильно.

Отсюда следует лишь, что колонизация Березани не шла какими-то особыми «торговыми», «эмпириальными» путями, а являлась частью единого процесса выселения беднейших, в первую очередь трудовых, слоев населения за пределы Греции. «Вопль голодного брюха оснащал корабли и направлял их в море»¹⁶⁹, а голодное брюхо ставит перед собой очень конкретные и очень прозаические задачи.

Сельскохозяйственная жизнь Березанского поселения представлена обильным и многогранным комплексом материальных остатков. Сюда должны быть отнесены прежде всего ямы — зернохранилища, раскрываемые в большом количестве в каждый раскопанный сезон. Конечно, не все из открытых здесь ям могут быть названы зерновыми; функциональное назначение некоторых из них остается неясным (таковы, например, «плоские» ямы, с большим диаметром и вертикальными стенками). Однако, нельзя согласиться и с той интерпретацией грушевидных, точнее бутылкообразных, ям Березани, которая была дана

Э. Р. Штерном и справедливо подвергнута критике С. И. Капошиной¹⁷⁰. Правда, вскоре после начала своих раскопок Э. Р. Штерн вынужден был постепенно начать отказываться от однообразной оценки открываемых им ям как похоронных и в ряду с последними признал существование ям — кладовых для хранения припасов и сорных ям, но при этом он впал в новую совершенно очевидную ошибку: под «сорными» у него стали фигурировать ямы с хорошо вырезанными и тщательно вымазанными глиной стенками¹⁷¹.

Основную массу березанских ям все же составляют ямы-зернохранилища. И в этом своем функциональном значении они ничем не отличаются от множества ям, встречаемых и в других греческих поселениях. Использование ям в качестве зернохранилищ хорошо засвидетельствовано античными авторами. Плиний рекомендует «сохранять хлеб в ямах, которые зовутся сирами, как в Каппадокии, Фракии, Испании и Африке, причем прежде всего следует заботиться о том, чтобы они выстилались мякиной, далее хлеб ссыпается туда в колосе»¹⁷². С другой стороны, судя по словам Колумеллы, обычай хранения зерна в ямах более характерен для периферии античного мира; достоинства этого способа хранения оцениваются весьма трезво: «при отсутствии всякого амбара можешь хранить зерно в земле, как это делается в некоторых провинциях за морем»¹⁷³. Мысль ясна: ямы — хорошо, но амбар все же лучше. Этот оттенок, выраженный в словах Колумеллы, следует учитывать. Купцу более пристало иметь амбар, чем яму.

Правомочность оперирования зерновыми ямами как показателем сельскохозяйственной жизни, вполне признаваемая применительно к другим античным и неантичным поселениям, встречает возражение в применении его к Березанскому поселению. Настаивают, например, на том, чтобы рассматривать березанские ямы как «складочные места перепродаваемого хлеба», связывают окончательное решение вопроса о характере ям с данными статистического учета их общего количества и емкости. Для таких высказываний, конечно, есть основания: некоторые виды археологических памятников сами по себе весьма двусмысленны и требуют комплексного рассмотрения. Действительно, с точностью можно утверждать лишь, что ямы предназначались для хранения зерна; ответа на вопрос, чье зерно здесь хранилось — свое или приобретенное за пределами поселения, и с какой целью хранилось — для личного потребления или для продажи, — ямы не дают и не могут дать.

¹⁷⁰ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации... стр. 215—216.

¹⁷¹ См. напр., ОАК за 1907 г., стр. 74—75.

¹⁷² Plin. NH, XVIII, 306.

¹⁷³ Columella, De re rustica, I, 6, 15.

¹⁶⁹ Андрэ Бондар. Греческая цивилизация, т. I М., 1958, стр. 36.

Данные статистики могли бы содействовать определению целевого назначения хранившегося зерна, но и они, при недостаточной изученности Березанского поселения, не могут быть признаны вполне надежными.

Следует полагать, что общее количество зерновых ям в лубом античном поселении, занимающемся производством хлеба, должно быть весьма значительным. Ограничимся очень приблизительными подсчетами. За действительные размеры Березанского поселения примем современные размеры его сохранившейся части, что составит очень ориентировочно около 10 га, средней плотность населения равной 1000 чел. на 1 га, т. е. 1 чел. на 100 кв. м (цифра минимальная). Общее количество населения составит в таком случае 100 чел. Период существования поселения возьмем в 300 лет (с конца VII по конец IV в. до н. э.); поскольку в последнюю сотню лет количество населения сильно сократилось, среднее количество населения за весь период существования поселения может быть снижено до 500 чел. При норме потребления хлеба (всевозможных его видов) 10 пудов на человека в год семья из пяти человек должна иметь одну зерновую яму, в которой бы хранился хлеб для потребления. Еще одну яму следует выделить для семенного фонда, для кормления скота и птицы, для товарообмена, поскольку даже земледелец существовал не хлебом единым, а пользовался и керамикой и приобретенными орудиями производства, и маслом, и вином. Средний срок функционирования одной ямы допустим равным 10 годам. Итак, поселение, имеющее 500 человек жителей, должно было иметь в каждый данный момент не менее 200 зерновых ям, что за один век дает 2000 ям, а за три века — 6000. При общей площади поселения 100 тыс. кв. м на каждые 100 кв. м приходится 6 ям, т. е. 16,6 кв. м на одну яму. Мы не ошибемся, если заметим, что среднее количество зерновых ям на Березани соответствует этим нормам: в 1960—1964 гг. на основном раскопе вскрыта, например, площадь около 900 кв. м, количество обнаруженных здесь ям, которые могут быть определены как зерновые, не составляет и 60.

Не вполне доверяя статистическим расчетам, мы хотели бы обратить внимание наших оппонентов на другое, на наш взгляд, более важное обстоятельство, а именно на вопрос целесообразности длительного хранения товарного зерна. При тех средствах мореплавания, которыми располагали древние греки, навигационный сезон вряд ли был особенно продолжительным и скорее всего ограничивался шестью-семью месяцами в год. Поскольку на значительное время связь с метрополией прекращалась, целесообразней было основную массу товарного хлеба вывозить в метрополию сразу же после сбора урожая. Потребность метрополии в хлебе более всего должна была сказываться именно в период прекращения навигации. Сле-

довательно, использование ям в качестве хранилищ товарного хлеба не диктовалось требованиями целесообразности.

Указанными выше соображениями вопрос о том, где зерно сохранялось в березанских ямах, — произведенное ли самими жителями или приобретенное у «скифов», — не решается. Аграрный характер Березани может быть решен только совокупностью всех имеющихся источников. К числу таких источников должны быть отнесены и многочисленные находки каменных зернотерок. По нескольким экземплярам их обязательно находят ежегодно. Так, только в 1960 г. было обнаружено 4 больших фрагмента. Имеются случаи, когда зернотерки зафиксированы в помещениях *in situ*. В 1909 г. на раскопе В⁸ на полу открытого Э. Р. Штерном подвала найдены «4 жернова, сложенные вместе»¹⁷⁴. Нижний камень жернова обнаружен в полуземлянке на полу в 1961 г.

Среди предметов, имеющих отношение к сельскому хозяйству, встречаются также ступы, «каменные цилиндры для протирания припасов»¹⁷⁵. Если находимые здесь хлебные лепешки¹⁷⁶ и говорят только о том, что жители поселения не обходились без хлеба, а находка эолийской ойнохой, наполненной пшеном¹⁷⁷, — о том, что таковое также было им знакомо (а может быть являлось и продуктом их производства), то в общей сумме доказательств эти находки также должны быть учтены.

Находки сельскохозяйственных орудий вообще единичны в античных северопричерноморских поселениях, но и в этом отношении Березань не безнадежна. Вряд ли можно объяснить случайностью, что уже кратковременные работы 1960 г. дали одну такую находку — рабочую часть двусторонней мотыги, подобной изображенным в сцене сельскохозяйственных работ на известной чернофигурной вазе из Лувра (знаменательно, что спустя лишь несколько недель такая же мотыга несколько лучшей сохранности была обнаружена в районе ольвийской агоры). В собрании Одесского археологического музея хранится найденное на Березани железное орудие, по-видимому, сельскохозяйственного назначения; оно имеет искривленное лезвие, направленное под углом к втульчатой рукоятке. В 1964 г. обнаружено железное орудие, предположительно определяемое как коскреб.

При раскопках 1961 г. на Березани был обнаружен желез-

¹⁷⁴ ОАК за 1909 г., стр. 110; ЗООИД, т. XXVIII. Протоколы, стр. 89.

¹⁷⁵ Е. Г. Кагаров. Дневник раскопок на о. Березани в 1905 г. Курган К.

¹⁷⁶ См. ОАК за 1904 г., стр. 43.

¹⁷⁷ См. Э. Р. Штерн. Отчет о раскопках на о. Березани летом 1913 г., стр. 107. Находки проса в амфорах и просто в слое были неоднократно и во время раскопок 1960—1964 гг.

ный лемех плуга превосходной сохранности. Он относится к типу широколопастных лемехов с втулкой, образованной путем симметричных надрезов по бокам равнобедренной пластины и отгибания продольных невысоких (до 5 см) закраин. Общая длина лемеха составляет 34 см, длина рабочей части 27, наибольшая ширина ее 19, ширина втулки у основания 17 см. Рядом археологов были высказаны сомнения в принадлежности плуга античному времени. Сомнения эти не лишены оснований, поскольку в греческой материальной культуре раннего времени подобные лемехи нам неизвестны. Высказывались, в частности, предположения о принадлежности лемеха славянской культуре времен Киевской Руси; некоторые исследователи доводили датировку его вплоть до XVII в. Лемехи времен Киевской Руси, однако, как правило, имеют значительно меньшие размеры и несколько иную, чем березанский, форму (более «приземистые» пропорции, большие размеры втулок, тупой носок¹⁷⁸. По размерам железному лемеху с Березани равны лишь лемехи с Княжей горы, отличающиеся от нашего опять-таки более «неуклюжими» формами.

Из античных поселений Северного Причерноморья две находки железных лемехов дало поселение у д. Семеновки¹⁷⁹. Лемехи эти существенно отличаются от березанского малыми размерами рабочей части и тем, что вместо втулки имеют стержень с загнутым концом. Подобные лемехи распространены на памятниках римского времени. Наряду с ними еще для последних веков до н. э. и первых веков н. э. известны и лемехи с втулками¹⁸⁰, ничем не отличающиеся от позднейших славянских лемехов, что свидетельствует о большом консерватизме в развитии этих орудий.

После находки березанского лемеха значительно уверенней можно говорить о лемехе, обнаруженном в античном приольвийском поселении у хутора Петуховки. Фрагментарность находки позволила М. С. Сеницыну лишь предположительно назвать ее лемехом¹⁸¹. И по форме, и по размерам березанский лемех идентичен петуховскому. К сожалению, подлинность находки последнего у Петуховки окончательно не может быть установлена. Это оговаривает и автор раскопок: «Гибель документации 1940 г. не позволяет детально описать условия, при которых найден этот предмет. Однако сохранившийся полевой

и музейный шифры оставляют уверенность, что лемех (?) действительно происходит из раскопок древней Петуховки». Березанская и петуховская находки, взаимно дополняя и подкрепляя друг друга, дают возможность говорить о принадлежности обоих лемехов античному времени.

Петуховский лемех относится, однако, уже к первым векам нашей эры. Возможность такой же датировки березанского лемеха не исключена. Вместе с тем, учитывая консервативность в развитии древнего плуга, можно предположить, что березанский плуг соответствует времени существования здесь раннего античного поселения. Если тип плуга сохраняется во всех своих существенных чертах на протяжении более чем 1500 лет, то нельзя безоговорочно утверждать, что такой-то тип плуга возник именно в I в. н. э., а не несколькими веками раньше.

Условия находки березанского лемеха не противоречат сказанному. Лемех обнаружен на глубине около 0,60 м, уже не в дерновом, а в переходном слое, которому соответствуют невзрачные строительные остатки, на границе с плотным светлоглинистым слоем из засыпки дома V в. до н. э. В слое обнаружено 13 обломков керамики римского времени и 1 обломок славянского горшка; эти поздние обломки керамики обнаружены преимущественно в северной части квадрата, где их присутствие объясняется наличием позднейшего погребения, нарушившего обычное взаиморасположение культурных остатков. Как бы то ни было, даже при условии датировки березанского лемеха первыми веками н. э., он может служить косвенным свидетельством аграрного профиля поселения; если даже в римское время здесь было возможно земледелие, то тем более возможно оно было в более раннее время.

К числу косвенных доказательств аграрного профиля поселения должны быть отнесены многочисленные следы земледельческого культа. Широкое распространение у жителей Березани имел культ «великой богини» и хтонических божеств кабиров, о чем свидетельствуют находки гротескных терракотовых фигурок из некрополя и поселения, в которых женское плодоящее начало и плодородные силы рождающей земли олицетворены в чрезмерно тучных формах женского тела, статуэток старого кабира-отца и его мальчика-сына и т. д.¹⁸² Культ Артемиды Бравронской, истоки которого также лежат в поклонении плодоящим силам природы, находит выражение в статуэтке «Медведицы»¹⁸³. Об этом же говорят и многочислен-

¹⁷⁸ См. В. И. Довженок. Землеробство древней Руси. К., 1961.

¹⁷⁹ См. И. Т. Кругликова. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э. СА, № 3, 1959, стр. 137 и след.

¹⁸⁰ См., напр. V. Ganarache. Unelte agricole pe teritorul Republicii Populare Române in epoca veche, Studii si cercetari istorice veche, 1950, т. II, стр. 83, и след., рис. 13, 14, 15; Pravěk Československa. Praha, 1960, стр. 326, рис. 124 и др.

¹⁸¹ См. М. С. Сеницын. Городище у хутора Петуховки Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. ВДИ, № 2, 1952, стр. 247.

¹⁸² См. А. А. Передольская. Следы культа кабиров на Березани. Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. XIX, 1960, стр. 23—27.

¹⁸³ См. М. М. Кобылина. Статуэтка «Медведицы» с о. Березани. ВДИ, № 3, 1948, стр. 163—166.

ные посвящения Артемиде: эпитет ΕΓΠΛΟΙΑ, который ей приписывает М. Ф. Болтенко, не может быть точно установлен. Наконец, отражением земледельческих культов, является обряд скорченных захоронений в некрополе Березани¹⁸⁴; здесь же можно проследить и отражение хтонических культов, например в обряде помещения с покойным яйцевидных камней.

О занятиях скотоводством свидетельствует многочисленный остеологический материал, среди которого кости крупного рогатого скота (быка), используемого, в частности, и для обработки земли, занимают весьма значительное место. Благоприятные условия существовали для разведения птицы. Находки скорлупы утиных яиц зафиксированы в некрополе¹⁸⁵, два утиных яйца обнаружены в одной из ям при раскопках 1904 г.¹⁸⁶, до десятка — на Основном раскопе в 1964 г.

Одним из основных препятствий для признания аграрного профиля поселения является современное островное положение Березани. В настоящее время гипотеза о ее полуостровном положении в древности вспоминается обычно как досадное недоразумение. Лишь Д. И. Нудельман продолжает еще придерживаться точки зрения, высказанной С. Д. Пападимитриу¹⁸⁷. Однако эволюция взглядов исследователей, отнюдь не базирующаяся на привлечении каких-либо дополнительных после работы С. Д. Пападимитриу геологических, археологических или литературных источников, совершенно непонятна. М. Ф. Болтенко, если судить по его ранним работам¹⁸⁸, еще в 1929 г. не сомневался, что во времена колонизации Березань была полуостровом, в 1930 г. он считал, что вопрос этот принципиального значения не имеет, поскольку Березань была рыбацко-торговой факторией¹⁸⁹, а в 1946 г. уже иронизировал по поводу гипотезы о катастрофе, превратившей полуостров в миниатюрный островок¹⁹⁰. В последней своей работе М. Ф. Болтенко привлекает для доказательства островного положения Березани во времена колонизации и данные геологии, бесспорно правильные, но на наш взгляд, не имеющие отношения к делу¹⁹¹. Сильной стороной гипотезы С. Д. Пападимитриу по-

прежнему остается трезвый подход к оценке условий существования поселения.

«Как бы малочисленно не было поселение на острове, — пишет С. Д. Пападимитриу, — не могло бы оно на таком маленьком пространстве иметь все, что ему нужно было, возможность же привоза всего этого нам кажется недопустимой. Где могли пастись домашние животные, где были расположены сады и поля жителей? Неужели все это было на берегу материка, и жители отправлялись к работам своим на лодках? Ведь сколько ни представляло из себя селение коммерческий центр, все же жители не могли жить только привозными овощами и другими необходимыми продуктами. Зачем было в таком случае строить город на таком маленьком пространстве?»¹⁹². Добавим, что С. Д. Пападимитриу не учел еще одного важнейшего обстоятельства: современный остров не имеет питьевой воды.

Доказательства С. Д. Пападимитриу не сводятся к одним логическим выводам. Он отмечает, например, что глубина пролива между материком и островом равняется в основном 1 м и лишь в некоторых местах (посредине пролива) она около 2 м. Это позволяло еще во времена Пападимитриу перегонять по воде скот на остров из ближайших материковых сел. Далее, Пападимитриу отмечает, что первое упоминание о двух островах на Черном море появляется лишь у Страбона, и Страбон «говорит о существовании гавани на острове, а между тем, при таком виде, который в настоящее время представляет остров, никто не скажет, что на Березани есть гавань».

Посмотрим, однако, настолько ли уж фантастична гипотеза С. Д. Пападимитриу, чтобы ее отбросить как недоразумение.

Современная геология с неоспоримостью доказывает, что в настоящее время Северное Причерноморье подвержено процессу, который характеризуется наступлением моря на сушу. Объясняется это или подъемом уровня воды в Черном море (трансгрессия моря), или вертикальными движениями суши (эпейрогенез). Поскольку для различных частей Причерноморья процесс протекает неравномерно, реальнее представить последнее. В работе Д. Я. Беренбейма подведены некоторые итоги исследований геологов и археологов применительно к району древнего Боспорского царства¹⁹³. В ней, в частности, говорится, что уровень Черного моря повысился за последние 2000 лет приблизительно на 3 м и средний подъем уровня за столетие составляет 0,14 м. Данные за последнее столетие дают еще более высокую норму повышения уровня моря — до 0,30 м

¹⁸⁴ См. ниже.
¹⁸⁵ См. «Дневник Г. Л. Скадовского».
¹⁸⁶ См. ОАК за 1904 г., стр. 49.
¹⁸⁷ См. Д. И. Нудельман, указ. соч., стр. 40 и след.
¹⁸⁸ См. М. Ф. Болтенко. Остров Березань в свете последних археологических раскопок. Архив ОАМ, 59206, ИА 206; его же. Березань (статья). Архив ОАМ, 59212, ИА 212.
¹⁸⁹ См. М. Ф. Болтенко. До питания про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Бористеном, стр. 36.
¹⁹⁰ См. М. Ф. Болтенко. Розкопки на острові Березані в 1946 р., стр. 31.
¹⁹¹ См. М. Ф. Болтенко. Исторические судьбы острова Березани, стр. 38—39.

¹⁹² С. Д. Пападимитриу. Древние сведения об острове Березани. ЗООИД, т. XXVIII, 1910. Протоколы, стр. 98 и след.
¹⁹³ См. Д. Я. Беренбейм. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря. СА, № 4, 1959, стр. 42—52.

за столетие. Эта же цифра приводится и в последнем крупном исследовании В. П. Зенковича относительно района Херсонеса, но с существенным отличием: современные темпы повышения уровня моря В. П. Зенкович считает возможным распространить и на древние времена. Отсюда он делает вывод о понижении суши в районе Херсонеса за последние 2000 лет на 6 м¹⁹⁴.

Особенно интересны выводы В. П. Зенковича, касающиеся северо-западного района Причерноморья. Согласно наблюдениям по одесскому футштоку, отмечает В. П. Зенкович, уровень Черного моря здесь повышается со скоростью 50 см в столетие. Есть основания «считать трансгрессию, наступившую после максимального спада уровня новоэвксинского времени, единой и продолжающейся до настоящего времени.

Темп повышения уровня вначале был несравненно более быстрым, чем сейчас... В настоящий период наблюдается относительная стабилизация условий или существенное ослабление многих процессов (в частности, выбрасывания к берегу наносов). Абразия берегов продолжается в явно замедленном темпе»¹⁹⁵.

Ценны замечания В. П. Зенковича об острове Березани. «Известно, что в античное время на острове располагалось греческое поселение... Однако трудно представить, что оно могло существовать на таком крошечном участке суши, да еще лишённом пресной воды. По-видимому, естественные условия за последние столетия существенно изменились»¹⁹⁶. Как видим, в данном пункте точки зрения специалиста-геолога (В. П. Зенковича) и историка (С. Д. Пападимитриу) совпадают.

Сопоставляя карту Пустошкина (1775 г.) и карту из атласа Будищева (1807 г.) с современным состоянием Березани, В. П. Зенкович приходит к выводу, что за последние 185 лет берега острова абрадируются (размываются) со скоростью 0,3—0,5 м в год¹⁹⁷. Приблизительно к таким же выводам пришли и археологи. Э. Р. Штерн в 1906 г. отмечал, что за последнее столетие остров уменьшился приблизительно на 25 м¹⁹⁸. М. Ф. Болтенко, сравнивая в 1928 г. планы раскопок участков А¹ и В⁸ с планами 1904—1913 гг., констатировал сокращение северного берега острова за 14—18 лет на 3 м¹⁹⁹. Наблюдения трех указанных авторов касаются изменения размеров острова по вертикали север—юг. Между тем наиболь-

¹⁹⁴ См. В. П. Зенкович. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. II, М., 1960, стр. 189.

¹⁹⁵ Там же, стр. 86.

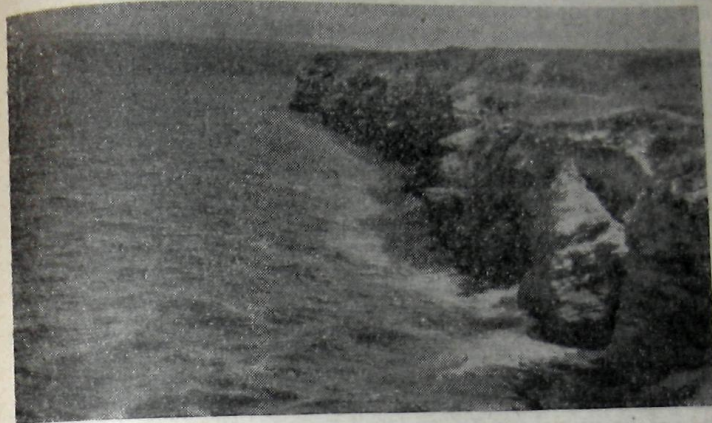
¹⁹⁶ Там же, стр. 70.

¹⁹⁷ Там же, стр. 71.

¹⁹⁸ См. ОАК за 1906 г., стр. 53.

¹⁹⁹ См. М. Ф. Болтенко. Березань, стр. 4.

шей абразии подвергается западный берег острова, а наименьшей — северный, т. е. тот, которого касаются наблюдения Э. Р. Штерна и М. Ф. Болтенко. Если даже принять для запад-

Абразийный берег Березани.

ной, восточной и южной сторон острова скорость разрушения береговой полосы равной 0,5 м в год, а для северной — 0,25 м, размеры острова для конца I тысячелетия до н. э. составят по крайней мере 2,5×2,5 км.

Положение в районе Березани для времен колонизации представляется В. П. Зенковичу следующим образом. При формировании дуги берега Очаков — мыс Аджияск остров, имевший крупные размеры, защищал от действия волн значительный участок коренного берега. «Наносы, мигрировавшие по этой дуге, накапливались в поле блокировки берега островом и образовали широкую перемыку (возможно, надводную), соединившую остров с материком». По мере дальнейшего размыва острова и уменьшения его размеров он все меньше защищал перемыку от волн моря и наносы стали уходить от нее в стороны. Затем перемыка была прорвана, и сейчас от нее осталась лишь узкая подводная перемычка»²⁰⁰.

Замечание В. П. Зенковича о возможности существования надводной перемыки, соединявшей остров с материком, могло бы вполне удовлетворить нас, поскольку таким образом вопрос о собственной экономической базе поселения решается в положительном смысле. И все-таки реконструкция В. П. Зенковича.

²⁰⁰ В. П. Зенкович, указ. соч., стр. 71.

как нам кажется, представляет некий компромисс мнения геолога с утверждениями наших археологов о Березани-острове. Поэтому если участок береговой полосы от Очакова до Бейкушской косы у В. П. Зенковича дан в бурной динамике развития, что полностью соответствует действительному положению в этом районе, то участок от Викторовской косы (и от Березани) до Аджияского мыса, наоборот, дается в относительной статике. Правда, уменьшается в размерах остров, размывается перейма, формируется бухта Западный рейд. Но остров уже существует как нечто раз данное и при том векторе сил, которые действуют на этот прибрежный участок, не может не существовать; более того, удивляет, что абрадируется и его северный берег, хотя последнее возможно лишь при отсутствии переймы. Условия трансгрессии моря совсем не учитываются, хотя согласно В. П. Зенковичу, она должна быть очень значительна: повышение уровня моря за 2000 лет не менее чем на 10 м.

Вопрос об островном положении Березани В. П. Зенковичем решается упрощенно: он ссылается на работу Н. А. Соколова²⁰¹, где констатируется, что остров отделен от материка зоной тектонического прогиба. Однако именно в этом вопросе Зенкович отходит от концепции Соколова, изложенной довольно подробно и сохраняющей в своих основных частях значение до наших дней. У Н. А. Соколова встречаем нечто прямо противоположное: «По своему геологическому строению и топографическому устройству поверхности о. Березань составляет одно целое с материком (именно ближайшей частью его — мысом Аджияск), являясь как бы небольшим участком Новороссийских степей, отделенных от общей площади этих последних морем»²⁰². Строго говоря, ближайшей частью материка для Березани является Викторовский мыс (расстояние до него приблизительно в 2 раза ближе, чем до Аджияского мыса), и все-таки Н. А. Соколов абсолютно прав, связывая Березань именно с Аджияским мысом: в районе Викторовского мыса известняки уже уходят под воду и единство скалистой Березани с материком выступает не столь очевидно. Н. А. Соколов говорит и о зоне тектонического прогиба (дислокация известняков, возможность сдвигов и сбросов), но размещает ее иначе, чем это можно понять из рабты В. П. Зенковича: участок Березань — мыс Аджияск представляет собой юго-западное крыло синклинальной складки (прогиба), полого падающее в северо-восточном направлении; ось этой синклинальной складки проходит через Очаков

²⁰¹ См. Н. А. Соколов. Заметка об острове Березани и дислокациях понтических отложений в области Сиваша и Перекопского залива. Известия Геологического комитета, т. XIV, № 1, 1895, стр. 241—258.

²⁰² Н. А. Соколов, указ. соч., стр. 246.

или, что более вероятно, несколько севернее его²⁰³. Следовательно, если и можно говорить о том, что зона тектонического прогиба отделяет остров от материка, то под материком нужно понимать район Очакова, а не участок Викторовка — Аджияск.

Очень большой интерес представляет гипотеза Н. А. Соколова относительно обособления острова от материка. Соколов отрицательно рассматривает предположение о том, что остров мог образоваться путем абразии берега; т. к. это противоречит нормам действия волн на высокие нейтральные берега, размываемые более или менее равномерно.

Как полагает Н. А. Соколов, при значительно более низком, чем сейчас, положении уровня понтического бассейна в послепонтийский период северный берег этого бассейна был южнее современного берега Черного моря и р. Березань, затопленную долину которой представляет сейчас Березанский лиман, впадала в этот бассейн где-то южнее о. Березани. Балка Тузла (ныне солонец) соединялась с долиной Березани приблизительно около современного острова. Впоследствии, при образовании Черного моря с более высоким уровнем, долины Березани и Тузлы в месте их слияния были затоплены и отделили о. Березань от материка²⁰⁴.

Отдавая предпочтение гипотезе Н. А. Соколова, осмелимся ввести в нее несколько корректив. Учитывая факт непрерывной и продолжающейся до наших дней трансгрессии моря, можно думать, что отделение Березани от материка произошло значительно позднее, чем полагал Н. А. Соколов. При той норме повышения уровня моря, которая дается В. П. Зенковичем (50 см в столетие), Березань должна была не только 2500, но и 2000 лет тому быть еще частью материка, поскольку глубины между островом и ближайшей частью материка сейчас совершенно незначительны и, во всяком случае, не составляют 10 м. Но предположение о Березани как части материка для рубежа нашей эры не вяжется с сообщениями античных авторов, определенно указывающих на существование в этом районе острова.

Можно допустить наличие между материком и островом подводной перемычки аккумулятивного (намывного, наносного) происхождения, на что указывает В. П. Зенкович, но это предположение нуждается в серьезной проверке. Небольшие, к сожалению, не доведенные до конца работы водолазов-любителей из Кунцевского морского клуба (1961 г.) показали, что значение аккумулятивного процесса нельзя преувеличивать. Был избран участок, на котором процессы аккумуляции имеют наибольшую интенсивность, а именно в направлении от северо-вос-

²⁰³ Н. А. Соколов, указ. соч., стр. 248—249.

²⁰⁴ Там же, стр. 246—247.

точного аккумулятивного выступа Березани к Викторовскому мысу. Произведено 13 замеров глубин последовательно до поверхности наноса и до известняковой породы через каждые 50 м на общее расстояние 600 м.

Максимальная мощность аккумулятивного слоя в пределах исследованного участка (86 см) наблюдается на расстоянии 450 м, но дальше опять начинается его падение (до 56 см на расстоянии 600 м). Наибольшая глубина до скалы зафиксирована на расстоянии 500 м от берега (2,80 м). Правда, можно думать, что исследования еще не вышли за пределы абразионной террасы и дальше, по мере падения понтических слоев, наносный слой будет нарастать. Однако, судя по углу падения известняков, которое прослеживается на острове, это нарастание должно быть очень незначительным и прекратиться у границы абразионной террасы со стороны материка²⁰⁵. Если норма повышения уровня моря, даваемая В. П. Зенковичем, для настоящего времени верна, то следует предположить, что в древности эпейрогенический процесс протекал менее интенсивно или временами даже прекращался. Все изложенное позволяет рассматривать вопрос о наличии в VII—V вв. до н. э. коренной перемычки (а не переймы), связывающей нынешний остров с материком, как вполне реальный и не противоречащий данным геологии.

Вместе с тем при изучении процесса отделения острова от материка нельзя недооценивать и роль абразии в этом процессе. Она, конечно, была очень велика и по своему значению вряд ли уступала эпейрогенезу. Надо полагать, направление разрушающего действия моря в основном было таким же, как и в настоящее время, и наибольшему разрушению подвергалась юго-западная сторона треугольника, в углах которого ныне размещаются Березань, Аджияский и Викторовский мысы. Этот процесс начался, конечно, тысячелетиями раньше возникновения Березанского поселения и к моменту этого возникновения находился в завершающей фазе. По-видимому, узкая и высокая перемычка соединяла еще Березань с районом современной Рыбаковки (Аджиясска). Эта перемычка отделяла балку Тузлы от моря. Последующий даже самый незначительный прорыв перемычки при параллельном поступательном эпейрогеническом процессе должен привести к совершенно иному качеству. До того даже при условии, что уровень балки Тузлы достиг уровня моря, затопление ее могло еще и не произойти (например, аккумулятивные формы, образуемые р. Березанью, могли создать защитный барьер). Прорыв коренной перемычки Березань — Аджиясска превращал бывший полу-

²⁰⁵ Полной уверенности в правильности результатов зондажа нет. Как справедливо указано нам Г. Н. Аксентьевым, зонд мог встречать на своем пути каменные россыли.

остров в остров²⁰⁶. Одинокий кекур, который высится перед южной оконечностью Березани, в миниатюре отражает настоящую и будущую судьбу острова. Про него, конечно, не скажут, что он «поднят благодаря местным тектоническим дислокациям», как это говорят, к сожалению, относительно Березани²⁰⁷; он — неотъемлемая часть пожираемого морем тела Березани.

Впрочем, уточним: пока редактировалась эта книга, кекур, о котором мы говорим, перестал существовать; остатки его обрушились в море. Напомним, что еще на карте Пустошкина перед южной оконечностью острова показаны не один, а четыре кекура. Их постигла участь предшественников, от которых сохранилась выдвинутая далеко в море рифовая платформа. Море смакует свою жертву, оно режет ее на куски и медленно перемалывает зубами волн. Пройдет еще некоторое число столетий и остров превратится в два громадных кекура; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту²⁰⁸.

На этом можно было бы и закончить рассмотрение вопроса о полуостровном положении Березани в древности, если бы не другой возникающий в связи с этим вопрос о необходимости теснейших контактов геолога и археолога при изучении сравнительно недавнего прошлого. В масштабах геологических эпох геолог действует самостоятельно, но там, где речь идет лишь о тысячелетиях, возрастает корректирующая роль археологии. Это хорошо сознавал еще геолог Р. А. Прендель, который ставил окончательное решение вопроса о полуостровном положении Березани в связь с археологическими исследованиями: «...на основании геологического строения можно принять, что остров Березань был в новейшие геологические эпохи соединен с материком. Когда же произошло отделение его от Аджиясского берега, до поселения на нем человека или после, — на этот вопрос могли, быть может, дать ответ археологические исследования всего побережья моря между Березанским и Тилигульским лиманами»²⁰⁹.

²⁰⁶ К сходным выводам пришел в результате подробного изучения динамических процессов в районе острова Березани Г. Н. Аксентьев. Он считает возможным наметить 5 фаз в образовании острова: 1) Березань — часть материка; 2) формирование коренной перемычки; 3) почти островное положение; 4) окончательное сформирование томбола и его последующее разрушение; 5) современное положение. Пользуемся случаем поблагодарить Г. Н. Аксентьева за возможность подкрепить наши рассуждения мнением специалиста.

²⁰⁷ См. В. П. Зенкович, указ. соч., стр. 5.

²⁰⁸ В 1965 г. появилась краткая, но содержательная работа А. Н. Щеглова (Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. I. Остров Березань. ВДИ, № 2, М., 1965, стр. 107—110). Выводы А. Н. Щеглова, опирающегося в реконструкции древнего положения Березани на книгу В. П. Зенковича, лишь в деталях отличаются от наших.

²⁰⁹ Р. А. Прендель. Археологические исследования на острове Березань, стр. 219.

Что дают археологические исследования Березани для подтверждения и уточнения новейших геологических исследований? Прежде всего, они с неопровержимостью доказывают наличие значительного элейрогенического процесса. Как отмечено выше, в настоящее время остров не имеет пресной воды. Между тем в северо-восточной части его открыто большое количество колодцев. Сейчас вода в них от смешения с морской водой непригодна для питья. Сооружение множества колодцев для воды, которую в неограниченном количестве можно было бы получить на расстоянии сотни или нескольких сотен шагов, нецелесообразно. Кроме того, остается нерешенным один важный вопрос: откуда же жители получали питьевую воду? С противоположного берега? Это с грехом пополам удастся сделать для небольшой экспедиционной группы, но абсолютно нереально для большого поселения, насчитывающего сотни, а может быть, и тысячи жителей. Остается одно: колодцы снабжали жителей питьевой водой, поступающей, как полагает Г. Н. Аксентьев, из циркулировавшего в понтических слоях водного горизонта, но затем в процессе опускания суши их уровень достиг уровня моря и в них стала поступать морская вода. Аналогичный процесс зафиксирован нами в Ольвии, где открыты на самом берегу 6 колодцев, полностью или частично находящихся уже на уровне лиманных вод; процесс окончательного разрушения их затормозился лишь благодаря аккумуляции наносов²¹⁰.

Далее, археологические исследования Березани с большой уверенностью позволяют решить вопрос о времени отделения острова от материка. Зависимость гибели поселения от торговой конкуренции Ольвии не находит подтверждения в археологическом материале. Более выгодное в стратегическом отношении положение Березани, ключевые позиции при входе в Буго-Днепровский бассейн могли бы создавать такую опасность скорее для самой Ольвии, чем для Березани. Но если отпадает надуманный фактор торговой конкуренции, на первый план выдвигается фактор зависимости существования поселения от естественно-географических условий.

Отрыв острова от материка должен был оказать решающее влияние на судьбы поселения, экономика которого была рассчитана на континентальное положение. Таким переломным моментом в истории Березани является IV в. до н. э. Вряд ли разрыв между островом и материком в это время был очень значительным; связь с материком еще не представляла больших затруднений, и поселение пока продолжало существовать,

²¹⁰ См. В. В. Лапин. Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии. КСИИ, вып. 10, К., 1960. Шестой, не указанный в статье колодец открыт нами в 1961 г. Его топография и состояние аналогичны описанным.

хотя и находилось в состоянии агонии; если рыболовство когда-нибудь и доминировало в его хозяйстве, то именно в это время. Однобокая специализированная экономика предполагает наличие активных товарных отношений. Поэтому не случайно, что от III в. до н. э. на о. Березани обнаружено больше ольвийских монет, чем выразительных обломков керамики; не случайно и большее, чем в нижних слоях, количество примитивных каменных грузил в гумусном слое. К последним векам до н. э. процесс окончательного превращения Березани в остров можно считать завершенным. Остров безлюден. На рубеже нашей эры появляется первое сообщение об острове с гаванью перед устьем Борисфена²¹¹.

Таким образом, есть основания полагать, что во времена колонизации Березань была частью материка. По-видимому, не гипотезу Пападимитриу, а мнение, что одновременная жизнь большого человеческого коллектива возможна на клочке земли, оторванном от суши, лишённом питьевой воды, топливной, сырьевой и продовольственной базы, следует считать недоразумением. Этим решается и вопрос о возможности занятий жителей Березани земледелием.

Материальная культура Березанского поселения свидетельствует о высоком развитии и распространении различных ремесел. Металлообрабатывающее ремесло находит свое подтверждение в многочисленных находках металлических шлаков и литейных форм. Литейная форма, названная Э. Р. Штерном «камнем для формы гвоздей», найдена в 1904 г.²¹² Две литейные формы — одна для отливки подвесок, другая для отливки розеток — зафиксированы при раскопках 1907 г.²¹³ Часть подобных находок, по-видимому, не нашла отражения в печати, отбетах и полевой документации. Что подобные находки не являются для Березани редкостью, свидетельствуют три литейные формы, обнаруженные в 1960—1961 гг.

Поскольку в литейных формах отливались обычно мелкие вещи, главным образом украшения, они еще не могут служить надежным показателем роли металлообрабатывающего ремесла в экономике поселения. Гораздо важнее, что уже сейчас мы можем констатировать для Березани наличие железодельного производства. Раскопками 1960 г. открыт комплекс, связанный с производством и обработкой железа²¹⁴. Удалось выявить два круглых больших, но неглубоких бассейна, связанных между собой узким каналом. Цементированное плотным бело-

²¹¹ Strab., 306.

²¹² См. Э. Р. Штерн. Дневник раскопок на Березани за 1904 г. Раскоп Б³, л. 4.

²¹³ См. ОАК за 1907 г., стр. 73.

²¹⁴ См. В. В. Лапин. Раскопки поселения на острове Березань 1960 г. стр. 47—48.

ватого цвета глинистым составом дно одного бассейна в момент раскрытия было покрыто слоем железной ржавчины толщиной до 0,5 см. В слое, перекрывавшем эти сооружения, было обнаружено громадное количество железных шлаков, отдельные куски которых достигали 5 кг и более, крупных кусков древесного угля превосходного качества, несомненно специального назначения. В засыпке было найдено также много обломков железных предметов. Особо важны выявленные в процессе последующей сортировки этих материалов находки криц железа, целых и в кусках, не подвергшихся последующей обработке, с включениями углей и флюсов.

Керамический материал в засыпке весь укладывается по времени в последней четверти VII — первой половине VI в. до н. э. Этим же временем, т. е. древнейшим периодом в истории поселения, должен быть датирован и весь комплекс²¹⁵. Засыпка ямы, частично разрушившей один из бассейнов, содержала уже материал середины и второй половины VI в. О назначении бассейнов пока еще трудно судить, однако не исключена возможность, что здесь производилась первичная обработка сырья, например очистка железной руды от различных примесей и пород.

Изучение материалов раскопок позволяет констатировать многократность находок различных медных и железных инструментов, железных орудий труда, керамических профилированных поделок, служивших, возможно, для декоративных штукатурных работ, орудий из кости и рогов животных и т. д. Среди находок упоминаются большие и малые бронзовые иглы, костяная тамбурная игла²¹⁶, бронзовые «медцинские» инструменты²¹⁷, бронзовый молоток²¹⁸, костяные проколки, олений рог, полированный и заостренный в виде шила с дырочкой для ношения на поясе²¹⁹, какие-то «медные щипчики», напоминающие употребляемые теперь пастухами для очищения ран от червей у овец²²⁰ и др.

Гончарное производство Березанского поселения представлено находками керамических шлаков, обломками сероглиня-

²¹⁵ Н. И. Сокольский после нашего доклада на II античной конференции сделал вывод о сравнительно поздней датировке указанного комплекса (Н. И. Сокольский. Античный город. ВДИ, № 2, М., 1961, стр. 172). Для этого, по-видимому, нет никаких оснований.

²¹⁶ См. ОАК за 1907 г., стр. 69.

²¹⁷ См. Э. Р. Штерн. Дневник раскопок на Березани за 1904 г. Раскоп А¹, л. 8; раскоп С², л. 12; Дневник раскопок на Березани за 1909 г. Раскоп К⁴.

²¹⁸ См. Е. Г. Кагаров. Дневник раскопок на Березани за 1906 г. ОГИМ 59192, раскоп К², л. 10.

²¹⁹ См. Е. Г. Кагаров. Дневник раскопок на Березани за 1905 г. ОГИМ 59189, раскоп К.

²²⁰ См. «Дневник Г. Л. Скадовского», погреб. № 441.

ной керамики с признаками брака (деформации, обильные вздутия на стенках, образующиеся при обжиге от сгорания крупных древесных включений), находками полуфабрикатов (при раскопках 1960 г., например, был найден светлоглиняный кубшинчик, подобный ионийским, но совсем необожженный). Несомненно, на месте изготовлялась и лепная керамика, как воспроизводившая формы греческой кружалной посуды (светильники, миски, алабастры, так называемые культовые ритоны и др.), так и специфично «лепных» форм, аналогичная лепной керамике из других греческих северопричерноморских поселений. В письме В. И. Гошкевича Археологической комиссии от 22 августа 1912 г. сообщается, в частности, о том, что им получены сведения об открытии на острове во время военных-инженерных работ ряда гончарных печей²²¹. Возможно, остатки гончарной печи, сильно разрушенной, были открыты в 1961 г. на Основном раскопе. Сохранилась только слегка углубленная в землю ее часть. Она имела форму неправильного треугольника с закругленными углами, гладкие обожженные стенки и под, по прочности напоминающие более поздние цементирующие составы, известные хотя бы по винодельням. Вся сохранившаяся часть этой конструкции была обильно забита кусками печины, кусочками керамического шлака и угольками, необожженными, полубоженными или ошлакованными обломками глиняных изделий, среди которых некоторые предположительно были определены как ручки сосудов, днища амфор или конические грузила; здесь же почему-то было обнаружено и большое количество мелких кусочков меди.

Домашнее ткацкое ремесло жителей Березанского поселения в обилии представлено глиняными пряслицами и керамическими намотками. Совершенно очевидно, что поселение не существовало и без своих каменотесов, плотников, шорников, кожевников, костерезов и т. д. Хотя роль рыболовства в жизни Березанского поселения, по-видимому, преувеличена, однако отрицать этот вид промысла не приходится, ибо он подтверждается весьма частыми находками рыболовных крючков, гарпуна, глиняных и каменных грузил и костями рыбы, содержащимися в слое. При этом нужно иметь в виду, как это отмечалось выше, что удельный вес рыболовства в экономике поселения в различные периоды мог быть различным.

Суммируя изложенное, мы имеем основания утверждать, что экономическая физиономия Березанского поселения определялась производством, т. е. сельским хозяйством, ремеслами и промыслами. Это создавало поселению прочную экономическую базу, не зависящую от превратностей торговли. К Бере-

²²¹ Рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

занскому поселению так же, как к любому другому поселению нашего Причерноморья, мы можем отнести известную характеристику К. Маркса, как нельзя более рельефно выражающую самую суть античной цивилизации: «Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, работающее на непосредственное потребление; промышленность (manufactura) как домашнее побочное занятие женщин и девушек (прядение и ткачество) или как промышленность, обособившаяся только в отдельные самостоятельные отрасли производства (fabri, ремесленники и т. д.)»²²².

Отсюда никак не следует, что нами полностью отрицается роль торговли в жизни Березанского поселения. Речь идет лишь о правильном определении основ экономики, они же, по нашему мнению, лежат в сфере производства, а не торговли, тем более посреднической.

Поскольку торговая жизнь Березани, судя по известным нам материалам, не дает картины, отличной от торговой жизни других греческих поселений Северного Причерноморья, последняя же исследована более чем основательно, на ней мы подробно останавливаться не будем. Торговля эта была вызвана прежде всего экономическими потребностями самого поселения и могла развиваться по трем направлениям: связи с метрополиями Греции; связи с ближайшими греческими поселениями с момента их возникновения; связи с негреческим родоплеменным миром (если таковой в ближайшем окружении Березани будет когда-нибудь прослежен). Вкратце рассмотрим каждое из этих трех направлений.

1. Связи с метрополиями Греции прослеживаются наиболее отчетливо. Подавляющая масса керамических материалов, признаваемая всеми исследователями как греческая, ведет свое происхождение из метрополий. Основная закономерность в распространении греческой керамики установлена еще Э. Р. Штерном и в своей общей форме может быть признана правильной: ранний этап колонизации представлен родосско-ионийской (по мнению Э. Р. Штерна, милетской) керамикой, со второй половины VI в. до н. э. наблюдается все усиливающееся проникновение аттической керамики²²³. Березань в этом отношении не составляет исключения. Разница здесь чисто количественная и объясняется лучшей, чем на местах других греческих поселений, сохранностью архаического слоя на Березани: если в других греческих поселениях «родосский» период

²²² К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ВДИ, № 1, М., 1940, стр. 12.

²²³ См. Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации. ЗООИД, т. XXII, 1900, стр. 1 и след.

представлен лишь небольшим количеством керамических материалов, то на Березани количество родосской керамики исчисляется многими тысячами экземпляров (обломки и целые сосуды).

Подобно другим группам археологических источников, керамика не дает оснований для утверждения о двух волнах колонизации на Березани — родосской и милетской, тем более что керамика собственно Милета нам пока неизвестна. В этом отношении нам только остается присоединиться к компетентному мнению В. М. Скудной²²⁴. Вытекает ли отсюда, что вопреки общепринятому мнению северопричерноморская колонизация осуществлялась Родосом, а не Милетом? По-видимому, нет. Можно не сомневаться, что, если бы Херсонес возник еще в первой половине VI в. до н. э., мы судили бы о нем на основании родосской керамики, подобно тому как о Херсонесе V в. до н. э. судим на основании аттической чернолаковой керамики; никто еще, однако, воспользовавшись этой керамикой, не пытался утверждать, что Херсонес — афинская колония.

Керамика — очень ненадежный источник для решения вопроса о том, какой метрополии поселение обязано своим появлением на свет. Она не позволяет даже с достоверностью судить с какими греческими центрами имело торговые отношения то или иное северопричерноморское поселение. «Осуществлялась ли торговля Березани непосредственно с Родосом или через Милет — этот вопрос не решен», — пишет В. М. Скудная²²⁵. Добавим, что он вообще не может быть решен ни в отношении Родоса или Милета, ни в отношении других греческих центров, если не появятся более надежные археологические источники — эпиграфические, нумизматические и т. д. Из монет метрополии для раннего времени на Березани зафиксирована пока лишь одна самосская полудрахма²²⁶.

Наконец, вопрос о торговле может быть поставлен только в самой общей форме. Торговля — далеко не единственная форма распределения материальных богатств в греческом мире, — это положение, четко сформулированное в превосходной работе М. К. Трофимовой²²⁷, применительно к эллинистическому времени, должно быть еще более верным для Греции архаической поры с ее менее развитым торговым обращением. Следует также учитывать и то, что в период становления греческих колоний их отпочкование от своих метрополий не было

²²⁴ См. В. М. Скудная. Родосская керамика с о. Березани СА, № 2, 1960, стр. 167.

²²⁵ Там же.

²²⁶ См. «Дневник Г. Л. Скадовского».

²²⁷ См. М. К. Трофимова. Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.). ВДИ, № 2, М., 1961, стр. 46—68.

актом единовременным: если политическая автономия вновь организуемой колонии предусматривалась уже ее уставом, то экономические связи с метрополией сохранялись более длительное время.

II. Связи Березани с ближайшими греческими поселениями поддаются исследованию с большим трудом, чем рассмотренные выше. Арханчский слой этих ближайших к Березани поселений уловлен лишь в нескольких пунктах. Совсем не изучена местная материальная культура этих поселений (это — прямой результат безмерных увлечений торговой тематикой со стороны исследователей). Можно с определенностью говорить лишь о связях с Ольвией, свидетельством чего являются находки на Березани ольвийских ранних монет — ассов и дельфинчиков. Формы этих связей опять-таки нельзя сводить только к торговле. Они обусловлены прежде всего политической взаимозависимостью обоих поселений. При этом для первой половины VI в. до н. э. мы не можем даже с достоверностью судить, какое из двух поселений занимало доминирующее в политическом и экономическом отношении положение — Ольвия или Березань; настоящее состояние археологических источников свидетельствует в пользу последней. Как центр обширного политического образования Ольвия отчетливо выступает в V в. до н. э.

III. Связи с так называемым «местным населением» — это пока лишь область чистых гипотез, которые не могут быть еще подкреплены какими-либо конкретными материалами. Ранее мы пытались вывести торговые отношения с этим населением из единственного, казавшегося нам хоть в какой-то степени подходящим для этих целей археологического источника — определенных типов лепной керамики. Эта попытка была справедливо подвергнута критике В. Д. Блаватским, который указал, что лепную керамику «следует оставить в стороне, поскольку она не была важным предметом торговли. Основными товарами были мясо, скот, хлеб, т. е. то, что не оставляло следов»²²⁸. С первой половиной этого замечания нельзя не согласиться. Вызывает возражения лишь методический прием говорить о торговле на основании того, что «не оставляло следов».

Из числа доказательств торговых связей с «местными» племенами мы исключаем и группу так называемых монет-стрелок. Правда, эта группа находок из Березани до сих пор не введена в научный обиход, но поскольку она есть, имеется и возможность использования ее для доказательства связей Березани с фракийским миром, тем более что подобная гипотеза

за уже была высказана В. М. Скудновой в отношении Ольвии²²⁹. Для этого, по-видимому, нет пока особых оснований. Хотя в районе Фракии находки монет-стрелок встречены неоднократно, а дважды и в значительных количествах (одна находка у Бургазского залива насчитывала несколько сот стрел, другая, в кладе около Измаила, 51 стрелку), однако все эти находки, как правило, не увязываются с каким-либо определенным культурным слоем, вследствие чего они были неправильно датированы болгарскими археологами IV—III вв. до н. э.²³⁰ Если исключить две отмеченные кладовые находки — (клады, как известно, могут перемещаться на большое расстояние, иногда спустя значительное время после выхода составляющих их монет из обращения, а потому не служат достаточно надежным доказательством как обращения этих монет в месте находки, так и их торговой роли), останется очень небольшое число одиночных находок монет-стрелок. Новые открытия их продвигаются очень медленно и не всегда удачно: так, румынские археологи опубликовали недавно под видом таковой обычную двухлопастную стрелу²³¹. Большого внимания заслуживает лишь одна находка четырех экземпляров монет-стрелок в погребениях у Бургазского залива²³².

Вместе с тем в районе Нижнего Побужья и Поднепровья монеты-стрелки встречаются ничуть не в меньшем, а по-видимому, в значительно большем количестве. Но так как здесь их находят в культурном слое порознь, а не кладами, они не учитываются как монетные находки и вплоть до настоящего времени интерпретируются как бракованные двухлопастные стрелы, что дает повод скифологам, например, ставить эти находки в связь с скифским литейным производством. Изданные В. М. Скудновой 15 стрелообразных монет из Ольвии представляют, без сомнения, ничтожную часть найденных здесь и находящихся по настоящий день этих монет. Во время раскопок 1960 г. нами были отмечены находки стрелообразных монет в различных пунктах агоры, где был выявлен арханчский слой. Заметим, что стрелообразные монеты, часто фигурирующие под названием арханчских двухгранных стрел, находили в Ольвии уже с первых лет раскопок²³³.

²²⁹ См. В. Скуднова. Монеты-стрелки из Ольвии. Сообщения Государственного Эрмитажа. X, Л., 1956, стр. 39.

²³⁰ Т. Герасимовъ. Сокровище отъ бронзови стрелы-монеты. Известия на Българския археологически институт, т. XII, 2, София, 1938, стр. 424—427.

²³¹ См. D. Berciu și C. Pređa. Săpăturile de la Tariverde. Materiale și cercetări arheologice, т. VII, стр. 277, рис. 5/2.

²³² См. Ив. Панделеев. Нови археологически находки в Бургазско. Известия на Българския археологически институт, т. V, София, 1928/29, стр. 238.

²³³ См., напр., ИАК, вып. 13, 1906, стр. 183, рис. 135.

²²⁸ Н. И. Соколовский. Античный город. ВДИ, № 2, М., 1961, стр. 173.

Изучение материалов, дневников и отчетов о раскопках Березанского поселения позволяет судить, что монеты-стрелки в раннем слое здесь не случайны, а являются закономерной, составной, характерной частью этого слоя. Многократны упоминания раскопщиков о находках двухлопастных стрел. Поскольку в действительности настоящие двухлопастные стрелы для Березани сравнительно редки (в 1960 г., например, из 29 стрел лишь 3 оказались двухлопастными), можно полагать, что значительная часть упоминаемых стрел является стрелообразными монетами. Такими скорее всего являлись найденные в 1904 г. на раскопе А¹, на материке «9 плоских стрел все в одной куче»²³⁴. Это подтверждается и тем, что двухлопастные стрелы, наряду с дельфинчиками, неоднократно зафиксированы здесь в положении «обола Харона»²³⁵. Иногда исследователи прямо называют эти стрелы «испорченными»²³⁶. Интересное соотношение находок дельфинчиков и монет-стрелок дали раскопки 1960 г.: на 34 дельфинчика — 19 монет-стрелок, т. е. соотношение 7:4. В 1961 г. было найдено 31 дельфинчик и 9 монет-стрелок, что дает соотношение 7:2; значительно меньшее количество монет-стрелок объясняется тем, что в 1961 г. раскапывались сравнительно поздние памятники. Среди стрел и дельфинчиков из раскопок Э. Р. Штерна 1913 г. нами было обнаружено 7 монет-стрелок. В коллекции Одесского археологического музея представлены как большие куски опаявшихся монет-стрелок, так и отдельные их экземпляры; большинство их происходит, по-видимому, из Березани.

Закономерно возникают вопросы: какова роль монет-стрелок в жизни Березанского поселения? Каково место их в денежных системах Северного Причерноморья? Какова их связь с другим своеобразным видом монетных знаков — дельфинчиками? Эти вопросы приобретают большое значение в связи с высказанными недавно П. О. Карышковским взглядами на процесс возникновения денежного обращения в Причерноморье: «К середине VI в. до н. э. социально-экономическое развитие местных племен достигло... такого уровня, когда в их среде складываются предпосылки появления зачаточной формы денег в виде слитков. В районе Нижнего Подунавья эти медные слитки приобрели форму двухлопастных наконечников стрел, в низовьях Днепра и Буга — форму рыб (осетров, кам-

²³⁴ Э. Р. Штерн. Дневник раскопок на о. Березани в 1904 г., ОГИМ 59188, АИ 188, л. 16.

²³⁵ ОАК за 1906 г., стр. 56; Э. Р. Штерн. Дневник раскопок на Березани в 1904 г. ОГИМ 59188, ИА 188. Раскоп С, л. 11; Е. Г. Кагаров. Дневник раскопок на о. Березани в 1906 г. ОГИМ 59192, ИА 192. Раскоп К², стр. 4.

²³⁶ См., напр., Э. Р. Штерн. Дневник раскопок на о. Березани в 1904 г. Раскоп Б¹, л. 1.

бал) или дельфинов»²³⁷. К тезису П. О. Карышковского присоединился В. Д. Блаватский, который «подчеркнул убедительность гипотезы о связи монет в виде стрелок и рыбок с варварской средой»²³⁸. Между тем, факты, по крайней мере для района Нижнего Побужья, таковы. Для середины VI в. до н. э. мы не знаем пока здесь так называемых местных племен, следовательно, ничего не знаем об уровне их социально-экономического развития, зато удовлетворительно знаем Ольвию и ближайшие к ней греческие поселения, знаем, что каждый квадратный метр раскопанной в Ольвии площади дает единицы, десятки, иногда и сотни дельфинчиков; что в несколько меньших количествах они встречаются на Березани, встречены в раннем поселении у с. Козырки, у Широкой Балки, в Викторке и т. д. Поскольку наиболее ранние типы дельфинчиков наверно — а монеты-стрелы и наверняка — древнее ранних ольвийских ассов, получается, если следовать П. О. Карышковскому, что у «местных племен» деньги появились раньше, чем они появились у греков. Подобные заключения не соответствуют реальной исторической картине.

Напрашиваются следующие выводы. Как типы монет, имеющие в своей основе одни и те же экономические, технологические и изобразительные принципы, монеты-стрелки и дельфинчики могли возникнуть только в однообразной экономической и этнической среде. В общей форме решение вопроса может идти двумя путями. В первом случае территорией возникновения обоих типов денежных знаков является район Нижнего Побужья, конкретными пунктами — Ольвия и поселение на о. Березани. Наиболее ранним типом этих монет являются монеты-стрелки, появившиеся, судя по слою на Березани, не позднее середины VI в. до н. э.; как поселение, где эти монеты найдены обильно представлены, Березань могла явиться и центром их возникновения. В пользу такой гипотезы свидетельствует наличие здесь оригинальных типов этих монет (в 1964 г. найдена была, например, свинцовая монета-стрелка); очень интересна в этом плане и найденная в 1963 г. маленькая бронзовая гирька с рельефным изображением монеты-стрелки²³⁹, находящаяся знаменательные параллели в ольвийских гирях с изображением дельфина. Древнейший тип дельфинчиков, как подражание монетам-стрелкам, возникает несколько позднее; принадлежность этих монет Ольвии бесспорна. На протяжении

²³⁷ П. О. Карышковский. Роль денежного обращения в экономическом развитии городов Северо-Западного Причерноморья в VI—I вв. до н. э. (тезисы доклада на II Английской конференции).

²³⁸ Г. А. Цветаева. Конференция по истории и археологии античного города. СА, № 3, 1961, стр. 322.

²³⁹ Хранится в Государственном Эрмитаже. Инв. № Бер. 63/208. Длина гирьки 5,2 см, вес 28,65 г.

ряда десятилетий оба типа монет активно сосуществуют. Где-то в конце VI в. до н. э. выпуски монет-стрелок прекращаются; дельфинчики переживают их и еще длительное время находятся в обращении. При таком объяснении находки монет-стрелок в районе Подунавья могут рассматриваться как свидетельство экономических и культурных связей греческих поселений Нижнего Побужья с греческими полисами этого района. Если в процессе дальнейших археологических исследований будет доказана принадлежность монет-стрелок денежной системе полисов Подунавья, решение вопроса приобретает не столько иной характер. В этом случае возможно будет допустить к моменту возникновения монет-стрелок первоначальную экономическую и территориальную общность населения полисов Подунавья и Побужья с последующим территориальным разрывом (расселение). Возникшие денежные системы существуют параллельно и в районе Нижнего Побужья получают дальнейшее развитие в форме дельфинчиков. Указанный путь решения вопроса весьма гипотетичен. Он может принять более определенные формы в том случае, если будет доказана более древняя, чем теперь принято, датировка монет-стрелок. Принадлежность монет-стрелок фракийским племенам реально пока еще ничем не может быть подтверждена.

И, наконец, последний общий вопрос о характере Березанского поселения. Как полагает в обзорной статье о II Античной конференции Г. А. Цветаева, главным тезисом нашего доклада на конференции «было утверждение того, что Березанское поселение представляло собой эмбрион города-государства, содержащий в зародыше все элементы взрослого организма»²⁴⁰. Это не совсем так. Главным тезисом нашего доклада было утверждение, что Березанское поселение — это не мифический эмпорий, а обычное поселение производящего, аграрно-ремесленного профиля. Но из этого вытекает и вывод о том, что Березанское поселение, как древнейшее поселение Нижнего Побужья, явилось тем зародышем, из которого развился позднее Ольвийский полис. Под последним мы понимаем не собственно город Ольвию, а всю совокупность объединенных экономически, политически и культурно греческих поселений, соответствующим центром которой на определенном этапе стал г. Ольвия. Из факта превращения Ольвии в центр полиса никак не следует, что только она потенциально содержала в себе возможности такого превращения.

Нам задают вопросы: каков был статус Березани? Какой характер носили ее политические взаимоотношения с Ольвией? Пытаться отвечать на них при настоящем состоянии источни-

ков — это значит перейти с почвы твердых материально выраженных исторических фактов на путь ничем пока необоснованных гипотез. Можно только полагать, что коллектив первооселенцев Березани представлял собой именно коллектив, т. е. общество людей, организованных соответственно их целям и задачам еще в метрополии и сохранивших эту организацию на новом месте, что это был коллектив людей, связанных между собой экономически, а следовательно, — пусть и в примитивных формах — и политически, что этот коллектив имел соответствующие руководящие органы, которые были ответственны в вопросах быта, экономики, распределения земли и т. д., наконец, что этот коллектив был связан общностью культа и имел соответствующие этому институты. Невозможно мыслить себе этот коллектив как простую сумму анархистствующих робинзонов. Но это и есть не что иное как зародыш социально-экономической и политической организации, именуемой полисом.

Итак, рассмотрение материалов Березанского поселения позволяет признать несостоятельными представления о Березани как торговой фактории, как эмпории. Тем самым, как нам представляется, решается и вопрос об эмпорильном периоде в Северном Причерноморье. Из области древней истории он переносится в область современной историографии. Именно в закономерностях развития последней должны мы искать разгадку не эмпориев, а представлений об эмпориях, — представлений, с самого их зарождения и по настоящий день не имеющих под собой никакой реальной базы фактов, но цепко удерживающихся в сознании представителей исторической науки.

²⁴⁰ Г. А. Цветаева. Конференция по истории и археологии античного города. СА, № 3, 1961, стр. 321.

Глава IV

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП КОЛОНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ, ПОСЕЛЕНИЯ.

Литературная традиция

Начало массового проникновения предметов греческой материальной культуры в Северное Причерноморье рассматривается нами как начало его колонизации. Этот процесс сразу же характеризуется возникновением поселений, среди которых, бесспорно, наиболее ранним из известных нам является поселение на о. Березани. Определение характера этих поселений, их экономической, социальной и этнической структуры имеет исключительно большое значение для выяснения характера колонизации в целом. Свою задачу ограничим районом Нижнего Побужья. Для него мы располагаем значительным количеством исследованных археологических памятников и более или менее обстоятельными сообщениями Геродота. В данной работе на первый план выступает определение этнического характера этих поселений.

Еще раз подчеркнем, что зависимость возникновения и развития поселений от общего хода колонизации в Северном Причерноморье очевидна, так же как и зависимость мелких поселений сельского типа от поселений городского типа, определяемых как греческие колонии. Все исследователи так или иначе вынуждены признать сильно эллинизованный состав материальной культуры малых поселений. Поэтому малые поселения должны рассматриваться, независимо от их принадлежности грекам или туземцам, как продукт колонизационной деятельности греков. Отсюда, однако, вопрос об этническом характере этих поселений не утрачивает своей остроты.

Определив эти поселения как скифские, мы должны будем предположить, что процесс оседания кочевников на землю (а под скифами античные авторы прежде всего понимали кочевые племена)¹ хронологически совпал с процессом греческой коло-

низации. Теоретически это допустимо. Однако процесс этот должен был носить постепенный характер, поскольку связан с ломкой старых общественных отношений. Интенсивность возникновения поселений в районах греческой колонизации и сам характер этих поселений вряд ли говорят в пользу наличия такого процесса у скифов. Поэтому совершенно справедливо, что подобное допущение не нашло отражения в науке, где прочно утвердился взгляд на земледельческие племена Скифии как на автохтонное население в отличие от пришлого кочевнического. Но в таком случае мы должны отказаться от признания поселений в районах колонизации туземными и искать их там, где преемственность культуры, указывающая на автохтонность, действительно прослеживается.

Мало помогает решению вопроса и привлечение письменных источников, среди которых первое место по праву занимает Геродот, давший обстоятельное описание Скифии. Обстоятельность, однако, еще не говорит о точности, и это хорошо иллюстрируется множественностью карт Скифии, составленных на основании сообщений Геродота с привлечением других авторов и археологических материалов. Ни один из имеющихся в настоящее время вариантов карты Скифии не получил всеобщего признания. И в этом не вина их авторов, а несовершенство наших источников, проистекающее, в свою очередь, из несовершенства представлений древних авторов о Скифии. В составлении таких карт неизменно остается элемент субъективизма: одни исходят в своих построениях из геродотовского «квадрата», другие характеризуют этот «квадрат» как «пресловутый», одни пытаются локализовать гелонов-эллинов, другие тоже говорят о гелонах, умалчивая, однако, о том, что это — «греки, выселившиеся из эмпориев».

При анализе IV книги Геродота следует учитывать то обстоятельство, что историк не ставил перед собой задачу дать полное и всестороннее описание Северного Причерноморья. По вполне понятной причине его интересовала прежде всего собственно Скифия и ее племенной мир. Поэтому реальная картина расселения греков в Северном Причерноморье не наша у него почти никакого отражения. О греках Геродот упоминает всего лишь несколько раз, да и то мимоходом, главным образом пользуясь местами их расселения для того, чтобы «привязать» к ним те или иные племена Скифии. Отдельные греческие города и поселения, за немногими исключениями, выпадают из его поля зрения. Так, «город борисфенитов» упомянут лишь в связи с легендой о Скиле. В остальных случаях

ни укреплений, который свои жилища переносит с собою, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством, и жилища устраиваются на повозках» (IV, 46).

¹ Ср. хотя бы Геродота: скифы — народ, « у которого нет ни городов,

Геродот ограничивается расплывчатыми указаниями: «эллины, живущие на реке Гипанисе», «у устья его (Тираса) живут эллины, которые называются тиритами».

При определении греческих и туземных поселений в районе Нижнего Побужья на основании труда Геродота нельзя отрываться от применяемой Геродотом терминологии. Она весьма разнообразна: ΕΛΛΗΝΕΣ ΟΙ ΟΙΚΕΟΝΤΕΣ ΕΠΙ ΤΩΙ ΥΠΑΝΙ ΠΟΤΑΜΩΙ², ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΕΜΠΟΡΙΟΝ³, ΒΟΥΡΥΘΕΝΗΣ⁴, ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΠΟΛΙΣ⁵, ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΑΣΤΥ⁶. Значение первого и последнего определений ясно: несомненно, что в одном случае Геродот говорит вообще о греках, населяющих Нижний Буг, без локализации их в каком-то определенном пункте; в другом — о городе, являющемся экономическим и политическим центром этого расселения. Что греки не локализовались только в городе Ольвии, — факт очевидный, хотя бы уже потому, что во времена Геродота существовало также и Березанское поселение, греческий характер которого никем не оспаривается.

Значительно сложнее установить соотношение других определений. ΒΟΥΡΥΘΕΝΗΣ в значении места расселения греков, а не в значении реки и ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΠΟΛΙΣ упоминаются в связи с сообщением о постройке Скилом дома в этом месте. Принципиального различия в их употреблении, по-видимому, нет. Возможны лишь оттенки: в первом случае подчеркивается название государства ольвиополитов по имени реки, во втором — конкретизируется полисный характер этого государства. Подобное употребление Геродотом параллельных и равнозначных определений встречается нередко (ср. хотя бы ΜΙΑΝΤΟΣ-ΠΟΛΙΣ ΜΙΑΝΣΙΩΝ).

Менее ясно соотношение двух последних определений с ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΑΣΤΥ. Анализ труда Геродота показывает, что в определения ΠΟΛΙΣ и ΑΣΤΥ Геродотом вкладывается различное содержание. Если под ΑΣΤΥ всегда подразумевается тот или иной конкретный город (собственно город, центр того или иного города-государства), то ΠΟΛΙΣ в большей части случаев употребляется в двух значениях; 1) «государственность», что тождественно определению ΠΟΛΙΤΕΙΑ (подобное же употребление ΠΟΛΙΣ встречаем мы у Аристотеля); 2) «город-государство», т. е. совокупности элементов античного города-государства — собственно города, ΑΣΤΥ и его хоры. Однако имеются и исключения. В сообщении о гибели

Милета, например, ΠΕΡΙ ΤΗΝ ΠΟΛΙΝ употреблено в значении «окрестности собственно города»⁷ (но этот же элемент города в рассказе об Ольвии имеет более точное название — ΠΡΟΑΣΤΕΙΟΝ)⁸.

Рассказывая о посещении Скилом Ольвии, Геродот употребляет определение ΑΣΤΥ с такими присущими последнему элементами, как ΠΡΟΑΣΤΕΙΟΝ, ΤΕΙΧΟΣ, ΠΥΛΗ, ΠΥΡΓΟΣ⁹. Переходя затем к сообщению о постройке Скилом дома в Ольвии и о разрушении его молнией, Геродот употребляет слова ΒΟΥΡΥΘΕΝΗΣ и ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΠΟΛΙΣ. Хотя никакими дополнительными штрихами местоположение дома Скила не обрисовано и поэтому сомневаться в том, что, по мнению Геродота, он был выстроен действительно в Ольвии, мало оснований, более расширенный характер двух последних определений, чем ΑΣΤΥ, нам представляется несомненным.

Относительно понимания ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΕΜΠΟΡΙΟΝ сказано выше. Есть основания полагать, что, говоря о Борисфене полисе борисфенитов, эмпории борисфенитов, Геродот имеет в виду не конкретно город Ольвию, существующий изолированно на варварской территории, а целую систему греческих поселений, занимающих сравнительно обширный район. Поэтому при локализации скифских племен по Геродоту исследователь должен исходить не из строго определенного пункта — Ольвии, а брать в качестве этого исходного пункта более широкую территорию. Геродотовское ΑΠΟ ΤΟΥ ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΕΜΠΟΡΙΟΝ следует понимать в смысле «начиная от места расселения греков — борисфенитов». При этом, поскольку описание скифских племен Геродот ведет с юга на север, первое из этих племен — каллипиды — должно размещаться где-то севернее Ольвии, а не к западу и не к югу от нее, как это обычно принято полагать.

В связи с этим вопрос о каллипидах, населявших окрестности Ольвии, представляется еще далеким от разрешения. Мы не можем также игнорировать и свидетельство Страбона, прямо заявляющего, что алазонов, живущих выше Борисфена, каллипидов и другие имена «легкомысленно сочинил и нам Гелланик, Геродот и Эвдокс»¹⁰.

Наиболее полное исследование вопроса о каллипидах-эллино-скифах дает Н. В. Шафранская¹¹, избравшая путь широких

⁷ Нег., VI, 20.

⁸ Нег., IV, 78.

⁹ Ср. такое же конкретное употребление Геродотом ΑΣΤΥ в I, 21 или V, 92, 2; очень рельефно это выступает также в V, 101—102 (о пожаре Сард) и V, 104 (после того, как Горг вышел из города — ΑΣΤΥ, он потерял государство — ΠΟΛΙΣ).

¹⁰ Strab., XII, 3, 21.

¹¹ См. Н. В. Шафранская. О миксэллинах. ВДИ, № 3, 1956, стр. 37—48.

² Нег., IV, 18.

³ Нег., IV, 17.

⁴ Нег., IV, 78.

⁵ Нег., IV, 79.

⁶ Нег., IV, 78.

исторических аналогий. Н. В. Шафранская справедливо полагает, что для отождествления геродотовских эллино-скифов с микэллинами декрета в честь Протогена нет достаточных оснований. Эллино-скифы Геродота, по мнению Н. В. Шафранской, означали не племенное смешение, а только особенно активное влияние греческой культуры на скифов-каллиппидов — ближайших соседей Ольвии¹². Н. В. Шафранская не считает возможным видеть в эллино-скифах Геродота, по аналогии с эллино-мемфисцами и карико-мемфисцами, категорию топонимического характера, т. е. скифов, живущих на ольвийской земле, или, наоборот, эллинов, выселившихся в Скифию. Она полагает, что это «противоречит как словам Геродота, так и данным археологии, согласно которым поселения Бугского лимана имели в VI—V вв. скифский облик»¹³.

Прежде всего, нас не должно смущать, что в IV, 17 Геродот сопоставляет племя (ΕΘΝΟΣ) каллиппидов с племенем алазонов. Как известно, применение термина ΕΘΝΟΣ в греческом языке было довольно широким: ΕΘΝΟΣ мог означать не только конкретное «племя», греческое или негреческое, но и более общее «народ» или, наоборот, более узко — определенное сословие, определенную группу народа¹⁴. Поэтому противопоставление эллино-скифов другому народу или племени (ΑΛΛΟ ΕΘΝΟΣ), заведомо негреческому, само по себе не свидетельствует еще о том, что и эллино-скифы являются негреками. Геродот указывает на черты общности тех и других со скифами (ΤΑ ΜΕΝ ΑΛΛΑ ΚΑΤΑ ΤΑΥΤΑ ΣΚΥΘΗΣΙ ΕΠΑΣΚΕΟΥΣΙ), исключая их занятия земледелием. Однако нечто подобное встречаем мы и в сообщении Геродота о гелонах-эллинах в земле будинов, которые и говорят то по-скифски, то по-эллиниски¹⁵ и имеют своих царей подобно скифам¹⁶ и вместе со скифами участвуют в войне против персов и вообще, по-видимому, настолько близки будином, что последних эллины называют гелонами¹⁷.

Что касается второго доказательства Н. В. Шафранской, а именно данных археологии, согласно которым поселения Бугского лимана имели в VI—V вв. скифский якобы облик, то оно само еще требует доказательств. «Скифский облик поселения» — понятие весьма условное. При установлении его археолог исходит прежде всего из традиционного понимания сообщения Геродота о каллиппидах, абстрагируется от несом-

ненно греческих элементов материальной культуры раскрываемого им объекта, берет в качестве определяющих те элементы материальной культуры, которые, по его мнению, должны быть «местными», в частности элементы примитивизма, характерные для любого древнего общества. Получается замкнутый круг: археолог исходит из интерпретации историком сообщений Геродота, историк — интерпретатор Геродота — из наблюдений археолога.

Само по себе свидетельство Геродота не дает оснований для того, чтобы отвергнуть гипотезу о географическом характере термина «эллино-скифы». Остается один выход — обратиться к материальному первоисточнику, к археологическим памятникам. Из них в первую очередь должны быть рассмотрены: 1) типы жилищ; 2) керамика; 3) погребальный обряд.

Типы жилищ

Несомненно, что типы жилищ отражают этнические признаки того или иного общества. Каждому народу присущи свои типы строительных сооружений, излюбленный строительный материал, планировка жилищ, определяемая как законами целесообразности, так и экономической и социальной структурой общества, передаваемые из поколения в поколение строительные приемы, способы отопления, декорировка и т. д. Однако не менее важно подчеркнуть и другое — зависимость типов жилищ от физических условий страны: климата, наличия тех или иных видов строительного материала, топливных ресурсов и др. Народ, попадающий из теплого климата в район с более суровым климатическим режимом, вынужден применяться к новым условиям и соответственно им менять тип жилища. Точно так же народ с традициями каменного домостроительства, попадая на лесистую территорию, вынужден использовать тот строительный материал, который здесь имеется. Это было понятно еще Геродоту, который без тени удивления пишет об эллинском городе (полисе) Гелоне, выстроенном из дерева и обнесенном деревянной стеной с деревянными башнями, хотя вообще-то для греков характерно каменное домостроительство. С этой точки зрения неправомерными представляются попытки многих исследователей доказать «скифский» характер раскрываемых в Северном Причерноморье каменных жилищ на том основании, что каменное домостроительство известно было здесь еще во II тысячелетии до н. э. Вид строительного материала ни в коей мере не говорит еще об этносе народа, его использовавшего.

В районе Нижнего Побужья в настоящее время выявлено

¹² См. Н. В. Шафранская, указ. соч., стр. 43.

¹³ Там же.

¹⁴ Интересные случаи употребления термина ΕΘΝΟΣ рассматриваются А. И. Доватуром (Политика и Политии Аристотеля. М.—Л., 1965, стр. 9 и след.).

¹⁵ Нег., IV, 108.

¹⁶ Нег., IV, 119.

¹⁷ Нег., IV, 109.

свыше 100 поселений античного времени¹⁸. Из них ко времени раннего этапа колонизации относятся немногие. Несмотря на слабую изученность, они дают возможность составить представление о присущих им типах жилищ. Это, прежде всего, жилища полужемляночного типа, «ямы-жилища» и каменные дома. Если каменные дома характерны и для более позднего времени, то полужемлянки составляют специфическую особенность раннего времени, что само по себе уже дает основание видеть в них отражение не этнических, а общественно-экономических факторов. Необходимо также отметить, что полужемлянки в наземной их части имеют часто каменные стены и, таким образом, основное, что отличает их от каменных домов, это углубленность в землю.

Жилища земляночного и полужемляночного типа открыты во всех наиболее ранних поселениях античного времени Нижнего Побужья: на Березани, в Ольвии, в поселении у Широкой балки, в поселении Викторовка I.

В Ольвии в последние годы на участке Е-III (раскопки Е. И. Леви и А. Н. Карасева) под субструкциями храма Зевса обнаружена прямоугольная землянка небольших размеров с прекрасно сохранившимся очагом. По-видимому, подобное же жилище открыто в 1957 г. в южной половине раскопа Е-VI (раскопки Л. М. Славина) к западу от так называемого западного торгового ряда (не доследовано). Несколько иного рода углубленное в материк прямоугольное помещение открыто в 1959 г. на раскопе Е-VII. Восточная стена этого помещения сложена из сырцовых кирпичей, остальные стены материковые, тщательно вырезаны и даже побелены. Предполагать, что каменные стены помещения были выбраны, нет никаких оснований. Хотя помещение являлось, по-видимому, подвалом, а не полужемлянкой, оно знаменует собой переходную форму от полужемлянок к ольвийским каменным подвалам и имеет черты, роднящие его с полужемлянками Широкобалковского поселения. Еще два полужемляночных помещения, углубленных в землю на 1,20 м (одно из них с очагом), открыты в 1960—1962 гг. севернее, на участке Е-IX.

Остатками полужемляночных жилищ, но не прямоугольной, а круглой формы являются, возможно, два врезанных в материк на глубину до $\frac{3}{4}$ — 1 м углубления VI в. до н. э., открытые в центральной части Верхнего города — около Зевсова кургана и в западной части раскопа АГД. Как основательно полагает Л. М. Славин, «если временные полужемляночные жилища

строились даже в центральной части города, то на окраинах городской территории таких построек, нужно думать, было немало»¹⁹. Эта мысль в 1964—1965 гг. была подтверждена Ю. И. Козуб, которая уже за пределами городских оборонительных стен, к западу от них, выявила ряд жилых полужемлянок раннего времени. На о. Березани к настоящему времени раскрыто около 30 полужемлянок. Углубленные в землю помещения исследованы на поселении Викторовка I²⁰.

На поселении у Широкой балки открыто 6 полужемлянок, из которых 2 круглой формы, остальные в плане прямоугольные²¹. Вопрос о круглых полужемлянках представляется не вполне ясным. Подобные ямы с вертикальными стенками большого диаметра и незначительно углубленные в материк не являются редкостью. На Березани, например, они не имеют никаких признаков жилых помещений, хотя и сопровождаются иногда такими атрибутами, как ямки на дне, печина и угли в заполнении. В то же время здесь выявлены и полужемлянки с закругленными углами, одна с «апсидным» выступом и одна — эллипсообразной формы. Что касается прямоугольных помещений поселения у Широкой балки, то их жилой характер несомненен.

Все полужемлянки имеют очень небольшие размеры с площадью от 6 м² (Широкая балка) до 17,5 м² (Викторовка I). Может быть, несколько большие размеры имела полужемлянка, открытая М. Ф. Болтенко на Березани. Особенностью является также незначительная углубленность их в землю. Названия «землянка» и «полужемлянка» применимы лишь в условном смысле. Так, помещение в Викторовке I впущено в грунт всего лишь на 0,12—0,55 м, что не позволяет считать его даже полужемлянкой. На поселении у Широкой балки лишь одно помещение углублено на 1,2 м, глубина в материке остальных помещений колеблется от 0,30—0,50 до 0,90 м.

Характерной особенностью полужемлянок Широкобалковского поселения является наличие в них каменных стен. В помещении комплекса Ж западная и восточная стены выложены из камня в полигональной технике, в помещении на участке № 4 восточная стена выложена из камня. Исследователь поселения ищет аналогии каменным стенам в памятниках эпохи средней и поздней бронзы и, хотя ссылается на наличие полигональных стен в Ольвии, ольвийскую кладку рассматривает

¹⁸ Л. М. Славин. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. СА, т. XXVIII, 1958, стр. 280.

²⁰ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 240 и след.

²¹ См. Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, вып. 40, М., 1951, стр. 114.

¹⁸ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — МИА, № 50, М.—Л., 1956, стр. 252. Несомненно, что и цифра, сообщаемая С. И. Капошиной, неполна и отражает только сегодняшний уровень наших знаний.

как своеобразную дань предшествующей (т. е. опять-таки эпохи бронзы) строительной-архитектурной традиции²². Правомерность такого вывода сомнительна.

Исследователи, рассматривающие поселения Нижнего Побужья как скифские, ищут аналогии полуземлянкам в лесостепных скифских памятниках, считают возможным сближать побужские жилища с жилищами Севериновского и Немировского поселений в Западной Подолии, Пастырского городища, поселения в урочище Скрыпки. Однако единственное, что объединяет жилища Нижнего Побужья с лесостепными жилищами, это углубленность в землю. Пастырские землянки близки побужским жилищам по размерам. Но этим и ограничивается сходство. Землянки остальных поселений Лесостепи имеют круглую форму (Пастырские землянки овальные) и крупные размеры. Диаметр севериновского жилища, например, достигал 9 м, диаметр немировских — от 4,5 до 7 м²³, диаметр жилищ у урочища Скрыпки — около 5 м²⁴. По-видимому, в основном это жилище больших патриархальных семей. В севериновском жилище, имеющем площадь более 60 м², могло жить несколько десятков человек.

Земляночный тип жилищ существует в течение тысячелетий, доживая до наших дней. Он распространен у множества народов и по существу своему интернационален. Наличие подобного рода жилищ в ранних греческих поселениях Нижнего Побужья не только объяснимо, но и является прекрасной иллюстрацией процесса греческой колонизации. Это, разумеется, не жилища богатых торговцев-посредников, а централизованная материализация нищеты народа, лишенного прежней родины и еще не обретшего новой. Трудовая беднота, переселившаяся из Греции в Северное Причерноморье, строила свою жизнь заново, поэтому быстро усвоила свою зависимость от климата и недостатка строительных материалов и эмпирически нашла правильное решение.

Несколько иначе обстоит дело с ямами-жилищами. При исследовании поселения IV—III вв. до н. э. у с. Варваровки П. Н. Шульц счел возможным выделить там группу из шести ям, которые, как он считает, являлись жилищами²⁵. Основными признаками их жилого назначения являются сравнительно большие размеры (диаметр до 3,5 м), наличие в одной из них печи, которая расположена на высоте 0,5 м от дна ямы в спе-

циальной, как отмечает автор, нише с дымоходом в соседнюю яму, а также наличие ходов, соединяющих ямы. В 1959 г. с обстоятельной статьей о раскопках Варваровского поселения выступил М. С. Сеницын²⁶, который счел возможным определить как жилые еще 2 ямы (В и С). Одновременно с П. Н. Шульцем заявила о ямах-жилищах на о. Березани О. А. Артамонова²⁷. После О. А. Артамоновой яму-жилище на о. Березани обнаружил М. Ф. Болтенко²⁸. В 1951 г. А. Л. Есипенко засвидетельствовал наличие ям-жилищ на Петуховском поселении²⁹.

Тип ямы-жилища настолько примитивен, что о принадлежности его грекам не может быть и речи. Это могло бы послужить серьезным аргументом в пользу существования в районе Нижнего Побужья негреческого населения как для VII (Березань) так и для IV—III вв. до н. э. (Варваровка, Петуховка). При ближайшем рассмотрении, однако, приходится признать существование ям-жилищ крайне ненадежным. Размеры ям не настолько уж велики, чтобы видеть в них жилища. Ямы хозяйственного назначения диаметром 3 м и более очень часто встречаются при раскопках поселений. Наличие ходов, соединяющих 3 ямы Варваровского поселения, также вполне объяснимо: ямы близко подходили одна к другой, и при осыпании в нижней части стенок образование таких ходов совершенно естественно. Аналогичная картина, например, наблюдалась с ямами римского времени на Ольвийской агоре.

Единственное, что трудно объяснить, — наличие печи в одной из ям; не исключена возможность, что эта яма использовалась пастухами или рыбаками в качестве временного убежища.

Ошибочность мнения о существовании ям-жилищ хорошо раскрывается на примере ям В и С Варваровского поселения³⁰. Ямы имеют глубину 2 м, верхний диаметр 1,10—1,20 м и нижний диаметр около 2,30 м. Форма их колоколообразна, на дне обнаружены площадки из камня и глины диаметром 0,70—0,75 м. По мысли исследователя, они являются остатками очагов, но могут быть объяснены и иначе — как завалы каменных горловин ям. В яме подобного рода остается мало места для того, чтобы там можно было спать, в ней можно или си-

²⁶ См. М. С. Сеницын. Поселения в с. Варваровка за раскопками 1938 г. — *Праці Одеського держ. ун-ту*, т. 149. Серія історичних наук, вип. 7, Одеса, 1959, стр. 113—134.

²⁷ См. О. А. Артамонова. Древнейшее поселение на острове Березань. — *КСИИМК*, вып. 5, М., 1940, стр. 49—54.

²⁸ См. М. Ф. Болтенко. Раскопки на острове Березани в 1946 г. — *АП*, т. II, К., 1949.

²⁹ См. А. Л. Есипенко. Петуховская оборонительная система. — *КСИИМК*, вып. 39, М., 1951, стр. 24.

³⁰ См. М. С. Сеницын, указ. соч., стр. 115—120.

²² См. Б. М. Рабичкин, указ. соч., стр. 114.

²³ См. М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии. — *Вестник ЛГУ*, вып. 11, Л., 1943, стр. 177 и след.

²⁴ См. А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *КСИИМК*, вып. 51, М., 1953, стр. 60 и след.

²⁵ См. П. Н. Шульц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. *КСИИМК*, вып. 5, М., 1940, стр. 72—75.

деть, или стоять, согнувшись, так как центральное место занято «очагом». Для входа и выхода из нее нужно обязательно гасить огонь в очаге, в противном случае жилец обязательно погорит: ведь входное отверстие находится над очагом. Многочисленные доказательства этнографического характера, приводимые М. С. Синицыным, не забудут нас в том, что даже практический ум первобытного дикаря забраковал бы такое «жилище».

Предположение А. П. Есипенко о ямах-жилищах Петуховки опровергнуто Ф. М. Штительман, справедливо квалифицировавшей его как досадное недоразумение³¹. Нам остается только обратиться к Березани, но и здесь ничто не говорит в пользу существования ям-жилищ. Яма, открытая О. А. Артамоновой, за исключением размеров (глубина 2 м, верхний диаметр 2,5, нижний — 3,40 м) не имеет никаких признаков жилого помещения. «Жилая яма», открытая М. Ф. Болтенко, не отвечает своему назначению даже своими размерами: глубина ее 0,9 м, верхний диаметр 1,2, нижний 1,5 м. В ней можно только сидеть или спать, согнувшись вдвое, места же для очага совсем не остается.

Таким образом, существование ям-жилищ, рассматриваемое в литературе как этнографический признак туземного населения Нижнего Побужья³², приходится признать весьма сомнительным³³. Для раннего этапа греческой колонизации в этом районе мы имеем 2 типа жилищ: небольших размеров полуземляночные сооружения и, тоже небольшие, каменные дома. Первые быстро исчезают, вторые со временем развиваются в многокомнатные и благоустроенные строения, часто снабженные подвальным этажом, который использовался и для жилых целей. Есть основания рассматривать те и другие как жилища греческого населения.

³¹ См. Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, М.—Л., 1956, стр. 259, прим. 1.

³² См. М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ. Серия истор. наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 153. Ср. Ф. М. Штительман, указ, соч., стр. 259.

³³ Насколько нам известно, с категорическим опровержением представлений о ямах как типе жилищ в литературе выступил только В. Д. Блаватский (О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. СА, т. XXIV, 1955, стр. 30), который считает подобные ямы по большей части зерновыми. В. Д. Блаватский полагает, что зодчество местных племен античной эпохи «отличалось богатством типов, разнообразием строительных конструкций, широко использовало различные строительные материалы и совсем не было столь примитивным, чтобы сооружать жилища наподобие нынешних помойных ям». Мы ничего не знаем о местных племенах античной эпохи в Северном Причерноморье, тем более — о их зодчестве, отнюдь не склонны в рассматриваемых В. Д. Блаватским строительных сооружениях Варваровского, Нимфейского и Березанского поселений видеть проявление «местного» зодчества, но в вопросе о жилищах «наподобие нынешних помойных ям» полностью согласны с его мнением.

Керамика поселений в районах греческой колонизации делится на несколько групп: а) импортная греческая; б) простая гончарная, которая могла быть предметом импорта из Греции или продукцией местного производства; в) лепная. В особую группу можно выделить наиболее массовый вид керамики — амфорную тару. В данном случае речь пойдет только о лепной керамике. Вопрос о ней может быть поставлен здесь в самой общей форме и лишь в том аспекте, который в работах исследователей не нашел достаточного отражения.

Лепная керамика Северного Причерноморья античного времени в основном рассматривается в нашей литературе как проявление бесспорно негреческой, «местной», как это принято говорить, культуры³⁴. Признается, правда, что со временем эта керамика вошла в быт греческого населения, но и тогда ее изготовление остается в руках «коренных жителей — скифов, сарматов и др.» Из этого обычно делают вывод, что лепная керамика, которую находят в античных поселениях, свидетельствует о негреческом их населении, эта же керамика в античных городах — о смешанном греко-туземном их характере. Грань между «греческими» городами и «негреческими» поселениями весьма условна; и те и другие имеют однотипный керамический материал, хотя соотношение различных групп керамики и дают иногда довольно ощутимые колебания.

Прежде всего, относительно самого термина «местная керамика». Некоторыми авторами он понимается в буквальном смысле. Так, Т. Н. Книпович³⁵, рассматривая керамику Елисаветовского городища, в противоположность А. А. Миллеру, который отрицательно решал вопрос о преемственности между кобьяковской культурой и культурой скифского времени³⁶, пришла к выводу, что «местная керамика, изготовлявшаяся в Елисаветовском городище в античную эпоху, составляет продолжение керамики предшествующей эпохи, «доскифской», и является, таким образом, продукцией не какого-то нового пле-

³⁴ См. Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, М.—Л., 1952, стр. 249 и след.; И. Т. Кругликова. К вопросу о негреческом населении Фанагории. ВДИ, № 1, М., 1950, стр. 101 и след.; ее же. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, М., 1954, стр. 78; Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, М.—Л., 1934, стр. 111; ее же. Керамика местного производства из раскопа И. В сб. Ольвия, К., 1940, стр. 129.

³⁵ См. Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской, стр. 167—175.

³⁶ См. А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Гос. академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 86 и след.

мени, пришедшего в данную местность незадолго до появления в ней греков, а коренного местного населения, обитавшего здесь задолго до греков»³⁷. Вместе с тем Т. Н. Книпович отмечает качественные различия доскифской и скифской керамики на Елисаветовском городище и связывает эти изменения с изменениями в экономическом укладе городища: с началом ввоза греческой керамики происходит быстрое падение качества местной лепной керамики и она превращается, с одной стороны, в кухонную утварь, с другой — в посуду низших слоев населения. Типы лепной керамики более тонкой выделки и со сложной орнаментацией отживают и заменяются греческой керамикой, которая входит в обиход местного негреческого имущественно обеспеченного слоя населения.

Положение о причинах падения качества лепной керамики, высказанное Т. Н. Книпович, представляется несомненно правильным. Следует, однако, внести в него существенные коррективы. Каким бы ни оперировала Т. Н. Книпович материалом, какие бы ни брала отклонения от нормы в типах «кобьяковской» и «скифской» керамики, отыскивая соединительное звено между этими двумя типами, разница между ними остается настолько большой, что исключает возможность развития одного в другой. Налицо качественное различие, которое прослеживается не только в профилировке сосудов, не только в видах орнаментации и ее расположении, но и, что важнее, в технологических приемах изготовления керамики. Это не падение качества, а новое качество³⁸. Если изготовление керамики

³⁷ Т. Н. Книпович, указ. соч., стр. 173—174.

³⁸ Качественно различные этапы существования Елисаветовского городища прослеживаются не только в качественно различных типах керамики, но и, как тонко подмечено А. А. Миллером, в различных принципах образования двух основных культурных слоев — «предскифского» и античного — на городище. «Предскифский» слой толщиной до 1,2 м состоял из песка — «черта, интересная в том отношении, что подобное образование не могло явиться следствием разрушения построек и отложения соответствующих им материалов, привнесенных человеком. Здесь мы имеем картину обратного характера, когда главные причины нарастания почвы следует искать в естественных процессах, культурные же моменты являются лишь формой внедрения в эти процессы отдельных фактов из хронологически параллельной деятельности человека» (А. А. Миллер, указ. соч., стр. 88). В античном поселении, как это отмечено выше, образование слоя, наоборот, связано с разрушением старых и сооружением новых построек и носит таким образом искусственный, а не естественный характер. Нельзя не считать с этой особенностью слоеобразования. Между тем в рассматриваемой работе Т. Н. Книпович основным доказательством непрерывности развития Елисаветовского городища является то, что обломки керамики античного времени встречаются в верхней части «предскифского» слоя, а обломки керамики «кобьяковского» типа — в нижних частях античного слоя. И те и другие рассматриваются как естественные компоненты соответствующих слоев. В действительности здесь налично явное перемещение керамического материала из одного слоя в другой, явившееся следствием строительной деятельности в античное время.

поздней бронзы предполагает наличие определенных групп населения, овладевших определенным минимумом специальных навыков, то лепная керамика античного времени должна быть характеризована как продукция домашнего производства, обеспечивающая нужды одного хозяйства или небольшой группы хозяйств. Другими словами, керамика «предскифского» типа — это продукция в известной мере уже обособившейся отрасли общинного хозяйства, еще не знающей гончарного круга, в силу чего она выступает как единственный и качественно более или менее однородный вид керамической продукции, лепная керамика античного времени — продукция домашнего производства народа, уже владеющего гончарным кругом, в связи с чем обособившаяся и имеющая вспомогательное, дополняющее значение по отношению к ремесленному, с применением гончарного круга, производству.

Т. Н. Книпович рассматривает лепную керамику античного времени как результат воздействия внешнего экономического фактора — внедрения греческого керамического импорта в среду «местного» «имущественно обеспеченного» слоя населения. В случае правильности такого вывода мы имели бы важный критерий для определения социального положения различных групп населения. Зная, что лепная керамика в сочетании с греческой круговой является признаком «имущественно обеспеченного слоя» и последовательно распространяя этот критерий на все открываемые нами объекты, мы могли бы прийти к выводу об отсутствии имущественно обеспеченных слоев «местного» населения.

Представим противоположный вариант: лепная керамика — принадлежность «местной» незажиточной части населения. Но в таком случае возникает вопрос: почему внедрение античного импорта в среде туземной аристократии привело к качественному изменению керамического производства всего общества? И, наконец, если изменение керамического типа происходит под воздействием внешнего фактора, а фактор этот для различных районов и качественно и количественно мог быть неоднородным, следовательно, неодинаково могло быть и его воздействие, — то в результате изменения должны были создаться локальные варианты нового керамического типа. Между тем исследователи подчеркивают поразительное единообразие керамического типа на всей степной территории Северного Причерноморья³⁹.

Создается впечатление, что лепная керамика «скифского» типа — качество, сложившееся в рамках одной экономической

³⁹ См., напр., Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, стр. 70—71.

и этнической общности под воздействием внутренне присущего ей экономического фактора, в частности определенных производственных достижений, овладения гончарным кругом. Тем самым не исключается, однако, что в другой экономической и этнической общности при тех же условиях могли выработаться близкие или даже аналогичные формы материальной культуры.

Возникает вопрос: кто является носителем лепной керамики «скифского» типа? Местное общество, сохранившееся здесь от эпохи бронзы? Но этого общества мы в колониционный период не имеем. Допустим даже, что оно качественно преобразовалось, но и в этом преобразованном обществе не прослеживается овладение гончарным кругом, существованием которого обусловлено появление указанной лепной керамики. Может быть, скифское общество? Но хотя материальная культура собственно скифов не выяснена достаточно отчетливо, в ней нет гончарного круга, что вполне объяснимо: гончарный круг — завоевание оседлого населения на определенном этапе его развития. Остаются греки, однако на сей счет существует твердое мнение, что им керамика «варварского» облика принадлежать не может, поскольку они знакомы с гончарным кругом⁴⁰. Последняя посылка вновь возвращает нас к исходным позициям. Итак, могли ли иметь греки лепную керамику, и если могли, то какими данными для доказательства этого мы располагаем?

Отметим, что сосуществование обоих видов керамического производства — лепного и кругового — представляет собой естественное явление в обществе с недостаточно развитым товарным производством. Этнографически это хорошо засвиде-

⁴⁰ Н. В. Пятыхева, например, в рецензии на том «Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху» (СА, № 3, 1959, стр. 259) пишет по поводу статьи С. И. Капошиной «О скифских элементах в культуре Ольвии»: «Автор считает, что влияние местного населения сказалось в Ольвии и в употреблении в быту горожан «скифской» керамики. По нашему мнению, здесь надо усматривать не влияние, а самый факт наличия варварских элементов в числе городских жителей. Лепная керамика принадлежала только им, а отнюдь не грекам, которые и для кухни лепную посуду не употребляли и тем более не делали». В данном случае Н. В. Пятыхева выражает наиболее распространенную точку зрения. Противоположное этому мнению высказано Д. П. Каллистовым и С. В. Киселевым: лепная посуда «могла употребляться... для кухонных нужд в любом греческом доме просто потому, что посуда эта была дешевле всякой другой и вполне отвечала своему несложному назначению. С этой точки зрения очень характерно, что преобладающей формой местной посуды является горшок, т. е. сосуд, наиболее отвечающий нуждам кухни» (Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 52); С. В. Киселев отмечает, что не меньше, чем в городах Северного Причерноморья, количество лепной керамики находят и при раскопках в метрополии (Рецензия на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья», ВДИ, № 3, М., 1948, стр. 120).

тельствовано⁴¹. Такое сосуществование должно рассматриваться как закономерная переходная ступень от общества с натуральным типом хозяйства к обществу с развитым товарным производством. Гончарство, как и другие ремесла, вырастает из домашнего производства, являющегося дополнением к земледельческому крестьянскому хозяйству⁴².

Греческое общество, которое в трудах буржуазных историков-модернистов оказывается слепленным по модели капиталистического товарного общества, на самом деле сохраняет множество реликтов натурального хозяйства. Напомним хотя бы, что женщина классического периода немногим ушла вперед от Пенелопы гомеровского времени; как и последняя, она не мыслится без ткацкого станка, а ведь ткачество требует не меньше технических навыков, чем лепка горшков. С этой точки зрения наличие домашних форм изготовления керамики в греческом обществе вполне допустимо.

В лепной керамике античных городов и поселений Северного Причерноморья, безусловно, преобладают формы, функционально связанные с приготовлением пищи. Это чаще всего горшки, закопченные от длительного пребывания на огне. Лепная посуда — это главным образом кухонная посуда, — факт, справедливо отмечаемый исследователями. С другой стороны, по крайней мере для раннего времени, мы мало знаем среди греческой круговой керамики форм кухонной посуды. Количество ее для раннего времени чрезвычайно незначительно, оно увеличивается в классический и, особенно, эллинистический периоды. Исходя из того, что лепная керамика — это керамика варваров, можно бы вывести следующую закономерность: в противоположность «местному» населению приготовление горячей пищи не имело распространения среди греков архаической поры и внедрялось постепенно под влиянием местной среды. Можно, однако, допустить и другое: наряду с круговой, сравнительно дорого стоящей керамикой, у греков была распространена и лепная керамика, используемая главным образом для кухонных целей.

Сосуществование лепной и круговой керамики зафиксировано и для территории Греции. Г. Е. Милонас⁴³ отмечает, например, что в Олинфе простая грубая керамика составляет весьма значительный процент всей посуды. В доперсидский период преобладают сосуды лепного производства, но наряду

⁴¹ Из последних работ см. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.

⁴² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285—291. Краткую характеристику эволюции гончарного производства на примере Средней Азии см.: Е. М. Пещерева, указ. соч., стр. 373 и след.

⁴³ См. David M. Robinson. Excavations at Olinthus, t. V, Baltimore, 1933, стр. 18.

с ними много и круговой посуды. Лепная керамика существует в Олинфе и в классический период. Среди опубликованных светильников Олинфа один лепной светильник интересен своей угловатой прямоугольной формой⁴⁴.

Аналоги лепной керамики Березани из Сатириона в Италии.

Хотя и чрезвычайно редко, но публикации керамической продукции ручного производства метрополии просачиваются все же в периодические зарубежные издания. Это главным образом мелкие сосуды-киафы⁴⁵, кубки, кувшинчики⁴⁶. Карлом Леманом⁴⁷ опубликован ряд лепных кубков из находок

⁴⁴ См. David M. Robinson. Excavations at Olinthus, t. V, Baltimore, 1933, стр. 18, табл. 197, 11.

⁴⁵ См., напр., в ПРАКТИКА, 1925—1926, ΑΘΗΝΑΙΣ. Изд. 1929, стр. 145.

⁴⁶ См. I. L. Caskey and Amandy. Investigations at the Heraion of Argos. Hesperia, т. XXI, № 3, 1952, стр. 165; Κ. ΚΟΥΡΟΥΝΙΩΤΟΥ, ΤΟ ΕΝ ΒΑΣΣΙΑΣ ΑΡΧΑΙΟΤΕΡΟΝ ΙΕΡΟΝ ΤΟΥ ΑΠΟΛΛΩΝΕΩ, ΑΕ, ΑΘΗΝΑΙ, 1910, стр. 298, рис. 15 и др.

⁴⁷ См. Karl Lehmann. Samothrace: fifth preliminary report. Hesperia, т. XXI, № 1, 1952, стр. 35; табл. 9, а—d.

Самофракийского святилища. Леман, впрочем, относит их к «местному» производству и видит в этом выражение совместного почитания божеств греками и туземцами.

Не является специфической и столь характерная для «скифской» керамики орнаментация. Орнаменты из налепных валиков с вдавлениями и зашипами, с насечкой по краю сосуда находят близкие аналогии в Санта Севера (Италия), где «грубые» (gozzo) сосуды идут, в частности, в сопровождении чернофигурной и краснофигурной керамики⁴⁸. Керамика с подобной орнаментацией и близкими северочерноморским формами сосудов известна также и из Сатириона (Италия)⁴⁹. Орнамент пальцевыми вдавлениями на «грубой» керамике (например, на оссуариях)⁵⁰ сохраняется в Италии и в более позднее время. Мы далеки от мысли на основании подобного сходства или тождества усматривать здесь и этническое тождество. Речь идет прежде всего о возможной конвергентности развития тех или иных элементов материальной культуры, диктующей необходимость при этнической атрибуции исходить из совокупности признаков, а не из какого-либо одного признака.

При оценке лепной керамики Северного Причерноморья необходимо учесть удаленность этого района от греческой метрополии с ее несомненно более развитым ремесленным производством, имеющим вековые традиции. В Причерноморье сохранилось больше элементов натурального хозяйства, и распространение керамики домашнего производства в таких условиях должно было приобрести большие масштабы, чем в метрополии.

Можно также указать, что грань между типами лепной и круговой керамики весьма условна. Некоторые типы лепной керамики имеют близкие аналогии в греческой круговой керамике, некоторые типы круговой явно ведут свое происхождение от лепной керамики. Это было отмечено еще Т. Н. Книпович⁵¹ и рассматривается обычно как показатель взаимных этнических влияний, но может рассматриваться и как показатель принадлежности обоих видов керамики одному народу. Не единичны также находки лепных сосудов с греческими граффити, нанесенными иногда по сырой глине, что дает прямые указания на изготовление или, в крайнем случае, на использование такого сосуда греком.

И, наконец, отметим, что находки лепной керамики в чисто греческих комплексах, многочисленное фиксирование их в бесспорно греческих сооружениях не оставляют сомнений в том, что эта керамика играла значительную роль в обиходе грече-

⁴⁸ См. Atti, т. XIII, 1959, стр. 240, рис. 85.

⁴⁹ Там же, т. XVIII, 1964, стр. 205, рис. 21; стр. 206, рис. 22.

⁵⁰ Там же, т. VII, 1953, стр. 6, рис. 4.

⁵¹ См. Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа II, стр. 136 и след.

ского населения. В 1960 г. на Березани, например, лепная керамика была обнаружена в детском кремнированном захоронении, а кремация в данном случае указывает только на греческий этнос.

В литературе, и особенно в устных высказываниях советских исследователей, иногда проводится мысль о доминировании в поселениях степной Скифии лепной керамики над другими видами керамики. Так, Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова в неоднократно приводимой работе подчеркивают, что «основной материал поселений типа Обиточной 12 и Широкой балки — лепная керамика», что «за исключением поселения у Широкой балки под Ольвией, во всех остальных населенных пунктах этого типа есть только немногочисленные обломки греческих амфор»⁵². Эта же мысль со ссылкой на С. И. Капошину высказана в отношении Викторовки 1 Я. В. Доманским⁵³. Дело обстоит не совсем так. Поселений раннекифского времени, в частности в районе Нижнего Побужья, открыто уже немало. Они дают вполне отчетливую картину преобладания греческой, как импортной, так и изготовленной на месте керамики. Правда, ученые часто не принимают во внимание амфорную тару на том основании, что она имеет крупные размеры и дает большое количество обломков, однако это вряд ли правильно: амфорная тара — также элемент культуры, которым нельзя пренебречь, к тому же лепные сосуды часто имеют крупные размеры и соответственно дают значительное количество черепков.

Обращаясь к работе исследователя Широкой балки-поселения, к которому апеллируют Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, мы встречаем свидетельство противоположного характера: менее многочисленную группу, чем кружалная, составляет лепная керамика⁵⁴. Аналогичные данные относительно других поселений Нижнего Побужья приводит в своем обстоятельном исследовании С. И. Капошина⁵⁵. Керамический комплекс од-

⁵² Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, стр. 68, 70. Ср. Ф. М. Штигельман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА. № 50, М., 1956, стр. 265—266; Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 182 и след. Хотя Т. Н. Книпович и полагает, что в преобладании лепной керамики Елисаветовское городище занимает исключительное по сравнению с другими поселениями положение, все же ее выводы в отношении его не вполне бесспорны: следует принять во внимание наличие мощного догреческого слоя, который в общих статистических подсчетах, несомненно несколько искажает картину; далее, как следует из работы Т. Н. Книпович (стр. 183), здесь применен был прием «за вычетом амфорных обломков» (см. там же, таблицу находок, стр. 198—199).

⁵³ Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья, стр. 33.

⁵⁴ См. Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки, стр. 120.

⁵⁵ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 244.

ного жилища на поселении Викторовка 1 дал следующее соотношение видов керамики (исключая амфоры): кружалной посуды, в том числе импортной, — 575 обломков; лепной посуды — 401 обломок, в том числе два обломка лепной миски, что дало, кстати, возможность С. И. Капошиной сделать вывод: «Почти полное отсутствие лепных мисок и многочисленные находки серых лощенных мисок, а также сероглиняных кувшинов, сработанных на гончарном круге, вероятнее всего в Ольвии, заставляют считать, что столовой посудой служила керамика, изготовленная на гончарном круге»⁵⁶. Сходную картину дал и культурный слой поселения у с. Днепровского (бывш. Сары-Камыши), где преобладает амфорная тара, затем сероглиняная кружалная керамика, далее — привозная. Лепной керамики, как отмечает С. И. Капошина, оказалось очень немного. Не менее любопытно соотношение видов керамики в поселении Лузановка (V—III вв. до н. э.). На одном из участков здесь, за вычетом амфорных обломков, было найдено 472 обломка кружалной и 410 обломков лепной посуды. В 1930 г. здесь из общего количества (6000 обломков) посуды 89% составила амфорная тара, 7 — лепная и 4% прочая посуда.

Внимательное изучение материала поселений Нижнего Побужья дало возможность С. И. Капошиной сделать выводы, неоднократно ею подчеркиваемые: «Многочисленные открытые в Нижнем Побужье поселения античной эпохи сходны друг с другом... Керамический материал в этих поселениях всюду смешанный — привозной и местный, при преобладании простой краснойглиняной и сероглиняной керамики (за вычетом амфор), изготовленной на гончарном круге. Лепная керамика не доминирует над керамикой гончарной»⁵⁷.

В то же время С. И. Капошина отмечает, что в поселении Викторовка 1 лепная керамика представлена в значительно большем количестве, чем в Ольвии⁵⁸. Этот же вывод можно с полным основанием распространить и на другие поселения Нижнего Побужья, он применим и к поселениям Боспора, где количество лепной керамики возрастает по мере удаления от городов⁵⁹. В этом нет ничего странного. Здесь не обязательно усматривать возрастание количества «местного» населения по сравнению с греческим в более удаленных от городов районах. По-видимому, мы имеем дело с причиной экономического порядка, с различной степенью натурализации хозяйства этих поселений. Естественно, что в ближе расположенных к городам

⁵⁶ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации..., стр. 244.

⁵⁷ Там же, стр. 247; ср. стр. 244, стр. 249.

⁵⁸ Там же, стр. 244.

⁵⁹ Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА. № 25, М.—Л., 1952, стр. 250.

поселениях товарность хозяйства должна быть больше, связь с городом и с городской культурой ощутимее. Таким образом, если статистический подсчет соотношения различных групп керамики и не дает материала для выяснения этнического характера этих поселений, все же вырисовывается отчетливая картина соотношения городской и сельской культуры, роста противоположности между городом и деревней.

Итак, второй вид археологических источников — лепная керамика — не противоречит высказанному нами положению о принадлежности рассматриваемых поселений Северного Причерноморья в преобладающей массе греческому населению. Лепная керамика — необходимый составной элемент материальной культуры этого населения, являющийся показателем натуральности его экономики. Она существует на всех этапах северопричерноморской античной цивилизации и разделяет с последней ее судьбу. Имея самобытные истоки, идущие из глубины веков, она вместе с тем с ранних этапов греческой причерноморской цивилизации выступает как вспомогательная, дополняющая группа керамической продукции и подвержена общим с нею эволюционным закономерностям. Этой двойственностью ее природы — генетической самобытностью и зависимостью от кружалной керамики — определяется ее промежуточное положение между варварством и цивилизацией. В ее сущности — варварское прошлое цивилизации и цивилизованное будущее варварства. Отсюда понятна противоречивость мнений относительно этнической принадлежности этой группы материальной культуры, являющаяся отражением объективной противоречивой сущности лепной керамики, и важность ее изучения для познания этнической, а вместе с тем и экономической, социально-политической истории Северного Причерноморья в античную эпоху.

Погребальный обряд

Погребальный обряд может рассматриваться как один из важнейших этнических признаков. Он является выражением идеологических представлений определенной этнической общности на данном этапе ее развития и слабо подвержен изменениям. Последние проявляются позднее, чем изменения в материальной и духовной культуре. Поэтому в погребальном обряде наряду с новым всегда есть устойчивые элементы старого.

Более детальное рассмотрение погребального обряда в колонизационной полосе Северного Причерноморья будет дано в связи с вопросом о населении античных городов. Здесь уместно остановиться на нем лишь для выяснения этнического характера рассматриваемых поселений Нижнего Побужья.

Погребений, соответствующих раннему этапу колонизации,

в степной полосе вне районов колонизации чрезвычайно мало, — факт сам по себе весьма красноречивый, отнюдь не свидетельствующий о густой заселенности^{57'}. В Нижнем Побужье достаточно хорошо исследованы некрополи Ольвии и Березани. Два могильника, расположенные в отдалении от берегов (у с. Анновки в верховьях р. Березани и у с. Владиславовки в верховьях Тилигула), ввиду их слабой изученности не могут рассматриваться. В настоящее время можно оперировать материалами исследованного М. Эбертом Марицынского могильника^{57''}, локально и хронологически делящегося на две части: могильник у д. Аджиголь, где преобладают погребения второй половины VI—V вв. до н. э., и могильник у д. Петуховки, основная масса погребений которого относится уже к эллинистическому времени. Каждой из этих частей присущ свой погребальный обряд. В то же время нетрудно заметить, что при рассмотрении обеих частей Марицынского могильника в их связи очень логично воспроизводится развитие погребального обряда, характерного для греческих некрополей Северного Причерноморья: грунтовая могила, часто с деревянным покрытием и деревянным полом, безраздельно господствующая в VI—V вв., сменяется в конце V—IV вв. подбойной могилой с сырцовыми, каменными или амфорными захладами; дальнейшим развитием типа могильных сооружений является земляной склеп III в. до н. э. (I L) со стрельчатым входом, заложеным сырцовыми кирпичами и укрепленным наружными контрфорсами из глины с соломой. Благодаря этому Марицынский могильник можно рассматривать как единый памятник, с единой, развивающейся во времени обрядностью, носящий с момента его возникновения ярко выраженный эллинизованный характер. Значительную эллинизацию населения, оставившего после себя Марицынский могильник, отмечает и И. В. Яценко, которая классифицирует его как скифский памятник^{59'}. Ею, однако, не учтено то обстоятельство, что эллинизация — процесс постепенный и эта постепенность неизбежно должна бы была сказаться в материалах могильника, дав нам последовательный ряд нарастающей грецизации культуры. Ничего подобного в могильнике не прослеживается. Уже наиболее ранние погребения его дают устойчивое сочетание определенных элементов греческой обрядности. Тщательный анализ материалов могильника позволил И. В. Яценко сделать ряд интересных выводов, на которых мы и остановимся⁶⁰.

^{57'} Последняя сводка памятников этого рода дана в работе И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э., стр. 36 и след.

^{57''} См. Max Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Praehistorische Zeitschrift, V, 1913.

^{59'} См. И. В. Яценко, указ. соч., стр. 81.

⁶⁰ Там же, стр. 45—49, 71—72, 81.

Среди раскиданных по всей территории степной Скифии скифских погребений Марицынский могильник представляет очень своеобразное явление. В то время как на остальной территории скифские погребения раннего времени, как правило, расположены поодиночке, не создают курганных групп, а, наоборот, впускаются в уже существующие курганы эпохи бронзы (Никопольский и Белозерский могильники принадлежат более позднему времени), здесь уже со второй половины VI в. до н. э. возникает курганный могильник с основными погребениями.

Раннеантичные курганы Марицынского могильника невысоки: от 0,75 м до едва заметных возвышенностей. Каждый из них содержит по одному основному захоронению в прямоугольной яме. Ориентировка ям широтная. Костяк находится в вытянутом, положении, на спине, головой на восток. Как отмечает И. В. Яценко, восточная ориентация погребенных специфична для Марицынского могильника. В других районах степной полосы господствует западная ориентация. Восточная ориентация характерна для греческих некрополей, хотя и там она не всегда соблюдалась; восточную и северо-восточную ориентацию имеет, например, подавляющее число березанских погребений.

Марицынский могильник резко выделяется среди скифских погребений степного Причерноморья по составу инвентаря погребений. Богато представлен греческий импорт: амфоры, чернолаковая и чернофигурная керамика, бронзовые черпаки, ситечко, зеркало, украшения и т. д. Из орудий труда, характеризующих земледельческий быт поселенцев, имеются зернотерка, серп, коса. В кургане 1U найдено две половинки формы для отливки бронзовых блюшек в зверином стиле и одна половинка литейной формы с полуцилиндрическим углублением. Неоднократно находки ткацких пряслиц. Нигде не прослежено, в отличие от других территорий Скифии, следов мясной напутственной пищи. Отсутствуют принадлежности конской уздечки, столь характерной для скифских захоронений.

Правда, в насыпях трех курганов Марицынского могильника были обнаружены погребения людей и конские скелеты. Три человеческих костяка и скелет лошади находились в насыпи кургана 1J, два конских скелета в сильно потревоженном состоянии — в насыпи кургана 1U, один конский скелет — в кургане 1S. Однако принадлежность их к основным захоронениям крайне сомнительна. Человеческие костяки кургана 1J безынвентарные, залегают на ничтожной глубине (0,30 м от поверхности почвы) и не связаны с основным захоронением. Так же обстоит дело и с конскими скелетами. Как убедительно доказала И. В. Яценко, «нельзя определенно и безоговорочно связывать впускные погребения указанных двух курганов (1J и 1U — В. Л.) с основными и считать их одновременными, как

об этом иногда говорится в литературе»⁶¹. Конский скелет в кургане 1S с разрушенным античным погребением обнаружен на глубине 0,60 м; на этой же глубине рядом с ним обнаружено средневековое погребение человека, что позволяет и остальные впускные погребения отнести к позднему времени.

В инвентаре мужских погребений могильника, как правило, имеются предметы вооружения — мечи, наконечники стрел, копий, колчаны. Наиболее полный комплекс оружия представлен в погребении кургана 1G: железный меч и панцирь, колчан со стрелами и два копья. Предметы вооружения часто встречаются в погребениях, определяемых как скифские, но они же не менее характерны и для греческих некрополей, особенно в раннее время. Нельзя не отметить, что комплекс наконечников стрел из погребения 1G весьма специфичен и поразительно однороден: из 377 экземпляров 373 относятся к типу башнеобразных, преимущественно с внутренней (238), реже со слегка выступающей (135) втулкой⁶². Как отмечает А. И. Мелюкова, наконечники стрел этих типов имеют ограниченное распространение. Кроме Марицынского и Ольвийского некрополей они представлены значительным числом экземпляров только в курганах у сел Лихачевки, Деревки, Жовнина⁶³. Дает такие наконечники и культурный слой Березанского поселения. Набор стрел, таким образом, вновь сближает Марицынский могильник с Ольвией и Березанью.

Погребение 1G дало и такую находку, которая не может быть пока связана с греческой материальной культурой — два больших и узких бронзовых ножа, лежащих в определенном (по-видимому, ритуальном) порядке. Подобные ножи, находимые, как правило, парами, известны еще из четырех пунктов и связываются со скифскими погребениями. Место их в скифском культе и в скифском погребальном обряде ввиду немногочисленности находок для нас неясно, так же как неясна их роль в погребальном обряде населения, оставившего Мари-

⁶¹ И. В. Яценко, указ. соч., стр. 46, 78—79.

⁶² Пользуемся классификационной системой, данной А. И. Мелюковой в ее фундаментальной работе (Вооружение скифов. — Свод археологических источников, вып. Д1—4, М., 1964). При определении типов стрел (9-й и 10-й второго отдела, по А. И. Мелюковой) мы придерживались также классификации М. Эберта (указ. соч., стр. 12) с прекрасно выполненной таблицей типологического ряда (там же, стр. 17, рис. 1, 4). Это привело нас к серьезным расхождениям с А. И. Мелюковой: варианты *a* и *b* (по Эберту), мы считаем правильно отнести к типу 9-му второго отдела классификационной системы А. И. Мелюковой, а не к типу 5-му, в который она их выделяла, варианты *e*, *f*, *g* — в тип 10-й второго отдела, а не в тип 3-й второго отдела и тип 2-й третьего отдела. Основанием для этого является более или менее отчетливо выраженный перелом на лопастях стрел, а не дугообразные грани, что и дает возможность отнести их к стрелам с башенными, а не стрельчатыми очертаниями лопастей.

⁶³ См. А. И. Мелюкова, указ. соч., стр. 22.

цынский могильник. При анализе материалов могильника мы не можем сбрасывать со счетов эту находку, но не можем и придавать ей какое-то самодовлеющее значение ввиду ее единичности и исключительности. В целом же в обряде погребения, в погребальных сооружениях и в инвентаре погребений Марицынского могильника резко выявляются его греческие черты, отличающие его от скифских погребений того же времени.

Для доказательства скифской принадлежности Марицынского могильника иногда привлекаются антропологические материалы, полученные в процессе его раскопок. Материалы эти неоднократно являлись предметом исследования со стороны антропологов. Краткое изложение истории вопроса с приведением мнений антропологов дано С. И. Капошиной⁶⁴. Разнобой в интерпретации палеоантропологического материала Марицынского могильника в значительной степени обусловлен историческими концепциями исследователей. А. Шлиц и К. Стояновский верят в симбиоз ольвиополитов и скифов и находят в могильнике греческий и скифский элемент. Г. Ф. Дебеч, полагая, что Марицынский могильник располагается на территории расселения скифов-кочевников, соответственно находит здесь скифов. Г. Ф. Дебеч справедливо отмечает серьезные неточности, содержащиеся в краниологических измерениях Шлица. Вместе с тем он сам в какой-то степени допускает неосторожность, рассматривая краниологический материал недифференцированно, как равноценный во всех его частях и одинаково относящийся к скифскому этносу. Таким образом, в разряд скифских у него попадают даже черепа костяков, обнаруженных в насыпи кургана I J, по-видимому, поздних, средневековых, как указывалось выше; это не более правильно, чем отнесение тех же черепов Шлицем к первому, средиземноморскому, типу. Далее, поскольку истина выявляется в сравнении, Г. Ф. Дебечем наряду с краниологическим материалом, который он определяет как скифский, следовало привлечь и греческий материал из некрополей Северного Причерноморья; ведь насколько бы ничтожное значение ни придавалось исследователями греческому элементу, все же абсолютно игнорировать его нельзя, так же как нельзя игнорировать и то обстоятельство, что греческое население здесь в эпоху крушения античного мира не исчезло бесследно и в какой-то мере участвовало в складывании современных народов Восточной Европы. Между тем в фундаментальном труде Г. Ф. Дебеца⁶⁵, содержащем громадный фактический и сравнительный материал, греческий компонент совершенно не учитывается.

Наконец, следует сказать, что при определении этноса на-

⁶⁴ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации... стр. 250—251.

⁶⁵ См. Г. Ф. Дебеч. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.

селения, оставившего раннюю часть Марицынского могильника, привлечение палеоантропологического материала может только запутать исследователя, поскольку А. Шлицем (а следовательно, и К. Стояновским и Г. Ф. Дебечем) из материалов могильника у д. Аджиголь исследованы лишь три указанных черепа из кургана I J, атрибуция которых в лучшем случае спорна. Если же оперировать всем этим материалом недифференцированно, реконструируя на основании более поздних более ранние, то нельзя же совсем отвлечься и от археологических фактов. А ведь последние весьма красноречивы. Возьмем, к примеру, находки монет. Всего в Марицынском могильнике (точнее, у д. Петуховки), найдено 11 медных монет и один дельфинчик. Их положение как «оболов Харона» несомненно. Обряд положения покойному «обол Харона», связанный с определенным специфическим кругом религиозных представлений греков, никак не свойствен скифскому обществу с его натуральной экономикой. Наличие монет в погребениях Петуховского могильника и отсутствие их в Аджигольском может быть истолковано в пользу разнотичности этих могильников. Однако объяснение естественней искать в факторе хронологическом. Обряд положения «обол Харона» более характерен для времени развитого товарного и денежного обращения. В архаических некрополях находки «оболов Харона» вообще редки. Поэтому не случайно, что и в единственном твердо датированном раннем погребении у д. Петуховки «обол Харона» также отсутствовал.

Но, встречаем мы возражение Г. Ф. Дебеца, Марицынский могильник — это курганный могильник, обряд же погребения в курганах грекам не свойствен⁶⁶. Однако эта его посылка весьма ненадежна, поскольку не только одиночные курганы, но и целые курганные группы имеются в некрополях как греческих городов Северного Причерноморья, так и греческой метрополии, особенно в Малой Азии. В Северном Причерноморье эта черта греческого погребального культа, правда, сохраняется на весь период существования греческих городов, в то время как в метрополии наблюдается постепенное исчезновение обычной сооружения курганов.

В этом нет ничего противоречивого. Консервация греческих элементов культуры, длительное их переживание, сохранение реликтов представляют характерную и закономерную особенность античных городов Северного Причерноморья. Они объясняются, по-видимому, территориальным и культурным отрывом от метрополии, в результате чего последующее после отрыва развитие античной периферии происходило более или менее самостоятельно и имело свои локальные особенности. В лите-

⁶⁶ См. Г. Ф. Дебеч. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 160.

ратуре они часто рассматриваются только как результат влияния другой этнической среды. Между тем сопоставление синхронных культурных явлений Северного Причерноморья и метрополии, вполне законное в отношении раннего периода, для последующих времен должно производиться с учетом самостоятельного развития греческой периферии.

На основании рассмотренного создается впечатление о греческом этносе населения, оставившего Марицынский могильник.

Несколько общих вопросов колонизации

Изучение данных письменной традиции и накопленного к настоящему времени археологического материала дает возможность пересмотреть ставшее общепринятым положение об обитании в непосредственном соприкосновении с Ольвией скифских племен. Этим не снимается вопрос о скифах вообще, скифах Побужья и Поднепровья в частности. Речь идет лишь о правильной локализации этих племен, о приведении существующих ныне карт Геродотовой Скифии в соответствие с накопленным конкретным материалом. Возможно, где-то выше Николаева и к востоку от Буга, где выявятся своеобразные, не находящие аналогий в районе Ольвии, черты материальной культуры, найдут свое место и упоминаемые Геродотом калипиды, алазоны, скифы-пахари. Тогда получат иное освещение и данные Протогеновского декрета, в котором не упоминается ни одного племени, проживавшего оседло вблизи Ольвии; наоборот, все племена, упоминаемые здесь, кочевые, и даже саяны (в декрете им более всего посчастливилось) лишь время от времени тревожат ольвиополитов своим появлением. Такова реальная обстановка в Ольвии времен Протогена, таков на деле симбиоз ольвиополитов со скифами. Для раннего времени мы можем говорить об этом с еще большей определенностью.

Последний опыт составления этнической карты Нижнего Побужья принадлежит Я. В. Доманскому, который четко разграничивает здесь две группы поселений⁶⁷. Первая группа (поселения у Закисовой балки, у хуторов Дидова хата, Чертоватое, Петухово) характеризуется, по мнению Я. В. Доманского, чертами греческого происхождения, вторая (северный берег Березани, Широкобалковское, Викторовка 1) — скифскими чертами. В данном случае, однако, хронологический критерий смешивается с этническим, исторически обусловленные различия в этапах развития греческой колонизации — с различиями греков и негреков.

Есть основания признать рассмотренные ранние поселения

⁶⁷ См. Я. В. Доманский. Из истории населения Нижнего Побужья.

в районе Бугского лимана (Широкая балка, Викторовка 1 и др.) греческими, непосредственно связанными с Ольвией своим происхождением, своей экономической и — в какой степени, трудно сказать — политической жизнью. Вырисовывается картина колонизации, противоположная существующей в настоящее время: вместо постепенной диффузии в туземную среду — акт более или менее одновременного, в течение нескольких десятилетий, овладения сравнительно широким районом. В самом деле, сейчас еще затруднительно сказать, какое из двух поселений — Ольвийское или Широкобалковское, — возникло раньше и не возникли ли они одновременно. Возникновение Викторовки 1, а также поселений на косе у с. Черноморки, в нескольких километрах от с. Каборги и на месте г. Очакова не отделено большим промежуток времени от основания Ольвии, возникновение Днепровского — от времени основания Викторовки 1.

Границу расселения греков вверх по Бугу от Ольвии на раннем этапе колонизации определить пока невозможно. Во всяком случае в районе с. Козырки зафиксировано поселение с ранним материалом — обломками пухлогорлых амфор VI—V вв. до н. э., оригинальной амфоркой с угольными ломаными формами, имеющей аналогию в раннем некрополе Березани. На этом же поселении обнаружено и большое количество ольвийских дельфинчиков, в числе которых имеются экземпляры несомненно ранних форм. Находки этих монет на всей территории от Березани до Козырки, монет, которые, судя по их оригинальности, являлись средством внутривопольского обращения, свидетельствуют об общности экономической жизни всех этих поселений.

Освоение греками территории самого города Ольвии представляет в миниатюре освоение ими всего района колонизации. Наиболее древние находки концентрируются здесь не в каком-то одном пункте (именно в районе Нижнего города, где якобы находился первоначально ольвийский эмпорий, послуживший ядром будущего города), а распространяются по всей территории города, в том числе и его верхнего плато. И если о существовании архаического слоя в Нижнем городе мы можем говорить лишь на основании раскопок 1938 г.⁶⁸, то в Верхнем городе он был уже многократно засвидетельствован.

В одновременном освоении всей территории города нас убеждают и особенности его топографии. Даже для начального периода его существования город представляется не иначе как в тех топографических рамках, которые мы устанавливаем для него в период, когда он уже был обнесен оборонительными стенами, в треугольнике, ограниченном с одной стороны бе-

⁶⁸ См. Е. И. Леви. Тетракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. СА, т. VII, 1941, стр. 308—317.

регом лимана, с двух других сторон — балками. И наоборот, размещение первоначального города только в его нижней, предлиманной части противоречит элементарным требованиям безопасности: более удобной ловушки для нападения кочевников не найти. Топография Ольвии V—IV вв. до н. э. не является результатом стихийного разрастания города. Она продумана и определена заранее, еще при начале колонизации. Не противоречит этому и расположение в северной части городища (участок И) архаического некрополя, который в раннее время мог располагаться не только непосредственно за городскими постройками, но и входить в городскую черту.

Исследования Ольвии последнего времени вносят еще один любопытный штрих в картину ее становления. Кроме поселения у Широкой балки, расположенного в 1,5 км к югу от города, следы поселения раннего времени замечены к северу от него на территории виноградника колхоза им. Ленина. По-видимому, остатки поселения имеются и к северо-западу от Ольвии, на окраине с. Парутино, где открыты два пифоса, вкопанных в землю. Объяснить их как принадлежность погребальных сооружений (это территория некрополя Ольвии) нельзя. Культурный слой и архаические полуземлянки открыты в 1964—1965 гг. к западу от Ольвии. Все это дает возможность представить город в процессе становления: на раннем этапе — ряд мелких поселений, группирующихся вокруг одного, более крупного; город еще не оформлен окончательно, оборонительной стены не существует. Завершающий этап оформления города мыслится нами как синонимизм этих поселений.

С меньшей определенностью, чем в районе Нижнего Побужья, экстенсивность и интенсивность расселения греков прослеживается в другом крупнейшем узле колонизации Северного Причерноморья — на Боспоре. Уже в первой половине VI в. до н. э. здесь кроме Пантикалея существуют Нимфей, Мирмекий, немногим позднее возникают Тиритака, Фанагория, еще чуть позднее Гермонасса, Кепы и Корокондама, а также поселение около Запорожского зерносовхоза, которое В. Д. Блаватский предположительно отождествляет с Патрэм⁶⁹.

Объяснение этому явлению применительно к району Боспора дано в трудах С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича. С. А. Жебелев объясняет это тем, что «греки прежде всего стремились создать пункты выгодного торгового обмена с местными племенами, а для этой цели необходимо было иметь поселения, рассеянные по разным местам»⁷⁰. Аналогичное объяснение дает и В. Ф. Гайдукевич: «Стало быть, ионийцы, прежде всего милетцы, стремились в течение первой половины VI в.

до н. э. осесть во многих местах, чтобы вести более широкий торговый обмен с местным населением, чего труднее было достигнуть, действуя из одного-двух населенных пунктов»⁷¹. Изложенное объяснение носит весьма модернизированный характер. Похоже, что в древнем Милете существовало нечто вроде хлебной монополии, планировавшей где, когда и сколько «торговых контор» и «магазинов» (по терминологии дореволюционных авторов) должно быть организовано.

Дело обстоит, однако, не так просто. Это выясняется, когда С. А. Жебелев подходит к вопросу возникновения Боспорского объединения, цель которого, по его мнению, заключается в том, «чтобы иметь возможность успешно развивать экономическую экспансию и не пассивно противостоять окружению «варваров, а, наоборот, активно использовать его в своих интересах. Присущий греческим полисам партикуляризм, узкая их замкнутость были весьма опасны в условиях Боспора Киммерийского, где на сравнительно узкой прибрежной полосе сосредоточилась близко одна от другой целая группа греческих колоний. Действуя вразброд, взаимно конкурируя, они не только не могли обеспечить себе достаточно прочного положения, но, наоборот, ослабляя одна другую, колонии могли в конечном итоге оказаться в зависимости от местных племен. А в случае резкого обострения отношений с ними последствия могли быть еще более плачевными для отдельных колоний-полисов»⁷².

Итак, вместо единства торговых интересов — местный партикуляризм и торговая конкуренция, соответственно этому вместо стремления «рассеяться» в «местной» среде — тенденция к экономическому и политическому сплочению в целях обороны своей независимости. Спрашивается: если отдельный полис не мог отстоять независимости, как ранее ее удавалось отстаивать крошечным факториям? Правильного объяснения причин возникновения Боспорского государства нельзя получить, если подходить к их решению с позиций сторонников «торговой колонизации». Совсем иную и, на наш взгляд, единственно правильную интерпретацию выселения больших масс переселенцев находим у К. М. Колобовой:

«Колония не могла быть малочисленной, ибо колонистам приходилось считаться с возможностью военных столкновений и в пути, и в месте высадки, и в месте поселения. Уже Дистервег, отмечая эту необходимость, брал для аналогии численность колонистов во времена Геродота и Фукидида: 4000 афинских клерухов были посланы, по Геродоту, в землю гипербореев; 10 000 воинов, по Фукидиду, Афины послали для основания ко-

⁶⁹ См. В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, М., 1954, стр. 17 и след.

⁷⁰ С. А. Жебелев. СП, стр. 98.

⁷¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 30.

⁷² С. А. Жебелев. СП, стр. 100.

лоний во Фракии. Таким образом, колонизация требовала определенной количественной нормы. Поэтому для основания всех известных нам колоний, начиная с древнейших Кум, требовалась предварительная подготовка»⁷³.

На указанном сообщении Фукидида⁷⁴ следует остановиться подробнее, так как оно дает и ряд других интересных сведений по истории раннегреческих колоний. Фукидид отмечает троекратную попытку основания колонии в районе Амфиполя: сначала колония во главе с Аристагором Милетским, вытесненная эдонами; 32 года спустя — афинская колония из 10 000 колонистов, истребленных фракийцами при Драбеске, рассматривавшими основание колонии как враждебный акт⁷⁵, и, наконец, через 29 лет после этого — вновь афинская колония, отдаленно не напоминает тех картин мирного сожительства эллинов и варваров, которые рисуют сторонники «торговой колонизации».

Для основания колонии, отмечает Фукидид, афиняне отправлялись от Эиона, который был для них приморским эмпорием, лежащим у устья р. Стримона (HN AYTOI EIXON EMPORION EPI THY STOMATI TOY POTAMOY EPIΘAΛΑΣΣION) и находящимся на расстоянии 25 стадий от Амфиполя⁷⁶. Обычный перевод EMPORION EPIΘAΛΑΣΣION — приморский торговый порт — кажется нам сомнительным. Трудно представить наличие торгового пункта на территории, население которой настроено по отношению к грекам не только враждебно, но и агрессивно, а тем более — его существование в то время, когда и Амфиполь, уже дважды уничтоженный, еще не был в третий раз основан. Эион, естественно, мыслится как приморский пункт, располагающий гаванью и посещаемый кораблями⁷⁷.

Нас могут упрекнуть в слишком вольном переводе слова EMPORION. Как в случае с «эмпорием борисфенитов», так и здесь мы лишаем этот термин обычно придаваемой ему окраски, при этом в первом случае понимаем эмпорий как сравнительно широкую территорию, освоенную и посещаемую греческими мореходами (в том числе и купцами), во втором — как конкретный пункт Эион. Однако, хотя Геродот и Фукидид характеризуют эмпорий идентичными определениями (ΠΑΡΑΘΑΛΑΣΣION Геродота, ΕΠΙΘΑΛΑΣΣION Фукидида), они пользу-

⁷³ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 160. Ср. G. Diesterweg. De jure colonialium Graecarum. Berlin, 1865 (диссертация), стр. 11—12.

⁷⁴ Thuc., IV, 102 и след.

⁷⁵ Thuc., I, 100,3.

⁷⁶ Thuc., IV, 102,4.

⁷⁷ Из Геродота узнаем, что при походе Ксеркса здесь был создан склад провианта (VII, 25); имел крепость, в которой был осужден наместник Ксеркса Бога (VII, 107); в VII, 113 назван ΠΟΛΙΣ, по-видимому, в общем значении этого термина.

ются этим понятием с различной целью: у Геродота это среднее место всей обширной Скифии (ΤΟΥΤΟ ΓΑΡ ΤΩΝ ΠΑΡΑΘΑΛΑΣΣΙΩΝ ΜΕΣΑΙΤΩΝ ΕΣΤΙ ΠΑΣΗΣ ΤΗΣ ΣΚΥΘΙΑΣ), у Фукидида — конкретный пункт, от которого после высадки переселенцы отправляются к месту основания колонии. Поэтому общее, или конкретное, значение ΕΜΠΟΡΙΟΝ вполне оправдано тем, в какой связи это понятие употребляется.

Большой интерес представляет топографическая и экономическая структура Амфиполя немного спустя после его основания, во время нападения на него Брасида. Население не сосредоточено только в самом городе; оно рассеяно и проживает за его пределами по всей местности (ΤΑ ΕΣΩ ΤΩΝ ΑΜΦΙΠΟΛΙΤΩΝ ΟΙΚΟΥΝΤΩΝ ΚΑΤΑ ΠΑΝ ΤΟ ΧΩΡΙΟΝ)⁷⁸. Фукидид нигде не говорит о сельских поселениях вокруг города; возможно, таковых не было, а сельское население было равномерно рассредоточено по всей хоре. Это может быть объяснено ограниченностью территории Амфиполя: размеры колонии определялись излучиной реки, внутри которой она находилась⁷⁹.

Последнее имеет замечание и применительно к районам колонизации в Северном Причерноморье. Ранние полисы не имеют здесь четкой топографической структуры. Города не обнесены еще оборонительной стеной и поселения хоры непосредственно примыкают к ним, иногда почти сливаются с ними (пример: Ольвия—Широкая балка).

Очень интересно еще одно замечание Фукидида: афиняне в колонии проживало немного, большинство же населения было смешанным (ΒΡΑΧΥΜΕΝ ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΕΜΠΟΛΙΤΕΥΟΝ, ΤΟ ΔΕ ΠΛΕΙΟΝ ΕΥΜΜΙΚΤΟΝ)⁸⁰. Несколько выше из предложенных Брасидом условий сдачи мы узнаем, что ΕΥΜΜΙΚΤΟΙ приравниваются к амфиполитам и не смешиваются в правовом отношении с афинянами (ΑΜΦΙΠΟΛΙΤΩΝ ΚΑΙ ΑΘΗΝΑΙΩΝ)⁸¹. Несомненно, что ΑΘΗΝΑΙΟΙ — это те, кто вместе с Гагниом основывали колонию⁸², жили в ней и, следовательно, также должны были бы называться амфиполитами.

Объяснение отмеченному здесь противоречию заключается, по-видимому, в том, что, как и при предшествующей попытке основания колонии, состав колонистов, возглавляемых Гагниом, был смешанным, т. е. наряду с афинянами включал и жителей других полисов (ΣΦΩΝ ΤΕ ΑΥΤΩΝ (ΑΘΗΝΑΙΩΝ) ΚΑΙ ΤΩΝ ΑΛΛΩΝ)⁸³. Афиняне, поселившиеся в Амфиполе, как клерухи продолжали оставаться афинскими гражданами, пред-

⁷⁸ Thuc., IV, 103,5.

⁷⁹ Там же, 102,4.

⁸⁰ Там же, 106,1.

⁸¹ Там же, 105,2.

⁸² Там же, 102,3.

⁸³ Там же, 102,2.

ставители же других полисов составили амфипольскую гражданскую общину. Будучи ойкистами, афиняне пользовались здесь, конечно, преимущественными правами, поэтому их выделение из общего коллектива амфипольцев вполне естественно.

Нечто подобное встречаем мы и у Геродота при характеристике Ольвии. Греки, живущие на правом берегу Гипаниса, напротив святилища Деметры, названы борисфенитами (ΠΕΡΙΝ ΔΕ ΤΟΥ ΠΡΟΥ ΕΠΙ ΤΩΙ ΥΠΑΝΙ ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΑΙ ΚΑΤΟΙΚΗΝΤΑΙ)⁸⁴. Эти же греки самих себя называют ольвиополитами (ΚΑΛΕΟΥΣΙ... ΣΦΕΑΣ ΔΕ ΑΥΤΟΥΣ ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΑΣ)⁸⁵. В то же время борисфениты, живущие в самом городе, называют себя милетянами (ΟΙ ΔΕ ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΑΙ (ΕΣ ΤΟ ΒΟΥΡΥΘΕΝΕΙΤΕΩΝ ΑΣΤΥ — В. Л.) ΟΥΤΟΙ ΛΕΓΟΥΣΙ ΣΦΕΑΣ ΑΥΤΟΥΣ ΕΙΝΑΙ ΜΙΛΗΣΙΟΥΣ)⁸⁶.

Не требует особых доказательств тот факт, что даже для основания одной колонии полис обычно не обходился только своими людскими ресурсами. Города-метрополии были «своими» рода переселенческими центрами, принимавшими и отправлявшими колонистов; и не случайно традиции сохраняют воспоминания об объединенных усилиях двух, а иногда и трех полисов для основания одной колонии⁸⁷. К. М. Колобова отмечает, что «характернейшей чертой в истории всех сицилийских колоний является участие в их выводе разных полисов, родов и племен и в результате пестрый социальный и полисный состав переселенцев. В основании Сиракуз, кроме коринфян, принимали участие аркадяне и элейцы; в основании Леонтин — колонисты из Мегары и Халкиды; в основании Зацклы (позднее Мессины) — куманцы, халкидяне, позже — мессенцы; в основании Гелы — родосцы, критяне, жители мелких островов, соседних с Родосом, и пелопоннесцы»⁸⁸. 12 греческих городов, по свидетельству Геродота, принимали участие в основании Накратиса⁸⁹. В основании Эпидамна, по Фукидиду, кроме керкирян принимали участие (ΕΥΝΩΙΚΙΣΑΝ) некоторые из коринфян и других дорян. Ойкистом колонии был коринфянин Фалий, согласно древним обычаям приглашенный из метрополии Керкиры-Коринфа⁹⁰.

Механизм рождения коллектива колонистов был приблизительно таким, как он рисуется Фукидидом в рассказе о наборе новых колонистов для усиления Эпидамна: корин-

⁸⁴ Нег., IV, 53.

⁸⁵ Нег., IV, 18.

⁸⁶ Нег., 78.

⁸⁷ К. М. Колобова. Из истории греческой колонизации., стр. 160—161.

⁸⁸ Там же, стр. 190.

⁸⁹ Нег., II, 178; К. М. Колобова. Из истории греческой колонизации., стр. 207 и след.

⁹⁰ Thuc., I, 24, 2.

фяне «через глашатаев предлагали всем желающим отправляться в Эпидамн на жительство на равных и одинаковых условиях (ΕΠΙ ΤΗΝ ΕΝΗ ΚΑΙ ΟΜΟΙΑΙ; подразумевается: на равных условиях с прежними жителями.— В. Л.); если же кто не решается отплыть тотчас, но желает все-таки участвовать в колонии, тому предлагалось оставаться в Коринфе, внося 50 драхм залога. Готовых отплыть и вносивших деньги нашлось много»⁹¹.

Обещание «равных и одинаковых (с эпидамнянами) условий» в настоящем случае было продиктовано тяжелым положением, в котором находился Эпидамн — его осадой керкирянами. Поскольку эти условия оговорены особо, можно полагать, что при обычных обстоятельствах примыкающие к выходцам из метрополии переселенцы из других греческих полисов, даже при условии денежного взноса, не обладали всеми правами первых. Если представители этой категории переселенцев прибывают в колонию уже спустя какое-то время после ее основания, некоторое ограничение их в правах по сравнению с уже живущими здесь колонистами можно предполагать с еще большим основанием. Поэтому к двум основным категориям свободных жителей колоний (ΠΟΛΙΤΑΙ и ΞΕΝΟΙ или ΜΕΤΟΙΚΟΙ) естественно прибавить еще одну — ΕΥΜΜΙΚΤΟΙ. По-видимому, категория ΕΥΜΜΙΚΤΟΙ не может быть полностью отождествлена и с метеками.

Есть основания в категории симмиктов Фукидида видеть миксэллинов протогеновского декрета, т. е. именно смешанных эллинов, а не эллинов, смешанных со скифами.

Иногда возражают, что эллины, как их ни мешай, всегда останутся эллинами, — аргумент ни в коей мере не убедительный. Жители колоний, несомненно, отличали первых поселенцев и их потомков, прибывших из метрополии, от переселенцев из других городов и, особенно, явившихся сюда позднее.

Н. В. Шафранская, на наш взгляд, убедительно доказывает, что миксэллины декрета в честь Протогена — категория социальная⁹². Н. В. Шафранская полагает, что ни один античный автор не называл смешанные племена миксами; для этого употреблялись термины двойного этника. По-видимому, даже термин ΜΙΞΟΒΑΡΒΑΡΟΣ нельзя понимать в смысле физического смешения, а скорее в социальном смысле. Трудно лишь согласиться с тем, что в ольвийских миксэллинах следует видеть отряд наемников. Даже в «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома, относящейся к тому времени, когда наемничество действительно получило широчайшее распространение в античном мире, нет никаких намеков на то, что такой наемнический отряд существовал и в Ольвии. К тому же миксэллины декрета Протогена характеризуются как союзники

⁹¹ Thuc., I, 27, I.

⁹² Н. В. Шафранская. О миксэллинах, стр. 37—48.

Ольвии (ΤΟΥΣ ΕΝ ΤΩΙ ΠΡΟΤΕΡΩΙ ΠΟΛΕΜΩΙ ΣΥΜΜΑΧΗΣΑΝ- ΤΑΣ ΕΝ ΤΗΙ ΠΟΛΕΙ) в предыдущей войне. По-видимому, гораздо больше оснований предполагать в миксэллинах катэ- горию, близкую метекам, — группу эллинов, прибывших сюда из разных греческих метрополий (и ΜΙΞ, и ΜΙΓΝΥΜΙ необяза- тельно понимается как физическое смешение), живущих на границах ольвийского полиса и не входящих в ольвийскую гра- жданскую общину.

В качестве последнего примера, иллюстрирующего механизм основания колонии, воспользуемся превосходным сообщением Ксенофонта. Во время известного отступления отряда грече- ских наемников Ксенофонту дважды приходила мысль основать новый город⁹³. Первая попытка основать город не удалась из-за отказа большинства солдат. О второй попытке Ксенофонт не пишет, но обстоятельное описание Кальпийской бухты не оставляет на этот счет никаких сомнений⁹⁴.

Отметим, прежде всего, что город, который предполагалось основать, мыслится здесь как производящий центр, а занятия его жителей — как трудовая деятельность: сельскохозяйствен- ная (подробно описываются условия для занятия сельским хозяйством), ремесленная или промысловая (например, нали- чие леса позволяло наладить его заготовку и обработку). Прот- яженность пригодной для земледелия территории в возвышен- ной части полуострова (ΓΕΩΔΕΣ ΚΑΙ ΑΛΙΘΟΝ) довольно зна- чительна: около 4 км. Не исключались, конечно, и возможности прямой или косвенной эксплуатации населения прилежащей к полуострову местности, а также товарного обмена с этим населением. Однако в основе замысла было создание производ- дящего центра. Именно перспектива возврата к производитель- ному труду явилась препятствием для основания здесь города. Значительная часть солдат из отряда наемников давно утра- тила связь с землей и превратилась в деклассированную массу. Социальной же основой города могли стать только массы земледельцев и ремесленников.

Ксенофонт не дает здесь непосредственно количественную норму людей, необходимых для основания города. Однако если бы он считал возможным сделать это с частью отряда, то несомненно попытался бы расколоть последний и осуществить свой замысел с примкнувшей к нему частью солдат. Из данного описания ясно также, почему для основания города требо- вались значительные массы людей: между Византием и Герак- леей нет эллинских или дружественных эллинам городов, а лишь фрако-вифинцы, отношение которых к эллинам нельзя

назвать лояльным. По-видимому, и у жителей многочисленных населенных деревень появление греческого отряда не вызвало бы особо приятных эмоций; прелести торговых взаимоотношений вряд ли рисовались им в том виде, в каком они рисуются обычно приверженцам теории двусторонности.

Из описания Ксенофонта явствует также, что город мыслит- ся им в широком смысле этого слова, т. е. как собственно город и прилегающая к нему сельская территория. Для обычного греческого города с населением в 10 тысяч человек вполне доста- точно площадь в 30—40 га, и хотя площадь полуострова, на котором Ксенофонт задумал основать новый город, во много раз превышает указанную цифру, он считает нужным заметить, что эта площадь достаточна для поселения 10 тысяч человек. По-видимому, не лишено смысла даже двойное упо- требление Ксенофонтом в пределах одной фразы термина «город»: ΠΟΛΙΣΜΑ и ΠΟΛΙΣ (VI, 4, 7); как кажется, первый употреблен в конкретном значении собственно города, второй — в широком, как город-государство.

Вернемся к Нижнему Побужью. Попытаемся представить основание здесь первых греческих поселений. У самого устья Буга далеко вдается в море мыс, соединенный с материком узким перешейком. Позиция ключевая: по одну сторону — Дне- про-Бугский лиман, по другую — море. Минимум необходимых средств для обеспечения безопасности на случай нашествия кочевников и в то же время надежная связь с материком, бли- жайшие окрестности которого могут использоваться как сель- скохозяйственная территория.

Итак, заселение греками Северного Причерноморья не носило характера постепенности. Оно было процессом более или менее единовременным и вызывалось необходимостью отстоять свою независимость и самое свое существование от возможных вра- ждебных актов со стороны окружающих кочевых племен. Города уже на этом этапе колонизации не были единственными и изоли- рованными поселениями греков. Одновременно с их возникнове- нием основывались поселения хоры. Именно эти-то сельские по- селения и являлись основным продуктом и главным содержа- нием имманентного колонизационного процесса. Города и хоры представляют собой единство экономической и социальной жизни. Если можно говорить о противоположности между городом и деревней, то в основном она выражается в некоторой специа- лизации, преобладании ремесла в первых, сельского хозяйства во вторых, хотя противоположность эта и находится в стадии становления: жители города еще не утратили связи с землей, а село имеет ремесла, в том числе и металлообработку. Это есте- ственная стадия перерастания натурального хозяйства в хо- зяйство товарное, которая не завершилась да и не могла за- вершиться в античном обществе.

⁹³ В интерпретации событий «Анабасиса» пользуемся работой: Э. Д. Фро- лов. Жизнь и деятельность Ксенофонта. Ученые записки ЛГУ. Серия ис- торических наук, вып. 28, Л., 1958, стр. 55 и след.

⁹⁴ Xenoph. Exp. Cytii, VI, 4, 1—8.

Глава V

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВАРВАРСКИМ МИРОМ. ГОРОДА

Вопрос об этнической принадлежности жителей периферийных поселений античных городов-колоний является частью большой и сложной проблемы взаимоотношений эллинского и варварского миров. Решение последней в значительной степени определяется взглядами исследователя на причины и характер колонизации. Последовательный сторонник теории торговой колонизации и двусторонности колонизационного процесса, естественно, не мыслит греческих переселенцев вне тесных экономических и социальных связей с варварским миром, ибо от этих связей, по его мнению, зависит само существование греческих колоний. Как правильно заметил Д. П. Каллистов, «сторонники излагаемого взгляда (признающие за варварским населением активную роль в формировании греческих колоний. — В. Л.) приходят к заключению, что греческие колонии с первых же дней своего существования приобретают не греческий, но греко-туземный характер, а развивающаяся на этой почве культура с очень раннего времени обнаруживает черты синкретизма»¹.

Что касается самого Д. П. Каллистова, то, признавая торговлю в качестве основного рычага греческой колонизации, он в то же время очень обстоятельно и убедительно отстаивает право колоний на самостоятельное, не зависящее от варварского мира, существование. Главы, посвященные вопросам взаимоотношений греческого и варварского миров, социального развития скифского общества, представляют наиболее сильную и оригинальную часть работы Д. П. Каллистова. В общей форме положение о характере взаимоотношений сформулировано здесь следующим образом: «...возникает представление о Северном Причерноморье как о месте, где пришли в непосредствен-

¹ Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, стр. 69.

ное соприкосновение два различных мира, две различных системы экономических, социальных и культурных взаимоотношений, две исторические силы, из которых каждая к моменту их встречи уже успела приобрести в достаточной мере определенные, ясные и устойчивые очертания. Первое впечатление таково, что речь здесь должна идти не столько о взаимовлияниях, отрицать которые, конечно, не приходится, но в первую очередь о сосуществовании этих двух миров в качестве обособленных друг от друга, но находящихся в постоянном соприкосновении исторических сил»².

Указанное положение является основным лейтмотивом исследования Д. П. Каллистова. Оно же включает работу в целом:

«Мир варваров и мир античной рабовладельческой цивилизации представляют собой особые исторические силы. Несмотря на близкое соседство и постоянное соприкосновение друг с другом, каждая из этих сил шла своим собственным путем. И к тому времени, когда античное общество, потрясенное жестоким кризисом, приблизилось к закату, мир варваров, сохранивший свою самобытность, вырос уже в ту историческую силу, которая оказалась в состоянии, как говорит Ф. Энгельс, «омолодить мир, страдающий от того, что старая цивилизация умирает»³.

Большинство исследователей игнорировало эту основную мысль Каллистова. Лишь некоторые выступили с ее критикой. Так, на Сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по истории Крыма, состоявшейся в мае 1952 г., Б. А. Рыбаков отмечал как недостаток книги Д. П. Каллистова то, что в ней приуменьшается уровень развития местных племен, отрицается слияние греческого и местного населения, влияние местного населения на облик греческих городов и т. д. В. Д. Блаватский отметил, что в ней эллины и местные обитатели Северного Причерноморья рассматриваются как всегда чуждые друг другу⁴. Однако Д. П. Каллистов остался при своем мнении, считая сосуществование двух миров, по крайней мере в Крыму, неоспоримым и определяя первоначальные взаимоотношения этих миров как процесс эллинизации, затем, во время упадка античного общества, как процесс варваризации⁵.

Вопрос переносится в методологическую плоскость. Что прежде всего следует понимать под «эллинизацией» и «варваризацией»? Если, положим, варвар, пробив отверстие в античной

² Д. П. Каллистов, указ. соч., стр. 80.

³ Там же, стр. 236.

⁴ См. Я. Л. Сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по истории Крыма. ВДИ, № 4, М., 1952, стр. 194—195.

⁵ См. там же, стр. 197.

монете, использует ее в качестве украшения, это, по-видимому, еще не свидетельствует о восприятии им античных товарно-денежных отношений. И, наоборот, ольвиополит, вырядившись в черные одежды, — допустим, что эта деталь, сообщенная Дионом Хрисостомом, верна, — вряд ли воспринял общественные отношения меланхленов. А ведь и Д. П. Каллистов и его оппоненты могут оперировать в основном именно такими внешними признаками. По-видимому, и роль эллинизации и варваризации нельзя преувеличивать. Интенсивность этих процессов должна была бы привести к постепенной нивелировке двух присущих обоим мирам экономических базисов. На наш взгляд, наряду со взаимным ознакомлением и неизбежным взаимодействием, происходит постепенное и неуклонное возрастание противоположности двух миров. Суть этой тенденции для начального этапа эллинской цивилизации была прекрасно понята еще Фукидидом: «Гомер не употребляет и имени варваров, потому, как я полагаю, что сами эллины не обособились еще под одним именем противоположным (ΑΝΤΙΠΑΛΟΝ) названию варваров»⁶. В конце этого пути — жестокие, смертельные схватки двух антагонистов: рабовладельческой Римской империи и племенного варварского мира. Это — противоположность двух экономических систем, из которых одна в общесторическом процессе не имеет своего продолжения и обречена на гибель. Базируясь на внеэкономическом принуждении⁷, рабовладельческий мир был противоположен другим экономическим формациям классового общества, в которых на первый план выступает экономическое принуждение. В чистом виде процесс феодализации общества мог протекать только в варварской среде.

Без допущения глубокой противоположности двух миров — античного и варварского — нельзя отчетливо представить генезис феодального общества. Эту противоположность видят классики марксизма — Ф. Энгельс (на что указывает Д. П. Каллистов)⁸ и К. Маркс.

В сравнении с этим важнейшим историческим вопросом — проблемой противоположности и взаимодействия двух миров — вопрос об этнической принадлежности жителей тех или иных поселений, тех или иных групп населения не имеет самостоятельного значения и должен рассматриваться как часть указанной общей проблемы. Ясно, что если бы мы имели сообщения — и притом абсолютно достоверные — не об одном, а о десяти Скилах, проживающих в Ольвии, это не внесло бы

⁶ Тис., I, 33.

⁷ Имеются в виду не только и не столько индивидуальные формы эксплуатации, сколько коллективные: например, эксплуатация варварской периферии отдельным полисом или системой полисов, эксплуатация Афинским государством своих союзников и т. д.

⁸ См. Д. П. Каллистов, указ. соч., стр. 236.

ничего принципиально нового в наши представления о базисе античного общества. Тем не менее, поскольку существует мнение о греко-варварских городах как о чем-то качественно новым по сравнению с греческими городами, на вопросе этнического состава населения городов следует остановиться. Вопрос этот связан с уже рассмотренным выше вопросом об этнической принадлежности обитателей периферийных поселений, но имеет и свои отличия и трудности. Ранее шла речь об определении этнической принадлежности населения вообще, здесь же — об отдельных элементах этноса, по возможности взятых в их чистом виде. Ибо нельзя представить, чтобы негреческая прослойка в античных городах (если таковая имелась) сохранила в неизменном виде весь комплекс этнических, — языковых и материальных атрибутов, которым она располагала в условиях самостоятельного существования.

Оговоримся заранее, что даже положительное отнесение тех или иных атрибутов этноса к негреческим имеет далеко не решающее значение и не дает права на категорические выводы. Такой атрибут может рассматриваться и как результат заимствований, результат изменения социальных, экономических и идеологических условий.

Из всей совокупности элементов культуры, дающих этнос, должны быть рассмотрены прежде всего языковые субстраты антропонимии⁹ античных городов Северного Причерноморья, из археологических «этнизирующих» элементов — погребальный обряд, в особенности скорченные погребения в некрополях северопричерноморских античных городов.

Антропонимия

Специальных работ, посвященных антропонимии Боспорского государства, к сожалению пока нет. С. А. Жебелевым в 30-х годах был сделан суммарный подсчет греческих и негреческих имен, в результате чего выяснилось, что в процентном отношении 74% приходится на греческие имена, 26% — на негреческие; из последних 10% — имена смешанные, т. е. имеют негреческое личное имя и греческое имя отца или наоборот. По отдельным городам это соотношение варьируется следующим образом: греческих имен в Пантикапее 75%, в Фанагории — 79, Феодосии — 65, Горгиппии — 80, Танаисе — 60%¹⁰.

⁹ В последнее время наблюдается тенденция к установлению стабильной терминологии в науке о собственных именах — в ономастике. Согласно новой терминологии отрасль ономастики, изучающая личные собственные имена, называется антропонимикой, а состав личных собственных имен какого-либо коллектива — антропонимией.

¹⁰ См. С. А. Жебелев. СП, стр. 203 и след.

С. А. Жебелев отмечает, что этот подсчет не может рассматриваться как статистическая таблица, так как использованным эпиграфический материал охватывает антропонимию незначительной части населения Боспора. Кроме того, «главный порок такого подсчета состоит в том, что лежащий в основе его материал не был подвергнут предварительной разбивке по хронологическим признакам. Такая разбивка сразу же показала бы, что туземные имена, как правило, начинают встречаться только в надписях II—I вв. до н. э. Заметными они становятся лишь в эпиграфических текстах, датируемых уже веками нашей эры. До этого времени греческие имена безраздельно господствуют и в надписях, и на керамических клеймах боспорского происхождения»¹¹.

Д. П. Каллистов верно отмечает основную тенденцию антропонимии Боспора: увеличение количества негреческих имен в римское время. Это не является особенностью Боспора и отражает общую закономерность развития античного мира. Однако Д. П. Каллистов допускает неточность, вообще отрицая для раннего периода Боспора наличие негреческих имен, тем более, что сам же он считает Спартокидов фракийской династией и признает наличие у них фракийских имен. Эта неточность была отмечена Т. Н. Книпович, которая на основе анализа ольвийской антропонимии пришла к выводу, что нет оснований видеть разницу в соотношении греческих и негреческих имен для доэллинистического и эллинистического времени¹². Это же положение, по-видимому, может быть распространено и на антропонимию Боспора.

Исследованию этнического состава населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. по материалам антропонимии посвящена специальная работа В. Д. Блаватского¹³. Автором использованы лишь лапидарные эпиграфические материалы, опубликованные до революции. Материалы археологических исследований советского времени, и прежде всего граффити на керамических изделиях, дающие основную массу антропонимических сведений, не учтены. Поэтому предварительный, относительный характер выводов совершенно неизбежен. В. Д. Блаватский отмечает, что большая часть имен в надписях Пантикапея IV—III вв. — чисто греческого происхождения¹⁴. Более точно соотношение греческих и негреческих имен не определено. В. Д. Блаватский дает подробное перечисление имен иностран-

цев как из ближайших (Феодосия, Херсонес Таврический), так и из отдаленных (Хиос, Колофон, Сиракузы, Кипр и т. д.) стран и городов. Таких иностранцев, проживающих в Пантикапее в IV в. до н. э., известно 15 или, если к ним причислить и вазописца Ксенафонта афинянина, 16. На это количество иностранцев, несомненно, греческого происхождения, приходится 5 имен, относимых исследователями к ираноязычной северопричерноморской группе, и 3 имени, место которых в группе иранских или фракийских точно не определено. Все «варварские» имена смешанных, т. е. имеют ираноязычное имя и греческое отчество (патроним) или наоборот; исключение составляет лишь имя ΒΑΣΤΑΚΑΣ ΜΟΡΔΟ[Υ], обе части которого определяются как иранские или фракийские. Лапидарный материал Пантикапея III в. до н. э. дает 9 имен иностранцев из Херсонеса, Одессы, Гераклеи, Каллатия, Родоса и т. д. и всего лишь одно ираноязычное, точнее, смешанное имя — ΝΟΥΜΝΙΟΥΣ ΣΠΑΡΟΦΟΤΟΥ.

Указанный выше материал привел В. Д. Блаватского к выводу о том, что «в Пантикапее, помимо потомков ионийских первооселенцев, проживали более или менее эллинизированные представители местных племен, входивших в состав Боспорского государства или соседивших с ним, — синдов, меотов, скифов...»¹⁵ В. Д. Блаватский отмечает, что источники «достаточно ясно показывают, насколько разнородным в этническом отношении было население боспорской столицы в то время и что пестрота состава его поддерживалась новыми волнами иноземцев, прибывавших в Пантикапей»¹⁶. Заключение выводит автора: «Все сказанное приводит нас к выводу о большой пестроте населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. в результате значительного постоянного притока извне — как из городов Причерноморья и Средиземноморья, так и с территорий, примыкавших к Боспору. Это придавало Пантикапею некоторые характерные черты эллинистического города, получившие весьма своеобразное преломление в столице греко-синдо-меотского государства»¹⁷.

С этим утверждением трудно согласиться прежде всего потому, что здесь не разграничены критерии этнического и социально-политического порядка. Основная масса материалов, которыми оперирует В. Д. Блаватский, это имена переселенцев из других греческих городов. Если в политическом отношении эти переселенцы являлись для Пантикапея «иностранцами», то в этническом они ничем не отличались от жителей Пантикапея. И те и другие были эллинами. Всем известно, что гре-

¹⁵ В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э., стр. 104.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 106.

¹¹ Д. П. Каллистов, указ. соч., стр. 74.

¹² См. Т. Н. Книпович. Население Ольвии VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. МИА, № 50, М.—Л., 1956, стр. 129—131.

¹³ См. В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. СА, т. XXVIII, 1958, стр. 97—106.

¹⁴ См. там же, стр. 98.

ки, на каких бы территориях они ни проживали, на каких бы диалектах ни говорили, как бы ни отличались одни от других в культурной жизни, хорошо сознавали свою этническую общность и противопоставляли себя, эллинов, окружающему миру — варварам, отнюдь не вкладывая в термин «варвары» того презрительного оттенка, который он приобрел впоследствии. В отмеченном В. Д. Блаватским факте вряд ли можно усматривать какое-то «своеобразное преломление», «несколько более ранний, чем в эллинистических городах Восточного Средиземноморья... значительный наплыв переселенцев из метрополии»¹⁸. Для любого греческого города, и не только эллинистического, но и классического времени, характерно наличие в нем значительной прослойки «иностранцев», метеков (ΜΕΤΟΙΚΟΙ), часть которых за особые заслуги получала прокесь, ателии, политии и др. Даже для Северного Причерноморья Пантикапей не является исключением в этом отношении, а всего лишь нормой. Укажем, кстати, что только раскопки послевоенных лет на ольвийской агоре дали 11 имен иностранцев, несомненно, проживавших в Ольвии¹⁹. Среди этих иностранцев жители Афин, Орхомен, Гераклея, Каллатии, Херсонеса, Родоса, Амиса и т. д.

Таким образом, если мы оставим в стороне имена «иностранцев» — греков, на всю массу имен собственно пантикапейских и «иностранных» мы получим только 8—9 имен, которые с известной оговоркой могут быть признаны «варварскими». Это количество, конечно, ничтожно мало и не дает никаких оснований говорить о большой этнической пестроте населения Пантикапея.

Антропонимия Ольвии догетского времени детально исследована Т. Н. Книпович²⁰. Ею учтен почти весь изданный ко времени написания работы эпиграфический материал, в том числе и лапидарные находки послевоенных раскопок на ольвийской агоре. Всего в работе использовано 45 лапидарных надписей, 7 свинцовых пластинок и 16 граффити на керамических изделиях. Если в лапидарных памятниках зафиксированы в основном имена влиятельных и зажиточных граждан Ольвии, то в других категориях эпиграфических материалов отражена антропонимия самых широких слоев ольвийского населения, включая разве только самые низшие группы общества. Это дает возможность распространить основные антропонимические

выводы на ольвийское общество в целом. Т. Н. Книпович справедливо указывает, что составленный ею список «содержит имена, распространенные вообще в Ольвии, а не специально в какой-либо социальной группе ее населения»²¹. Т. Н. Книпович отмечает «поразительную однородность» ольвийских имен догетского периода²², «громадное преобладание характерных греческих имен»²³. Из рассмотренных ею 255 имен лишь четыре определяются полностью или частично как негреческие. Вывод о преобладании греческих имен Т. Н. Книпович распространяет на все слои ольвийского населения.

Заметим, что и приведенные Т. Н. Книпович четыре негреческих имени ни в коей мере не дают оснований для установления негреческого этноса их обладателей. Прежде всего два из этих имен — ΣΠΑΡΤΟΚΟΣ (ΚΛΕΙΔΗΜΟΥ) и ΒΑΤΑΚΟΣ (ΤΙΜΟΘΕΟΥ) — являются смешанными, имеют греческие отчества. Если в основу определения взяты имена отцов, что вполне естественно, то можно говорить о греческом происхождении и Спартока и Батака. Это тем более вероятно, что имя Спарток было довольно популярно среди боспорских династий, которые, как убедительно доказывает Т. В. Блаватская²⁴, являлись греческими по происхождению. Встречается оно и в греческой метрополии²⁵. Греческое по форме производное от этого имени—ΣΠΑΡΤΟΚΙΩΝ—отмечено для Горгииппии²⁶. Далее, если в определении фракийской принадлежности имени ΣΠΑΡΤΟΚΟΣ исследователи единодушны, то этого нельзя сказать о имени ΒΑΤΑΚΟΣ. Хотя В. Ф. Миллер²⁷ и М. Фасмер²⁸ включают его в число иранских имен, В. В. Латышев не менее основательно настаивает на его греческой принадлежности, ссылаясь на словарь Папе-Бензелера, в котором это имя зафиксировано для эритрейских монет²⁹. Близкое ему имя, принадлежащее несомненно греку-херсонесцу, — ΒΑΤΤΑΣ ΠΟΛΥΔΕΟΥ ΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΗΣ ΓΕΝΟΣ — засвидетельствовано для Пантикапея³⁰. А. А. Белецкий, подробно анализируя имя ΒΑΤΑΚΟΣ,

²¹ Т. Н. Книпович. Население Ольвии VI—I вв. до н. э., стр. 128.

²² См. там же, стр. 125.

²³ Там же, стр. 131.

²⁴ См. Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, стр. 26 и сл.

²⁵ См. G. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, § 576, стр. 287.

²⁶ IOSPE, IV, 432, а

²⁷ См. В. Ф. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, ч. ССХIV, отд. 2, стр. 246.

²⁸ См. M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I, Die Iranten in Südrussland. Leipzig, 1923, стр. 35.

²⁹ IOSPE, I², стр. 219, прим. 1.

³⁰ IOSPE, IV, № 402. Большое количество вариантов имени как северо-причерноморских, так и принадлежащих метрополии, приведено Л. Згустой (указ. соч., § 929—930, стр. 367—368); они рассматриваются как гипокористические краткие формы от ΕΥΒΑΤΟΣ, ΓΠΕΡΒΑΤΟΣ, ΕΥΓΥΒΑΤΗΣ и др.

¹⁸ В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э., стр. 104.

¹⁹ См. Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры). СА, т. XXVIII, 1958, стр. 235—247, особ. стр. 245.

²⁰ См. Т. Н. Книпович. Население Ольвии VI—I вв. до н. э., стр. 119—153.

допускает возможным греческое его происхождение³¹. Третье имя, ΑΤΑΚΝΣ, содержащееся на свинцовой пластинке, включено М. Фасмером в число негреческих без какой-либо мотивировки этого³². Обширный сравнительный материал, приводимый Л. Згустой, не оставляет, однако, сомнений в греческой принадлежности этого имени³³. Наконец, четвертое имя, ΚΟΛΑΝΔΑΚΝΣ, выцарапанное на стенке чернолакового килика IV в. до н. э., А. А. Белецкий также считает возможным определить как греческое³⁴.

Как указывает Т. Н. Книпович, ее выводы, сделанные на основании весьма ограниченного опубликованного материала, имеют известную условность, и поэтому всякие обобщения неизбежно должны носить предварительный характер³⁵. Список ольвийских собственных имен известен нам далеко не в полной мере. Более того, как справедливо отмечает А. А. Белецкий, «нахождение новых собственных имен в эпиграфических памятниках наглядно доказывает нам простую истину: мы еще не приблизились к тому времени, когда список древнегреческих собственных имен, а также список иноплеменных собственных имен древнегреческих эпиграфических источников будет окончательно составлен и перестанет подвергаться пополнениям»³⁶. А. А. Белецкий иллюстрирует это положение на примере двух новых греческих ольвийских имен (ΕΥΦΡΟΝΗΣ и ΚΟΝΝΑΡΙΟΝ), не засвидетельствованных в словарях Папе-Бензелера и Бехтеля-Фика³⁷.

Следует ли отсюда, что выводы, сделанные на очень ограниченном материале, являются ненадежными и не отражают действительной исторической картины? Отнюдь не следует. Используемый Т. Н. Книпович материал накапливался десятилетиями, он взят исследователем во всей его совокупности, без какого-либо преднамеренного отбора и поэтому дает нам нечто среднее, отражает закономерность. С годами неизмеримо возрастает совокупность изданного эпиграфического материала Ольвии, ольвийская антропонимия пополняется десятками и сотнями новых, неизвестных к настоящему времени имен, и если

среди них окажется несколько негреческих, то наши представления о греческом в подавляющей своей массе населении догетской Ольвии вряд ли подвергнутся существенному изменению.

Отношение различных исследователей к работе Т. Н. Книпович, содержащей весьма недвусмысленные материалы, очень показательны. М. Ф. Болтенко, например, решительно заявил, что значение работы Т. Н. Книпович не может вызвать никаких возражений, что она полностью опровергает «разного рода вульгаризаторские домыслы тех, кто без всяких на то научных оснований стремился любой ценой отрицать чисто греческий этнический состав «догетской» Ольвии»³⁸.

К совершенно иным заключениям пришел другой рецензент работы Н. В. Пятышева³⁹. Отметив, как один из наиболее убедительных и интересных, вывод Т. Н. Книпович о проникновении в состав населения города негреческих элементов, Н. В. Пятышева заключает: «Этот последний важный факт блестяще доказан Т. Н. Книпович, несмотря на такой формальный признак, как небольшое количество (следовало бы сказать: почти полное отсутствие.—В. Л.) встретившихся в надписях негреческих имен. Автор совершенно прав, объясняя этот факт (особенно отсутствие надписей на вещах бытового характера) плохим знанием греческого языка, так как большинство негреческого населения, хотя и освоило греческую речь, но было неграмотным». Мы не можем разделить уверенности Н. В. Пятышевой в том, что «большинство негреческого населения» Ольвии «освоило греческую речь». Факты, подтверждающие такое освоение, очевидно, еще не обнаружены. Рецензент ставит в заслугу Т. Н. Книпович игнорирование «формальных признаков», зачеркивая тем самым вообще значение антропонимии как исторического источника.

Допустим, что неизвестное нам негреческое население греческих городов действительно не знало греческой письменности и не могло заверить подписью свое существование. Но ведь имена-граффити — это не только знаки собственности, вырезанные обязательно рукой владельца вещи. Они в большом количестве встречаются на посвячительных, дарственных, памятных, наговорных и других надписях. Резчики этих имен зачастую не являются сами их носителями. Поэтому имена на эпиграфических памятниках не могут служить доказательством обязательной грамотности лиц, которым эти имена принадле-

³¹ См. А. О. Білецький. Про власні імена з ольвійських написів. Археологія, т. XI, 1957, стр. 21—22.

³² См. M. Vasmer, указ, соч., стр. 34.

³³ См. L. Zgusta, указ, соч., § 596, стр. 297—300, ср. также А. О. Білецький, указ, соч., стр. 22.

³⁴ См. А. О. Білецький, указ, соч., стр. 22—23; «...мы не находим в нем (имени «Коландак». В. Л.) ничего, что дало бы нам возможность признать его скифским именем». Ср. Т. Н. Книпович, указ, соч., стр. 126.

³⁵ См. Т. Н. Книпович. Население Ольвии VI—I вв. до н. э., стр. 212, 131.

³⁶ А. А. Белецкий. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях. СА, т. XXVIII, 1958, стр. 82.

³⁷ См. там же, стр. 72—78.

³⁸ М. Ф. Болтенко, И. Д. Головкин и Ф. М. Гудимович. Рец. нар. «Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху». Праці ОДУ ім. І. І. Мечнікова, т. 149. Серія історичних наук, в. 7. Археологічний збірник, ч. I. Одеса, 1959, стр. 165.

³⁹ См. Н. В. Пятышева. Рец. на работу «Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху». СА, № 3, 1959, стр. 258.

жат. И, наоборот, имена неграмотных негреков неизбежно должны были найти отражение в эпиграфических материалах, пусть и в несколько меньшем количестве, чем имена грамотных греков.

В науке делались неоднократные попытки обнаружить негреческую письменность в греческих городах Северного Причерноморья. Самый капитальный из этих трудов принадлежит Э. И. Соломоник⁴⁰. Рассмотрение его не входит в нашу задачу, поскольку исследуемые Э. И. Соломоник «загадочные знаки», по определению автора, «сарматские», хронологически довольно далеко отстоят от рассматриваемого нами времени. Остановимся кратко на работе И. Д. Головки, содержащей эпиграфические материалы Ольвии и Березани архаического, классического и более позднего времени⁴¹. Работа делится на две части: 1) греческие граффити; 2) негреческие граффити. Во второй раздел вошли граффити, исполненные знаками негреческой письменности, которые, по утверждению И. Д. Головки, «можно отнести к числу так называемых загадочных эпиграфических знаков местного автохтонного населения Северного Причерноморья»⁴². В конце работы содержится краткий вывод: «Мы видим, что одновременно и наряду с греческой системой письма тут существовала и какая-то иная, которую можно связывать с культурой местных племен»⁴³. Материал, которым оперирует И. Д. Головка, невелик. Двенадцать опубликованных им «негреческих» граффити представляют изображения елочек, стрелки, ромб, ряд параллельных линий, перечеркнутых еще одной линией, комбинацию из двух дуг и трех окружностей, окружность в центре чернолакового донышка с отходящими от нее радиальными прямыми, альфообразный знак и др., в том числе один «сарматский» знак на горле амфоры VI—V вв. до н. э. с о. Березани. Подобные знаки, бесконечно разнообразные по форме (как-то: комбинации из треугольников и многоугольников с прямыми и дугами, окружности, солярные знаки, лесенки, quadratum incisum, свастики, лятиконечные звезды и т. д.) весьма обычны на греческих предметах как самой метрополии, так и Северного Причерноморья. Видеть в них следы какой-то неизвестной нам письменности неизвестного «местного» населения нет никаких оснований.

Вернемся еще раз к рецензии Н. В. Пятышевой, которая отмечает, что, поставив перед собой задачу «исследования мест-

⁴⁰ См. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, К., 1959.

⁴¹ См. И. Д. Головки. Кілька невиданих граффіті із Ольвії та з Березані. — Матеріали з археології Північного Причерномор'я, вып. II, Одеса, 1959, стр. 167—176.

⁴² Там же, стр. 167.

⁴³ Там же, стр. 176.

ных имен с целью выяснения их этнической принадлежности, автор почему-то уклонился от его решения, хотя бы синтетического, и не сделал даже попытки раскрыть их этническую принадлежность»⁴⁴. Упрек Н. В. Пятышевой по существу несправедлив, ибо Т. Н. Книпович уверенно определяет имя Спарток как фракийское, Батак — как иранское, Коландак — как несомненно скифское, и только в отношении имени Атак не высказывает своего мнения. Между тем такая постановка вопроса хотя и с ссылками на авторитеты Вс. Миллера, М. Фасмера или В. И. Абаева, представляется нам излишне прямолинейной. Сведения о фракийском, скифском или сарматском языке, полученные из сообщений древних авторов или из эпиграфических источников, настолько фрагментарны и надежны, что всякое безусловное отнесение того или иного лингвистического материала к той или иной этнической группе часто является ничем не доказуемым и базируется в значительной степени на априорных умозаключениях исследователя.

С одной оговоркой мы присоединимся к мнению А. А. Белецкого: «В ту эпоху, которая открывается для нас первыми эпиграфическими памятниками, каждое собственное имя принадлежит не столько данному племени или вообще этнической группировке, не столько даже данному языку или диалекту, сколько данной культуре, а она могла выходить за пределы этнической группировки и свойственного ей языка. Можно ли утверждать, будто бы все лица, носившие эллинские собственные имена, непременно должны были являться эллинами? Мы считаем, что распространенные у нас приемы исследования собственных имен древних эпиграфических памятников, как например, ссылки на засвидетельствованные до настоящего времени этнически определенные собственные имена и этимологическая оценка нового ономастического материала на основании лексического запаса преимущественно литературных источников, еще далеко не достаточны для достижения положительных результатов»⁴⁵. Центр тяжести переносится А. А. Белецким на отыскание негреческих элементов в греческом лексическом материале. Перефразируем: можно ли утверждать, будто все лица, носившие «негреческие» собственные имена, непременно должны были являться не-греками? По-видимому, нет.

В другой своей работе А. А. Белецкий нашел более точное решение: наличие в данном языке элементов иноязычного происхождения — явление вполне естественное, оно не является еще доказательством этнического смещения населения, отсюда

⁴⁴ Н. В. Пятышева. Рец. на работу «Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху», стр. 258.

⁴⁵ А. А. Белецкий. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях, стр. 82.

«в пределах территории с преимущественно греческим населением, очевидно, существовали роды и семьи, в которых имена иноязычного происхождения были традиционными. Вполне возможно, что в городах Северного Причерноморья среди греческого населения были, или постепенно сложились, свои традиции употребления иноязычных собственных личных имен»⁴⁶.

Этот же методически важный вопрос, как кажется, в основных чертах убедительно решается Т. В. Блаватской на примере опровержения гипотезы о неэллинском происхождении Спартокидов⁴⁷. Т. В. Блаватская отмечает, что в греческом обществе (имеется в виду греческая метрополия) обычай давать детям негреческие имена имел широкое распространение. Достаточно отметить, что по свидетельству хотя бы список милетских графов Фукидида отец великого историка носил фракийское имя Олор⁴⁸. Негреческие имена (Ликс и Паниасис) встречаем мы у отца и дяди Геродота⁴⁹. Значительное количество негреческих, на первый взгляд, имен содержит антропонимия раннего Милета, о чем свидетельствует хотя бы список милетских стефанов, содержащий такие «варварские» имена, как Мандродик, Пифомандр, Мандрагор, Мандронактид, Мандрипп и др.⁵⁰ Негреческие имена встречаются и в других полисах Малой Азии — в Галикарнассе⁵¹, Кизике⁵², на Самосе⁵³.

Расширяющееся знакомство с варварским миром привело у греков к появлению имен, происходивших от варварских этнических названий (этнонимов). По-видимому, значительное распространение имело имя Скиф⁵⁴. Его мы встречаем у Геродота (ΣΚΥΘΗΣ — царь Занклы⁵⁵; любопытно, что брат его носит чисто греческое имя ΠΥΘΟΓΕΝΗΣ, а сын — имя ΚΑΔΜΟΣ). В списке милетских стефанов значителен Лис, сын

⁴⁶ А. О. Білецький. Про власні імена з ольвійських написів. Археологія, т. XI, 1957, стр. 21.

⁴⁷ См. Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до нашей эры, стр. 26 и след.

⁴⁸ См. Marcellini. De Thucid. vita, 2 и 23.

⁴⁹ См. Suld., ΠΡΟΔΟΤΟΣ; Dur., 57.

⁵⁰ См. Milet Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899, Heft III, Das Delfinion im Milet von G. Kamrau und A. Rehm. Berlin, 1914, надпись № 122. Ср. греческое ΜΑΝΔΡΑ «ограда, загородка, стойло» и «драгоценный камень в кольце»; санскр. mandurā — «стойло», mandīgam — «комната, дом, дворец, храм» и т. д. доказывает, что в древнегреческом это слово было унаследовано из общиндоевропейского языкового состояния.

⁵¹ См. Syll.³ à 46.

⁵² См. Syll.³ à 4.

⁵³ См. Her., III, 123, 140—148.

⁵⁴ Вполне возможна связь имени ΣΚΥΘΗΣ с древнегреческой основой, представленной в ΣΚΥΔΑΜΑΙΝΩ «сержусь», Ω 592, ΣΚΥΘΡΟΣ «мрачный», «печальный», также ΣΚΥΘΡΩΠΟΣ, ΣΚΥΘΡΑΖΩ «печальюсь, скорблю». Здесь, вероятно, индоевропейский корень. См. словарь Э. Бузака, стр. 879.

⁵⁵ См. Her., VI, 23—24; VII, 163.

Скифа⁵⁶. В конце V в. до н. э. имя Киммерий носил знатный гражданин Эфеса⁵⁷. Последняя категория имен может рассматриваться как негреческая в значительной степени условно, поскольку здесь мы имеем дело с названиями этнических группировок, данными в основном самими греками. Скифы сами не называли себя скифами, подобно тому как эллины не называли себя греками⁵⁸.

В факте проникновения негреческих имен в греческую среду нет ничего необычного. Это лишь свидетельствует о том, что греческий народ и в древности не был изолирован от других народов, а находился с ними в постоянном взаимодействии, включающем и такие его формы, как перемещения этнических массивов, войны, обменные отношения, ассимиляция, культурное влияние и т. д. Несомненно, например, что политическая зависимость эллинских полисов Малой Азии от Персидского царства наложила серьезный отпечаток и на греческую малоазийскую антропонию⁵⁹. Поэтому широкое проникновение персидских имен в эллинские полисы Малой Азии, которое хорошо прослеживается для VI—V вв. до н. э., закономерно.

Указанным выше можно объяснить и наличие негреческих имен среди жителей античных городов Северного Причерноморья. Характеризуя антропонию Пантикапея, Т. В. Блаватская отмечает ту же пестроту, которая наблюдается и в его метрополии. «При этом характер негреческих имен здесь тот же — прежде всего имена малоазийские, чисто иранские или происходящие от географических названий в странах Малой Азии, и в значительно меньшем количестве имена, связанные с другими странами, в которых бывали ионяне. Это единообразие позволяет с большой долей уверенности утверждать, что и в Пантикапее VI—V вв. до н. э. находились в употреблении среди эллинов чисто фракийские имена, заимствованные греками еще в Малой Азии или из полисов фракийского побережья»⁶⁰. То, что эти имена появились в результате заимствования из метрополии, а не от окружающих Пантикапей савроматских племен, убедительно доказывается их отсутствием в антропонимии Боспора сарматского времени⁶¹. Негреческие имена имелись уже среди первых греческих переселенцев в Северное Причерноморье; несомненно, что и в последующее за основанием коло-

⁵⁶ См. Milert. Das Delfinion, № 122.

⁵⁷ См. Syll.³, № 115; ср. Paus., X, 9, 7—10.

⁵⁸ Хотя, следует оговорить, было и племя ΓΡΑΙΟΙ (Grai), ΓΡΑΙΚΟΙ ΓΡΑΙΚΕΣ, латин. Graeci. О скифе см. А. А. Белецкий. Этнонимия берегов Эвксинского Понта (Тезисы).

⁵⁹ О малоазийской антропонимии см. L. Zgusta. Kleinasiatische Personennamen. Praha, 1964.

⁶⁰ Т. В. Блаватская, указ. соч., стр. 37.

⁶¹ См. там же, стр. 35.

ний время количество этих имен возрастало по мере притока новых переселенцев⁶².

Несколько сложнее обстоит дело с другим принципиально важным вопросом — установлением той социальной (а не этнической) среды, которая являлась носителем негреческих имен. По этому поводу мы имеем следующее замечание Т. В. Блаватской: «Многочисленные свидетельства позволяют утверждать, что уже в числе милетских переселенцев в Пантикапей было много лиц, носивших совершенно негреческие имена. Так как большая часть выселявшегося народа принадлежала к наименее обеспеченным слоям общества — обедневшее крестьянство, ремесленники, которые или включали некоторое количество местных элементов, или, во всяком случае, общались с местным населением Малой Азии, то это явление представляется вполне закономерным»⁶³.

Из замечания Т. В. Блаватской следует, что наименее обеспеченные слои греческого общества представляли ту среду, которая активнее всего воспринимала негреческие имена. Между тем эпиграфический материал, которым оперирует автор, отражает, как справедливо отмечает сама Т. В. Блаватская, жизнь сравнительно зажиточных граждан, обладавших довольно значительным культурным уровнем. То же явление наблюдается и в литературной традиции: носителями негреческих имен являются представители знатных аристократических слоев греческого общества. И в этом нет ничего удивительного: знатность связана с богатством, а последнее всегда было и остается по существу своему космополитичным. В античной традиции это нашло отражение в многократных примерах «династических» браков между знатными варварскими и греческими аристократическими родами и политических связей первых с последними. В то же время несомненно, что беднейшие, трудовые слои народа во все времена были лучшими хранителями этнических традиций и языка как одного из основных атрибутов этноса. Все это вынуждает нас не согласиться с высказанным Т. В. Блаватской положением.

Вместе с тем сама методическая основа этого положения — рассматривать известные особенности антропонимического материала как отражение явлений не только этнического, но и со-

⁶² Ср. Т. В. Блаватская, указ. соч., стр. 35. Такова общая тенденция. Возможны и исключения из нее. Доказывая сиридский характер Тузлинского некрополя, Н. П. Сорокина оперирует тремя надгробиями V в. до н. э. с сиридскими, якобы, именами (Н. П. Сорокина, Тузлинский некрополь. М., 1957, стр. 16). Два из них (ΑΤΤΗΣ ΚΕΣΙΟ and ΙΝΔΙΗ) по способу образования бесспорно греческие, третье же (ΧΑΡΣΕΝΑΚΕΩ ΤΟ ΥΟ ΜΑΤΑΤΤΟΣ), по-видимому, представляет заимствование. Более многочисленные надписи Тузлы позднеэллинистического и римского времени содержат только греческие имена (Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, стр. 642—645, № 1105—1110).

⁶³ Т. В. Блаватская, указ. соч., стр. 32.

циального порядка — весьма плодотворна и правильна. Воспользовавшись ею, остановимся еще на одном спорном положении Т. В. Блаватской: «Полную противоположность пантикапейской представляет ольвийская ономастика того же времени — изучавшая ее Т. Н. Книпович отмечает исключительно греческий характер ольвийских имен VI—V вв. до н. э... Возможно, объяснение этому следует искать в неодинаковом составе первопоселенцев обоих городов: в Ольвию милетяне послали общину чисто эллинскую, в Пантикапей выселилась группа, включавшая некоторое количество эллинизированных жителей Малой Азии или эллинов, подвергшихся воздействию малоазиатских влияний»⁶⁴. Нам представляется, что в объяснении указанной особенности ольвийской ономастики Т. В. Блаватская пошла по неправильному пути под влиянием хотя и традиционных, но маловероятных представлений о социальном составе ольвийских первопоселенцев. Согласно этим представлениям, ранняя Ольвия — это прежде всего торговый центр, а ее жители соответственно — богатые торговцы. Реальная картина ранней Ольвии не имеет ничего общего с этими представлениями. Археологические материалы свидетельствуют о том, что основную массу переселенцев Ольвии составляли трудовые низы греческого общества. Поскольку для последних характерна консервация (в хорошем понимании этого слова) культурных явлений, в том числе языка, это не могло не сказаться и на ольвийской антропонимии. Наоборот, наличие некоторого количества негреческих имен, отмеченное для Пантикапея, заставляет предполагать, что здесь социальный состав греческих первопоселенцев был менее однородным, чем в Ольвии, а выходцы из богатых и аристократических родов метрополии составляли несколько большее количество.

Может возникнуть возражение, что этому противоречат археологические материалы ольвийского и пантикапейского некрополей. Ни в коей мере. Исследователи⁶⁵, работавшие над материалами архаического некрополя Ольвии, признают, что в целом инвентарь погребений здесь очень беден, если и встречаются отдельные комплексы с большим количеством вещей, то сами вещи — рядовая ремесленная продукция, которая не была дорогой. Некрополь Пантикапея отражает несколько большую имущественную дифференциацию, что становится особенно заметным при сравнении ольвийских и пантикапейских погребальных сооружений. Единственные два ольвийских монументальных склепа — склеп Зевсова кургана и склеп Еври-

⁶⁴ Т. В. Блаватская, указ. соч., стр. 37, прим. 119.

⁶⁵ Прежде всего В. М. Скуднова. К сожалению, ее работа «Архаический некрополь Ольвии» еще находится в печати. Мы пользуемся материалами обсуждения этой работы, состоявшегося на заседании Античного отдела Государственного Эрмитажа в феврале 1960 г.

сивия и Ареты — принадлежат уже римскому времени, но и они по своему богатству не могут стать в один ряд с такими блестящими памятниками, как пантикапейские склепы Золото-го и Царского курганов. Мы уже не говорим о том, что Ольвия не дала, да, по-видимому, вряд ли уже и даст что-либо подобное Куль-Обе.

Остановимся, наконец, на вопросе лингвистической принадлежности антропонимического материала. Наибольший интерес в этом отношении представляют выводы А. А. Белецкого⁶⁶. А. А. Белецкий отмечает, что при анализе собственных личных имен античного мира следует отличать их языковую принадлежность, которая устанавливается на основе этимологических связей собственных имен с нарицательными, от их этнической принадлежности, которая определяется на основе совокупности наших сведений об использовании собственных имен, а также прямых указаний литературных источников (добавим: и совокупности элементов материальной культуры, если автор претендует на выводы общего порядка, касающиеся установления этнической принадлежности больших, материально осязаемых археологической наукой, групп людей). Что касается определения негреческой языковой принадлежности имен, то здесь нельзя довольствоваться двумя критериями: 1) отсутствием данного имени в известных нам литературных источниках и словарях; 2) неясностью этимологии данного имени. Отсюда следует общий вывод: творчески, исследовательски подходить к каждому новому неизвестному нам имени, сочетая при установлении его этимологии историко-филологические приемы со сравнительно-историческими. Доказательством плодотворности такого метода является работа А. А. Белецкого, в которой ряд ольвийских, херсонесских, пантикапейских имен, считавшихся ранее бесспорно негреческими, предстают перед нами как бесспорно греческие или могущие быть греческими.

Итак, даже весьма суммарное рассмотрение антропонимических материалов заставляет усомниться в положении о большой этнической пестроте населения греческих колоний в раннее время, о наличии в городах больших групп так называемого местного населения. У сторонников этого положения остается еще один очень важный аргумент — погребальный обряд, обладающий свойством, которого нет у эпиграфического материала: он отражает этническую принадлежность погребенных независимо от их грамотности или неграмотности. Поскольку земля с одинаковой добросовестностью сохраняет костяки как владевших, так и невладевших письменностью лиц, *argumentum a silentio* не играет здесь никакой роли.

⁶⁶ См. А. О. Білецький. Про власні імена з ольвійських написів. стр. 21—34.

Погребальный обряд в античных городах Северного Причерноморья всегда привлекал пристальное внимание исследователей. Помимо многочисленных публикаций материалов некрополей, мы располагаем к настоящему времени значительным количеством обобщающих трудов. Среди них нельзя не отметить, прежде всего работы Г. А. Цветаевой, посвященные грунтовому и курганному некрополям Пантикапея⁶⁷, Е. Г. Кастанаян⁶⁸, Л. Ф. Силантьевой⁶⁹. Работы двух последних исследователей входят в том «Материалов и исследований по археологии СССР», объединенных общей тематикой «Некрополи боспорских городов» и включающих помимо указанных работ ряд статей публикационного характера. Некрополь Тузлы, предположительно относимый к Корокондаме, рассмотрен Н. П. Сорокиной⁷⁰. К исследованиям материалов некрополей Ольвии и Херсонеса неоднократно обращались С. И. Капошина и Г. Д. Белов⁷¹. Исследованию эллинистического некрополя Ольвии посвящена диссертация М. Парович⁷², исследованию классического некрополя того же города — диссертация и ряд статей Ю. И. Козуб⁷³, архаический некрополь Ольвии исследован В. М. Скудновой, некрополь Березани—С. И. Капошиной⁷⁴. Список этих работ можно значительно увеличить.

Большой интерес к изучению греческих некрополей вполне закономерен. Некрополи дают богатейший материал, который освещает разнообразные стороны экономической и духовной

⁶⁷ См. Г. А. Цветаева. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, М., 1951, стр. 63—86; е е же. Курганный некрополь Пантикапея. — МИА, № 56, М., 1957, стр. 227—250.

⁶⁸ См. Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, № 69, М.—Л., 1959, стр. 257—295.

⁶⁹ См. Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, № 69, М.—Л., 1959, стр. 5—107.

⁷⁰ См. Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь, М., 1957.

⁷¹ См. С. И. Капошина. Погребение скифского типа в Ольвии. СА, т. XIII, 1950, стр. 205—216; е е же. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. СА, т. VII, 1941, стр. 161—173; Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, т. XIII, 1950, стр. 272—284; е е же. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. ВДИ, № 1, М., 1948, стр. 155—163.

⁷² Диссертация защищалась в Югославии. Диссертант — бывший аспирант Института археологии АН УССР.

⁷³ См. Ю. И. Козуб. Некрополь Ольвии V—IV вв. до н. э. как исторический источник. Автореферат канд. дисс., К., 1963; е е же. Погребальный обряд ольвийского некрополя V—IV вв. до н. э. ЗОАО, т. 1 (34), Одесса, 1960, стр. 75—84; е е же. Поховальні споруди ольвійського некрополя V—IV ст. до н. э. АП, т. XI, 1962, стр. 39—48.

⁷⁴ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 211—239.

жизни. Они являются превосходным историческим источником. Правда, источник этот очень специфичен, вследствие чего его интерпретация часто вызывает большие трудности, а иногда, при нечетких методических приемах исследователя, приводит и к серьезным ошибкам. Особенность погребального обряда заключается в том, что, с одной стороны, он «зависит от идеологии, сложившейся на основе современного ей экономического и социально-политического развития общества. Но вместе с тем он таит в себе пережитки очень древних мировоззрений, пережитки, устойчиво сохраняющиеся долгое время и передающиеся из поколения в поколение почти без всяких изменений»⁷⁵. Цитированное положение Л. Ф. Силантьевой бесспорно. Оно давно уже не вызывает ни у кого сомнений. Так, еще Г. Шурц отмечал, что «тесной связи между уровнем культуры и погребальными обрядами нет; различные обычаи часто встречаются у одного и того же народа. Самые низшие на наш взгляд формы погребения имеют часто место у высококультурных народов, между тем как у низших рас часто встречаются очень развитые формы погребений»⁷⁶.

Однако, если теоретически указанное положение находит повсеместное признание, в практическом его применении встречается подчас много трудностей. Это можно проследить даже по работе Л. Ф. Силантьевой. Подробно описав обряд кремации в Нимфейском некрополе, подобрав ему ряд бесспорных аналогий в греческой метрополии и процитировав соответствующие стихи из Гомера, автор неожиданно заключает, что «обряд сожжения в Нимфее, как и на Боспоре, представляет собой обычай, принесенный в Северное Причерноморье из Греции и получивший большое распространение на местной почве»⁷⁷. Под «местной почвой» Л. Ф. Силантьева подразумевает ту этническую среду, в соприкосновение с которой вошли греки. Эта же мысль еще раз проводится и в заключительной части работы. Отметив, что обряд сожжения здесь чисто греческий, и сопоставляя его с описанием сожжения в гомеровском эпосе, она пишет: «Поразительное сходство этих существовавших в разное время обрядов погребения еще больше убеждает, что данный обряд, сложившийся в Греции, получил распространение на Боспоре ввиду наличия здесь соответствующих условий»⁷⁸.

Что следует понимать под «соответствующими условиями», нетрудно выяснить из статьи Е. Г. Кастанаян, к которой отсыла-

ет читателя и Л. Ф. Силантьева. По мнению Е. Г. Кастанаян, «наибольшее распространение на Боспоре получили те из погребальных обычаев греческих колонистов Боспора, которые соответствовали обычаям местного населения»⁷⁹. Это важное обобщающее положение иллюстрируется рядом примеров, на которых следует остановиться. Отметим, что ссылка Л. Ф. Силантьевой на работу Е. Г. Кастанаян относительно обряда сожжения не вполне правильна: Е. Г. Кастанаян, как и Л. Ф. Силантьева, считает этот обряд привнесенным из Греции, но полагает, что он не получил широкого распространения в Пантикапее в раннее время, о чем свидетельствует единичность «жженных» гробниц этого периода⁸⁰. Следуя мысли автора, можно полагать, что данный обряд не соответствовал обычаям местного населения, хотя Е. Г. Кастанаян вынуждена признать, что обряд сожжения встречается в Северном Причерноморье эпизодически уже в погребениях эпохи неолита и бронзы, в погребениях последующей скифской эпохи, довольно широко представленных в районе среднего Приднепровья⁸¹. Правда, Е. Г. Кастанаян отмечает, что для территории Боспора и окружающих его районов Крыма и Кубани этот обряд не характерен. Но автор не всегда придерживается метода строго локального рассмотрения, и там, где это считает нужным, широко привлекает сравнительный материал Приднепровья — Киевской, Полтавской, Херсонской губернии, как, например, в случае с интерпретацией деревянных перекрестий⁸². Допустим, однако, что Е. Г. Кастанаян в данном случае права, и обряд сожжения в античных городах Северного Причерноморья действительно не имел соответствующих условий, хотя справедливости ради следовало бы отметить, что соответствующих условий, по-видимому, для этого времени не было во всем эллинистическом мире, поскольку и там преобладал обряд труположения.

Здесь важно другое: тезис о влиянии «местного» погребального обряда на греческий обряд приводит к противоречиям у самого автора этого тезиса. Возьмем, например, такой тип погребений, как каменные ящики. Бесспорно, что этот тип погребений был широко распространен в туземной среде Северного Причерноморья. Он хорошо известен здесь еще для эпохи бронзы, когда ни о каких грехах не могло быть и речи. Территория распространения каменных ящиков огромна: Кавказ, Крым, где, как утверждают, они удерживаются и в античное время, Поднепровье, Поднестровье. Казалось бы, имеются самые благоприятные условия для «соответствия». На деле же

⁷⁹ Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 286.

⁸⁰ См. там же, стр. 274.

⁸¹ См. там же.

⁸² См. там же, стр. 262.

⁷⁵ Л. Ф. Силантьева, указ. соч., стр. 28.

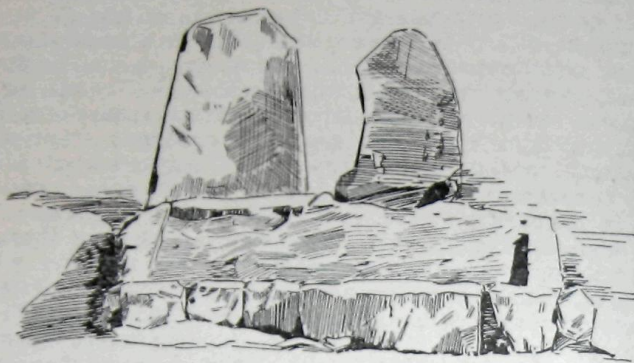
⁷⁶ Г. Шурц. История первобытной культуры. С.—П., 1898, стр. 189. Работается, мы не можем присоединиться к Г. Шурцу в его делении народов на высшие и низшие расы.

⁷⁷ Л. Ф. Силантьева, указ. соч., стр. 22.

⁷⁸ Там же, стр. 94.

Е. Г. Кастанаян сталкивается со следующим фактом: «Незначительное по количеству место занимают в некрополе Пантикапея архаического времени грунтовые гробницы, сложенные из прямоугольных плит и перекрытые такими же плитами...»⁸³.

Каменный ящик из некрополя на о. Березани (рис. с фотографии).

Затем, приведя значительное количество сравнительного материала греческой метрополии, она обращается к неожиданному заключению: «Появление таких гробниц в пантикапейском некрополе во второй половине VI в. до н. э. надо, по-видимому, связывать с традициями греческих колонистов. Однако очень показателен факт, что такого типа гробницы получили большое распространение на Боспоре, и в частности в Пантикапее, в противоположность Греции, где каменные гробницы не были частым явлением. Очевидно, широкому распространению данного типа гробниц способствовало соответствие его местным традициям Северного Причерноморья»⁸⁴.

Итак, большое и широкое или, наоборот, незначительное распространение имел тип погребений в каменных ящиках? Подобная постановка вопроса вообще вряд ли является правомерной. Обряд погребения в плитовых гробницах характерен для архаических некрополей Греции (мы не можем согласиться с утверждением, что для Греции он не был частым явлением). Так же, как и в Северном Причерноморье, корни этого обряда уходят там в традицию бронзового века. Так как архаический период в некрополях Боспора представлен слабо, то вполне естественно, что и количество плитовых гробниц здесь

очень невелико. Иную картину мы наблюдаем в архаическом некрополе Березанского поселения, где на сравнительно небольшой площади раскрыто около двух десятков сохранившихся плитовых гробниц и большое количество каменных развалов, принадлежавших, вероятно, подобного же типа гробницам⁸⁵.

Тезис о «соответствии», являясь одним из проявлений общей тенденции теории двусторонности, направлен на то, чтобы, отрицая эллинский характер античных городов раннего времени, доказать, с одной стороны, большую этническую пестроту населения этих городов, с другой — синкретизацию и даже органическое слияние «культур» двух противостоящих друг другу миров. Методический принцип подобных исследований заключается в кропотливом отыскании всевозможных, порою ничего не значащих, отклонений от «нормы» греческого погребального обряда, нормы, которой мы не встречаем и в самой греческой метрополии. Естественно, что это толкает исследователя на путь формально-типологических изысканий. В результате погребальный обряд, это материальное выражение сложного комплекса идеологических представлений, предстает перед нами как механическое соединение не связанных между собой элементов обрядности. Обратимся к примерам.

Для некрополя Тузлы характерны грунтовые могилы, в которых покойного клали прямо на землю или на подстилку из камки, морского песка, раковин. Подстилки из морского песка зафиксированы и для некрополей греческой метрополии. Но, замечает Е. Г. Кастанаян, «в некрополе Тузлы эти подстилки представляют сочетание морского песка со слоем раковин и камкой, что указывает на местные корни обычая»⁸⁶. Казалось бы, следовало прежде всего обратить внимание на духовную сущность обряда: заботу о покойном, создании ему элементарных «удобств» в загробной жизни. Ведь именно это и роднит Тузлинский некрополь с некрополями Греции. Что касается деталей, то они зависят прежде всего не от этнической принадлежности погребенного, а от таких факторов, как социальная принадлежность, характер местных «ресурсов». Совершенно естественно, что в погребениях зажиточных людей мы встретим гроб, саркофаг или клинию, а не песчаную подстилку; в местности, расположенной вблизи моря, могли применять и камку, пользуясь при этом и песком, не просивая его для того, чтобы отделить от ракушек, в других местах с успехом применяли и применяют для этих целей листья деревьев, траву, солому и т. д. Суть при этом остается одна, и для отыскания этой сути совсем не требуется обращаться к «местным корням» Байдарской долины.

⁸³ Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 260.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ См. «Дневник Г. Л. Скадовского».

⁸⁶ Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 288.

Еще пример. Для некрополей античных городов Северного Причерноморья весьма обычными являются грунтовые могилы с деревянными перекрытиями (как вариант таковых мы можем рассматривать каменные перекрытия). Подобные же перекрытия имеются и в Греции. Но, замечает Е. Г. Кастанаян, этот обычай встречается в Греции далеко не везде и только до определенного времени — не позднее VI в. до н. э., из чего следует, что считать его овойственным греческому погребальному культу не представляется возможным. «Потому эта черта могильного устройства выступает для боспорских некрополей как специфическая, в отличие от некрополей греческих. В чем причина такого широкого распространения на Боспоре этого вида могильных перекрытий? Очевидно, объяснения этому надо искать в погребальном культе местного населения Северного Причерноморья»⁸⁷. Здесь же как вариант негреческой обрядности рассматриваются настилы из камня или камыша над деревянными перекрытиями могил⁸⁸.

Остановимся еще на одном, как полагают, проявлении «местных» влияний — обычае класть в могилу с погребенным предметы вооружения. Обычай этот, в противоположность греческой метрополии, широко распространен в Северном Причерноморье. Как отмечает Г. А. Цветаева, в раннем некрополе Пантикапея погребения с оружием составляют примерно 12% общего количества погребений⁸⁹. Для некрополя Тузлы эти цифры еще значительнее: 29% в конце VI—начале V в. и 32% в V—IV вв.⁹⁰ Не менее часты такие погребения и в некрополе Ольвии. Основная масса вооружения представлена наконечниками стрел, число которых в одной могиле порою достигает нескольких десятков, реже встречаются наконечники копий и мечи, иногда — ножи или кинжалы.

Отношение исследователей к этнической принадлежности погребенных с оружием окончательно не определилось. Большинство⁹¹ склонно считать такие погребения «местными». Отдельные авторы проявляют непоследовательность. Так, Г. А. Цветаева в очень содержательной работе о грунтовом некрополе Пантикапея не ставит и под сомнение греческую принадлежность погребений с оружием и совершенно логично заключает: «У нас нет никаких оснований вслед за М. И. Ростовцевым

считать подобные погребения не греческими. Было бы странным, если бы скифы-воины, а не греки защищали в это время небольшую греческую колонию, окруженную враждебными ей местными племенами»⁹². В более поздней работе о курганном некрополе Пантикапея Г. А. Цветаева сочла возможным пересмотреть свои прежние взгляды, нигде, впрочем, не оговаривая этого. И хотя первое ее заявление в этой работе по интересующему нас вопросу носит компромиссный характер⁹³, в ходе изложения курганные погребения с оружием рассматриваются как «туземные»⁹⁴.

Е. Г. Кастанаян совместила воедино обе концепции. Подробно рассмотрев причину исчезновения оружия в погребениях классической Греции и приведя очень основательное мнение Ф. Бруна о зависимости этого исчезновения, она возвращается к своему прежнему тезису: «Греческие колонисты, оказавшись на чужбине, очевидно, вынуждены были организовать всеобщее ополчение, соответствующее строю военной демократии и сохранившееся в классовом обществе лишь в силу специфических условий пребывания его членов — греческих колонистов в окружении «варваров»... Однако одним этим нельзя объяснить столь долгое соблюдение у греков Северного Причерноморья этого обычая, существовавшего там на всем протяжении античного периода. Причины живучести этого обычая следует искать в факте существования подобного обычая у коренных жителей Северного Причерноморья — скифов и затем сарматов, что оказало определенное влияние на обряд захоронения северопричерноморских греков»⁹⁵. В последующем изложении наличие оружия в погребениях рассматривается чаще всего как проявление «местной» традиции⁹⁶.

Таким образом, благодаря усилиям исследователей и в полном соответствии с общепринятой схемой «от военной демократии к классовому обществу» произведено разоружение. Нужно только заметить, что это разоружение носит односторонний характер: оружие изъято у греков, что же касается скифов, синдов, меотов и представителей других этнических компонентов, якобы входящих в упомянутый этнический симбиоз, то им

⁸⁷ Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 261.

⁸⁸ См. там же, стр. 262—263. Значительно осторожнее подходит к этому вопросу Т. Н. Книпович (указ. соч., стр. 133): «Ни наличие растительных подстилок, ни присутствие деревянных перекрытий, ни вещи в скифском стиле не могут сами по себе служить признаком, говорящим о негреческом происхождении погребенного».

⁸⁹ См. Г. А. Цветаева, Грунтовой некрополь Пантикапея..., стр. 68.

⁹⁰ См. Н. П. Сорокина, указ. соч., стр. 21.

⁹¹ Особенно С. И. Капошина (Погребение скифского типа в Ольвии. СА, т. XIII, 1950, стр. 205—216).

⁹² Г. А. Цветаева, указ. соч., стр. 68.
⁹³ См. Г. А. Цветаева, Курганный некрополь Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 231: «Часто, видимо под влиянием местного «варварского» обычая, туда (в могилу — В. Л.) помещали и оружие».

⁹⁴ Там же, стр. 231—232, 240, 241.

⁹⁵ Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 270.

⁹⁶ См., напр., стр. 292: «Частые случаи захоронения с оружием, напутственная пища, характерная засыпка деревянных настилов над могилой слоем морского песка с раковинами и камкой, аналогичные подстилки под покойником, отсутствие трупосожжений и погребений в амфорах — все это нельзя признать греческими чертами, ибо для греческих некрополей они не характерны».

предоставлена возможность пользоваться по-прежнему преимуществами военной демократии. Непонятно, однако, каким образом этот вооруженный «местный» компонент оказался в подчинении у безоружных пришельцев — греков.

Правильную и четкую позицию в отношении погребений с оружием заняла В. М. Скуднова. Проанализировав погребения с оружием из ольвийского некрополя, она пришла к выводу, что эти погребения принадлежат греческому населению. И это вполне естественно: «Никак нельзя себе представить, что в Ольвии VI в. проживали вооруженные скифы и что защита города была поручена им, а греческое население жило безоружным»⁹⁷.

Многочисленные находки предметов вооружения на территориях античных городищ Северного Причерноморья и их некрополей, бесспорно, являются ярчайшим проявлением той реальной ситуации, которая сложилась во взаимоотношениях греческих колонистов с окружающими их варварскими племенами. В равной степени неприемлемы две крайности в вопросе понимания взаимоотношений эллинского и варварского миров: с одной стороны, как значительного социально-этнического симбиоза, которого, по-видимому, не существовало в классическом античном мире, с другой — как отношений чистого господства и подчинения, при которых грекам отводится роль только грабителей, только угнетателей, только эксплуататоров; последнее воззрение, бесспорно, является отражением социальных коллизий современности.

Уместно напомнить известное положение К. Маркса об экономических и социальных основах войн в древнем мире: «Единственной преградой, на которую данный коллектив может натолкнуться в своем отношении к естественным условиям производства — к земле (уж если мы сразу перейдем к оседлым народам), как к своим, является другой коллектив, который уже располагает этими условиями, как своим неорганическим телом. Поэтому война — это один из самых первобытных видов труда каждого из этих естественно сложившихся коллективов как для отстаивания собственности, так и для приобретения ее» (курсив К. Маркса. — В. Л.). Здесь имеется в виду и классовое, рабовладельческое общество: «Если вместе с землей завоевывают и самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства...»⁹⁸.

⁹⁷ В. М. Скуднова. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. ЗОАО, т. I (34), Одесса, 1960, стр. 72.

⁹⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, № 1, М., 1940, стр. 21. См. также: А. Мишулин. К изучению роли войны и военного производства в древности. — ВДИ, № 1, М., 1940, стр. 219 и след.

Характерной чертой большинства исследований о некрополях Северного Причерноморья является отыскание многочисленных элементов примитивизма в погребальном обряде и приписывание их негреческому, «местному» населению. Греческий погребальный обряд мыслится как нечто единообразное, статичное и совершенное. Всякое отклонение от этой нормы рассматривается как не греческое, привнесенное или заимствованное. Это хорошо выражено у С. И. Капошиной: «Вряд ли греки с их совершенно иными, отстоявшимися представлениями о душе и загробном мире могли воспринять более примитивные в этом отношении воззрения и нарушить традиции в наиболее консервативной области религии — в погребальном культе. Скорее всего представители местного населения, проживающие в городах, даже и в том случае, когда они приспособлялись к обычаям греческого населения (тезис С. И. Капошиной — в оборотом смысле противоположен тезису Е. Г. Кастанаян. — В. Л.), все же сохраняли черты своих традиционных обрядов»⁹⁹. Высказанное С. И. Капошиной положение имеет принципиально важное значение и заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Колонизация Северного Причерноморья протекала в основном во второй половине VII—VI в. до н. э. К греческому миру этого времени менее всего применимы определения «оформившийся», «отстоявшийся». Это время исторического брожения и оформления, интенсивного отмирания и становления, говоря фигурально, это время, давшее Гомера, Гомер же, как превосходно определяет А. Ф. Лосев, «это граница между двумя античными формациями — общинно-родовой и рабовладельческой. Как и всякая граница, он не есть ни то, что ограничивается, ни то, что ограничивает, но есть та единственная и нераздельная точка, в которой неразлично совпадает и ограничивающее и ограничиваемое»¹⁰⁰. Пограничным положением характеризуется не только экономическая и политическая история Греции этого времени, но и ее духовная история. Множество рудиментов первобытной идеологии органически пронизывает духовную культуру. Поэтому греческая архаика — это время ярких идеологических контрастов, разнообразнейших идеологических форм, естественно находящихся отражение и в погребальных обрядах.

Этот неустоявшийся духовный мир переносится в Северное Причерноморье. Дальнейшее развитие отдаленной периферии протекает в значительной степени самостоятельно. Естественно, что отрыв от метрополии определяет и консерватизм некоторых идеологических форм. Весьма показательно, например, что, анализируя погребальный ритуал таманских некрополей,

⁹⁹ С. И. Капошина. Погребение скифского типа в Ольвии, стр. 212.

¹⁰⁰ А. Ф. Лосев. Гомер. М., 1960, стр. 81.

Е. Г. Кастанаян отмечает его консервативный характер, устойчивость типов погребений на протяжении веков¹⁰¹. Если некрополи крупных центров, таких как Пантикапей или Ольвия, и дают большее разнообразие, большую подвижность и развитие погребального ритуала, то это вполне естественно: в отношении некрополей периферийных поселений к некрополям крупных центров проявляется та же особенность, что и в отношении античных городов Северного Причерноморья к греческой метрополю. Но и в крупных причерноморских центрах формы погребального обряда достаточно устойчивы¹⁰². Таким образом, уже чисто логически мы можем заключить, что в силу специфических условий существования античной периферии — ее большой удаленности от центра античной цивилизации, — который застой, консервативность в области культурных явлений неизбежно обусловлены. Поэтому наличие рудиментов первобытных верований, отраженных в погребальном обряде, ни в какой степени не является доказательством так называемых местных влияний.

Чтобы показать, насколько в архаическое время был сложен и противоречив комплекс идеологических представлений, ограничимся лишь одним рядовым примером. В 1960 г. при раскопках Березанского поселения на раскопе II в западной части острова было открыто детское кремнированное захоронение¹⁰³. Прах сожженного помещался на трамбованной и обожженной глиняной площадке. Сверху он был обложен яйцевидными камнями-галочками, часть таких камней была уложена и на глиняной площадке. Все это сверху обмазано слоем желтой глины. В инвентаре — амфорные обломки, обломки ионийских киликов и лепных сосудов, керамические пробочка и пряслице, свинцовое грузильце, монета-стрелка, две пастовые бусины, большой кусок серы, камешек-дикарчик антропоморфной формы.

Греческая принадлежность погребения бесспорна. Об этом свидетельствуют и сам тип погребения — кремация, и обломки греческой керамики, и монета-стрелка, выполняющая, по-видимому, роль «оболы Харона». Уже здесь мы сталкиваемся с рядом сложных анимистических представлений: кремация как выражение идеи освобождения души от ее материальной оболочки, плата за переход в царство мертвых, представление о нематериальных душах, образах вещей, сожженных вместе с покойным и т. д. Определенно культовое значение имеют

¹⁰¹ См. Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 292—293.

¹⁰² См. Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 286: «Прслеживая историю пантикапейского некрополя доэллинистического времени с точки зрения развития погребального культа, нельзя не заметить отсутствие сколько-нибудь заметных изменений на протяжении почти двух с половиной столетий».

¹⁰³ См. В. В. Лалин. Раскопки поселения на острове Березани 1960 г. — КСИИ, вып. II, стр. 44—45.

яйцевидные камни-галочки, отражающие, вероятно, какие-то неясные хтонические представления и изредка встречающиеся в греческих некрополях с древнейших времен (Илион, Тиринф, Фера). Особенно интересно присутствие в погребении антропоморфного камешка, удивительно похожего на архаического протому мужской фигуры. Связь его с литогенными представлениями, быть может и неосознанными, несомненна, последние же характерны для первобытных этапов духовной культуры человечества, когда камни вообще, а особенно странной или антропоморфной формы, являлись предметом поклонения как вместилища духов. Отголоски этих верований сохранились и в фольклоре современных цивилизованных народов в сказках о людях, превращенных в камни (ср. греческий миф о Персее). Вместе с тем суевное поклонение камням, вплоть до умашения их маслом и молитв, обращенных к ним, сохранялось у древних греков на протяжении всей их истории¹⁰⁴.

В рассмотренном примере нельзя найти ничего отстоявшегося. Наоборот, здесь все в движении, все в процессе отмирания и становления. Нельзя сказать, чтобы указанное явление было специфической особенностью верований греков Северного Причерноморья. Множество рудиментов первобытных верований существовало и в самой Греции. Исследование их могло бы явиться темой больших специальных работ. Ограничимся лишь несколькими примерами.

Наряду с антропоморфизмом богов мирно уживался фетишизм. На Эвбее поклонялись Артемиде, которую изображал чурбан (ΞΟΑΝΟΝ), Афины-Палладу чтили в образе столба, в Гиекте изображение Геракла заменял камень, подобный же камень изображал фесийского Эрота. По этому поводу Дж. Грот указывает: «Первобытный памятник, воздвигнутый божееству, не имел даже претензии на сходство с человеческой фигурой и состоял часто из простого столба, доски, неотесанного камня или бревна, которому вся ближайшая окрестность поклонялась и приносила дары»¹⁰⁵. Северное Причерноморье имеет подобный пример в Херсонесе (ксан Богини Девы).

Человеческие жертвоприношения нашли отражение не только в греческой мифологии, но засвидетельствованы и историческими источниками. В утро битвы при Саламине на глазах всего своего войска Фемистокл собственноручно задушил трех пленных — племянников персидского царя, юношей необыкновенной красоты; они принесены были в жертву Дионису Оместу¹⁰⁶. По сообщению Диогена Лаэртского, после килоновой смуты для очищения Афин была пролита кровь двух юношей — Кра-

¹⁰⁴ См. Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 373. Здесь же библиография.

¹⁰⁵ Grote. History of Greece, IV, стр. 132.

¹⁰⁶ См. Plut. Pelop., 21,5.

тина и Ктесибия¹⁰⁷. Еще в VI—V вв. до н. э. в крупных ионийских городах и Афинах существовал обычай в случае несчастий прибегать к «козлу отпущения» — «фармаку». «Фармаками» были обычно калеки, идиоты или осужденные на смерть преступники: их побивали камнями, ожигали или, в лучшем случае, изгоняли из города¹⁰⁸. Варварский обычай человеческих жертвоприношений нашел отражение в обряде проливания нескольких капель крови¹⁰⁹.

То же явление наблюдается и в погребальном культе. Если гомеровский рассказ о троянских пленниках, брошенных на погребальный костер Патрокла, за «давностью событий» может быть игнорирован¹¹⁰, то рассказ Павсания о самоубийстве трех мессенских вдов имеет исторические корни в более позднем времени¹¹¹. Лукиан в своем саркастическом описании погребальных церемоний вряд ли сильно грешит против истины: «Ведь сколько было людей, которые и коней и наложниц, а иные даже и виночерпиев закалывали на похоронах, одежды и другие украшения сжигали или зарывали вместе с покойниками, как будто там, под землей мертвые могут воспользоваться и насладиться всем этим»¹¹². Мы же, кстати сказать, даже в простой бараньей кости видим сигнал негреческой принадлежности погребенного, как будто между медовым пирогом для Кербера и куском мяса, положенным в могилу с покойным, лежит пропасть культурных сдвигов.

Согласимся с Андрэ Боннаром: «...греческий народ был совершенно таким же народом, как и всякий другой, первобытнейшим из первобытных. Его цивилизация распускалась и взращивалась на том же черноземе суеврий и мерзостей, на котором выросли все народы мира...

О Греция искусств и разума Тэна и Ренана, розово-голубая Греция, Греция-конфетка, как ты вымазана землей, пахнешь потом и перепачкана кровью»¹¹³.

Особого внимания заслуживает рассмотрение обряда скорченных захоронений в античных некрополях Северного Причерноморья. Сравнительная немногочисленность этих погребений, их относительная древность, специфика инвентаря, архаический, идущий из глубокой старины тип захоронений — все это резко выделяет скорченные погребения из общей массы погребений античных некрополей. Захоронения в скорченном

положении зафиксированы для многих архаических и классических античных некрополей Северного Причерноморья: Ольвии¹¹⁴, Херсонеса¹¹⁵, Пантикапея¹¹⁶, Фанагории¹¹⁷, некрополя в районе поселка им. Войкова, принадлежащего, возможно, античному Мирмекию¹¹⁸, Таманского некрополя, относимого В. Ф. Гайдукевичем к Гермонассе¹¹⁹, некрополя (по-видимому, Корокондамы) у хутора Кротенко¹²⁰. Большое количество скорченных захоронений дал некрополь поселения на о. Березани¹²¹.

Негреческая принадлежность погребенных в скорченном положении у большинства советских исследователей не вызывает сомнений. С. В. Киселев считает скифское происхождение скорченных недоказанным и полагает, что немалый процент скорченных покойников имеется в греческих некрополях метрополии, без всяких, впрочем, ссылок на конкретный материал¹²². Л. М. Славин отрицает скифскую принадлежность скорченных погребений Березани и высказывается за их греческое происхождение¹²³. Наоборот, Е. Г. Кастанаян отмечает, что обычай скорченных захоронений прослеживается в Греции лишь в наиболее древних погребениях и не встречается позднее IX—VIII вв. до н. э., поэтому скорченные захоронения Северного Причерноморья рассматриваются ею как пережиток обряда, сохранившегося здесь еще с эпохи бронзы¹²⁴.

¹¹⁴ См. С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, стр. 161—173.

¹¹⁵ С. И. Капошина, указ. соч.; Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. — Крымиздат, 1938, стр. 164—165; его же, Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи, стр. 155—163; С. Ф. Стрелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. его же. Некрополь Херсонеса классической эпохи, стр. 272—284; Херсонесский сборник, вып. IV. — Крымиздат, Симферополь, 1948, стр. 69—95 и др.

¹¹⁶ См. Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 283; Г. А. Цветаева. Грунтовый некрополь Пантикапея..., стр. 67.

¹¹⁷ М. М. Кобылина. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. МИА, № 19, М., 1951, стр. 239 (могила № 5).

¹¹⁸ См. С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. МИА, № 69, М., 1959, стр. 150 (гробница 51), стр. 151—152 (гробница 73), стр. 153 (гробница 86).

¹¹⁹ См. В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, М., 1959, стр. 166, 168, (пог. 14, раск. I), стр. 171, 173 (пог. 3, раск. II), стр. 178 (пог. 15, раск. II), общие замечания — стр. 186.

¹²⁰ См. Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 290.
¹²¹ Общая характеристика скорченных захоронений Березанского некрополя дана С. И. Капошиной (Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 221—222, 230—231).

¹²² См. С. В. Киселев. Рец. на книгу А. А. Исесена «Греческая колонизация...» ВДИ, № 3, 1948, стр. 119—120.

¹²³ См. Л. М. Славин. Древнегреческое поселение на острове Березани, стр. 168.

¹²⁴ См. Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 183.

¹⁰⁷ См. Diog. Laert. — I, 10, 3, § 110; Athen. XIII, 78, стр. 602 c—d.
¹⁰⁸ См. Андрэ Боннар. Греческая цивилизация, т. I, М., 1958, стр. 18—19. Большой материал о «козлах отпущения» приведен в книге: Д. Ж. Фрэзер. Золотая ветвь. Л., 1928, стр. 111—115.

¹⁰⁹ См. Э. Тэйлор, указ. соч., стр. 495.

¹¹⁰ См. Hom. Ilias., XXIII, 175.

¹¹¹ См. Paus., IV, 2, 7.

¹¹² См. Lucianus. De luctu, 14.

¹¹³ Андрэ Боннар. Греческая цивилизация, т. I, М., 1958, стр. 20—21.

Сложнее обстоит дело с конкретизацией этнической принадлежности скорченных захоронений. С. И. Капошина в противовес Г. Д. Белову высказала предположение, что скорченные захоронения не только Ольвии, но и Херсонеса принадлежат скифскому населению. Отрица принадлежность херсонесских погребений таврам, она аргументировала это тем, что специфические особенности таврских погребений — устройство могил в виде каменных ящиков, коллективные захоронения в них, своеобразный инвентарь (бронзовые украшения, единичность железных предметов вооружения, керамика из грубой глины, изредка украшенная резным линейным орнаментом) — в скорченных погребениях Херсонеса отсутствуют¹²⁵. Г. Д. Белов, однако, счел возможным не согласиться с мнением С. И. Капошиной, указав, что «все ближайшее окружение Херсонеса было таврским: Балаклава, Байдары, Второй Кордон, Инкерман и др. Сама природа — плоскогорье и огражденность Гераклейского полуострова горами от северной степной части — располагала тавров к поселению здесь, в замкнутом районе, в то время как скифы оказались бы в этом месте оторванными от основной своей территории — степи и являли бы собою маленький островок в среде враждебного им таврского населения»¹²⁶. Тем не менее несколько ниже, в той же работе, говоря о взаимоотношениях греков Херсонеса с туземным населением, — взаимоотношения эти мыслятся, конечно, как торговые, поскольку «главным и, вероятно, единственным занятием жителей в этот начальный период была торговля» — Г. Д. Белов уже не говорит о таврском окружении и подразумевает под контрагентом греков скифские, а не таврские племена¹²⁷. Как бы то ни было, одним утверждением о таврском окружении Херсонеса своеобразии скорченных захоронений в его некрополе объяснить нельзя. Не находим такого объяснения и в других работах Г. Д. Белова, а также С. Ф. Стржелецкого. Единственная серьезная попытка доказать таврскую принадлежность херсонесских погребений имеется у А. И. Тюменева: отличие херсонесских погребений от таврских он объясняет как результат эллинизации таврского населения Херсонеса¹²⁸. Против этого можно представить три возражения: 1. Эллинизация может мыслиться как процесс постепенный. Эта постепенность должна была бы отразиться и в эволюции таврского погребального обряда. Почему это не прослеживается в скорченных погребениях Херсонеса? 2. Скорченные погребения Херсо-

¹²⁵ См. С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, стр. 170—172.

¹²⁶ Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 32, прим. 1.

¹²⁷ См. там же, стр. 54 и след.

¹²⁸ См. А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, III, ВДИ, № 4, М., 1949, стр. 86, прим. 2.

неса по существу аналогичны скорченным погребениям некропелей других античных поселений Северного Причерноморья. Почему эволюция таврского погребального обряда в Херсонесе завершилась именно в направлении такой нивелировки с погребальным обрядом других античных поселений? 3. Согласно неоднократно высказываниям Г. Д. Белова, скорченные погребения в некрополе Херсонеса принадлежат обитателям таврского поселения, существовавшего здесь еще до появления греков¹²⁹.

Скорченные погребения Херсонеса приобретают важнейшее значение, потому что они позволяют исследователям сделать ряд принципиальных заключений о характере колонизации. Основные выводы Г. Д. Белова таковы: «Большое количество скорченных погребений указывает, во-первых, на то, что греческое поселение на месте Херсонеса было значительным по своей величине, во-вторых, что основание Херсонеса греками было по существу присоединением их к уже существовавшему туземному поселению; в-третьих, что местное население, оказавшееся в черте основанного греками города, по-видимому, пользовалось в начальную пору жизни города равноправным положением, поскольку скорченные погребения находились на одном кладбище с греческими погребениями и при скорченных костяках встречался инвентарь греческого производства»¹³⁰. Мы видим здесь уже знакомую нам по работам второй половины XIX в. схему возникновения города-колонии. Более или менее последовательно она воспроизводится во всех современных исследованиях о Херсонесе. Даже А. И. Тюменев — единственный из исследователей, который трезво отнесся к теории «торговой колонизации» района Херсонеса, был чужд идеализации уровня развития таврских племен, отмечал, что «если херсонесцам и приходилось иногда сталкиваться с горными таврами, отношения между ними носили, прежде всего, враждебный характер», который выступал против «преувеличенных представлений» Н. В. Пятюшевой («Тавры и Херсонес Таврический») о взаимоотношениях между херсонесцами и таврами, — затронув вопрос о скорченных погребениях, вступает на путь компромисса со своими предшественниками: «Факт длительного существования некрополя со скорченными погребениями... приводит к заключению о наличии в Херсонесе части таврского населения, заселявшего северный берег и занимавшегося по преимуществу рыболовством и частично ремеслом...»¹³¹. Пол-

¹²⁹ См. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 20 и след.; его же. Некрополь Херсонеса классической эпохи, стр. 283; его же. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи, стр. 159 и след.

¹³⁰ Там же, стр. 32—33.

¹³¹ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, III. Херсонес и местное население: тавры, ВДИ, № 4, 1949, стр. 86.

ностью воспроизводит традиционную схему о взаимоотношениях херсонеситов и тавров А. М. Лесков в специальной монографии о таврской культуре¹³².

Тенденция современных исследователей в вопросе о взаимоотношениях херсонеситов и тавров заключается в усилении роли таврского населения. В. Н. Дьяков, интерпретируя скорченные погребения Херсонеса, высказывает предположение о том, что «это были какие-нибудь замирившие тавры, оставшиеся жить поблизости недавно основанного города»¹³³. Г. Д. Белов говорит о смешанном грекотаврском некрополе и делает вывод о свободном, если и не равноправном то во всяком случае независимом положении тавров в Херсонесе¹³⁴, затем более уверенно — о равноправном их положении¹³⁵. С. Ф. Стржелецкий считает возможным говорить уже о гражданстве тавров Херсонеса и о существовании обособленного обширного таврского кладбища в Херсонесе на том основании, что на открытом им в 1945 г. участке могильника «все погребения, не говоря уже об общей основе погребального обряда — угольно-зольной подсыпке и морской гальке на подошве могил, одним или несколькими признаками подтверждают вывод о принадлежности их таврскому населению города и в целом находят яркие аналогии в погребениях каменных ящиков горного Крыма»¹³⁶.

Основная цель подобных утверждений, как можно понять из слов самого С. Ф. Стржелецкого, заключается в том, чтобы «массовым материалом окончательно опровергнуть устаревшие буржуазные установки о «чисто греческой» культуре Херсонеса». Вполне сознавая опасность быть обвиненными в «буржуазных установках», мы, однако, придерживаемся противоположных взглядов. По нашему мнению, этому не противоречат и скорченные погребения.

Отметим прежде всего, что вопрос о скорченных погребениях не может быть решен на материале какого-нибудь одного поселения, например Херсонеса, путем подыскания аналогий этим

скорченным погребениям в ближайшем варварском окружении. Методически С. И. Капошина более права, сопоставляя ольвийских скорченников с херсонесскими, чем Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий, рассматривающие скорченников Херсонеса изолированно. Но став на путь сопоставлений, необходимо констатировать распространенность в определенных хронологических рамках скорченных погребений на весьма обширной территории, принадлежавшей греческим поселениям, а также единообразию обряда скорченных захоронений для всей этой территории. Скорченные погребения не являются специфическими для Северного Причерноморья, они встречаются по крайней мере и в античных некрополях Западного Причерноморья. Таким образом, признав скорченность признаком определенного этноса и констатировав единообразие этих захоронений на всей причерноморской территории, мы должны найти здесь тот единый этнос, которому присущи скорченные захоронения. Им могут быть греки или не-греки. Не-греки — это синды, меоты, скифы-кочевники, скифы-земледельцы, тавры, фракийцы и т. д. По-видимому, ни один из исследователей не решится ратовать за общность этноса этих племен. Как ныне многие полагают, скифы — это пришлые племена, тавры — остатки киммерийского, автохтонного, в пределах той же эпохи, населения, с особой, отличной от скифской, культурой, настолько отличной, что даже древним это было очевидно; уже Геродот, сравнивая тавров со скифами, называет их «другим народом» (ἄλλο ἔθνος).

Итак, на всей обширной территории распространения скорченных погребений в античных некрополях имеется по два этнических компонента, один из которых является общим для всей этой территории, второй (вернее, вторые) этнически неоднороден. Этот общий компонент — греки. Руководствуясь законом элементарной логики, следовало бы признать греческую принадлежность обряда скорченных захоронений.

Болгарскому ученому Ивану Венедикову греческая принадлежность скорченных погребений в некрополе черноморской Аполлонии представляется, по-видимому, настолько очевидной, что он не считает даже нужным подчеркивать это обстоятельство. Скорченные погребения рассматриваются им наряду с другими, не менее «оригинальными» погребениями как погребения греческого населения. Эти погребения входят у И. Венедикова в круг доказательств того положения, что Аполлония «возникла не как поселение со смешанным фракийским и греческим населением, а имела чисто ионийский характер»¹³⁷. Влияние фракийцев он усматривает лишь в кремнированных захоронениях и в некоторых специфических предметах погребаль-

¹³² См. А. М. Лесков. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. К., 1965, стр. 181 и след.

¹³³ В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, М., 1942, стр. 26.

¹³⁴ См. Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг., стр. 195; его же. Некрополь Херсонеса классической эпохи, стр. 284.

¹³⁵ См. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 32—33.

¹³⁶ С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г., стр. 94. Не определил окончательно своего отношения к различным типам погребений в «таврском» некрополе Херсонеса А. М. Лесков. С одной стороны, он признает само собой разумеющимся сосуществование различных видов трюпоположения (даже наличие в одной могиле скорченного и вытянутого костяков), наличие переходных форм, удивляясь лишь тому, что погребения совершены в грунтовых могилах, а не в каменных ящиках, с другой — отрицает таврскую принадлежность вытянутых и амфорных захоронений (указ. соч., стр. 182—183).

¹³⁷ Иван Венедиков. Аполлония на Черном море. Археологические открытия в Болгария. София, 1957, стр. 93 и след.

ного инвентаря. Как видим, один и тот же археологический источник может использоваться для доказательства диаметрально противоположных утверждений.

Далее, если скорченные погребения античных некрополей имеют с таврскими погребениями общую основу погребально-обряда (под нею мы подразумеваем не угольно-зольную подсыпку, кстати ни в коей мере не характеризующую таврские погребения, а скорченность), то этого нельзя сказать о скифских погребениях. Обряд скорченных захоронений для скифов не характерен¹³⁸. Многочисленные ссылки С. И. Капошиной¹³⁹ на материалы Д. И. Эварницкого, Н. Е. Бранденбурга, В. И. Гошкевича, А. А. Бобринского, Д. Я. Самоквасова и др. исследователей для доказательства скифского происхождения ольвийских скорченников мало приемлемы, поскольку большая часть привлекаемых аналогий относится главным образом к эпохе бронзы, некоторая же часть не может быть точно датирована. Высказывание В. А. Городцова об этих, по-видимому, позднесрубных погребениях чрезвычайно гипотетично: «Ничего не будет неожиданного, если эти погребения займут место среди памятников железной эпохи»¹⁴⁰. Более надежно датируются VI—V вв. до н. э. шесть скорченных погребений из могильника № 2 у станицы Усть-Лабинской¹⁴¹. Н. В. Анфимов отмечает, что скорченные и полускорченные погребения прослеживаются здесь и в более позднее время (III—II в. до н. э.). То же явление наблюдается в Моздокском могильнике¹⁴². Однако и здесь скорченные погребения могут расцениваться лишь как пережиточная для своего времени форма погребального обряда¹⁴³. Именно так только и могут быть поняты единичные скорченные погребения в могильниках, соседствовавших с греческими поселениями племен: как реликтовая, отмирающая форма.

Но в таком случае имеются не менее серьезные основания связывать скорченные погребения в античных некрополях с греческим этносом. В Греции, так же как и Северном Причерноморье, скорченные погребения характерны еще для неолитической эпохи, для микенского времени¹⁴⁴ и доживают, как ре-

¹³⁸ Ср. А. М. Лесков, указ. соч., стр. 182, прим. 60.

¹³⁹ См. С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса, стр. 161—173.

¹⁴⁰ Труды XIII АС, стр. 240.

¹⁴¹ См. Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник № 2 у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 155—207.

¹⁴² См. А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940.

¹⁴³ См. там же, стр. 29 и след.

¹⁴⁴ См. библиограф. в работе: Дм. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества, т. I, М., 1958, стр. 42, прим. 48; Ν. ΚΥΠΑΡΙΣΣΗΝ. ΑΝΑΣΚΑΦΗ ΜΥΚΗΝΑΙΚΟΥ ΝΕΚΡΟΤΑΦΕΙΟΥΝ ΕΝ ΑΓ. ΒΑΣΙΛΕΙΩΙ ΧΑΛΑΝΑΡΙΤΗΣ ΑΧΑΪΑΣ, ΠΡΑΚΤΙΚΑ, ΑΘΗΝΑΙ, 1928, стр. 110 и сл.

ликовая форма, вплоть до времени греческой колонизации¹⁴⁵, а изредка встречаются и в более позднее время. В некрополе Элевсина, например, скорченные погребения в каменных ящиках (чем не тавры?) встречаются в сопровождении антических чернофигурных лекифов¹⁴⁶. Этим же инвентарем характеризуются и полускорченные погребения в некрополе Афин¹⁴⁷. Последней четвертью VII—началом VI в. до н. э. датируются скорченные погребения в каменных ящиках из Диолка на Коринфском перешейке. Н. Верделис полагает, что здесь, по-видимому, этот тип погребений соответствовал местному обычаю того времени¹⁴⁸. Как бы ни были редки эти погребения в некрополях метрополии, нет никаких оснований для утверждения, будто бы наличие скорченных погребений «отличает некрополи Северного Причерноморья античной эпохи от некрополей Греции, где скорченное положение костяка не встречается позднее IX—VIII вв. до н. э.»¹⁴⁹. Итак, формально-типологический метод, при всей его ограниченности, дает возможность положительно решить вопрос о греческой принадлежности скорченных погребений. Это становится еще более очевидным, если выйти за рамки формально-типологического метода и обратиться к сравнительно-историческому методу.

Обряд скорченных захоронений — явление очень широкого хронологического и территориального диапазона. Строго говоря, он не служит определяющим признаком того или иного этноса, а если и может рассматриваться в качестве такого атрибута этноса, то лишь как внешнее проявление определенных общественных отношений и вытекающих отсюда идеологических представлений. Исследователю, задавшемуся целью определить этнос какой-либо конкретной группы скорченных захоронений, необходимо прежде всего попытаться выяснить, насколько соответствует обряд скорченных захоронений уровню общественного развития данного этноса, его хозяйственному укладу (типу хозяйства), достигнутой им степени господства над силами природы, уровню духовной культуры данного этноса. Совокупность положительных ответов на эти вопросы, хотя и не дает окончательного решения задачи, позволяет все же говорить о возможной принадлежности данной группы скорченных захоронений данному этносу. Следующий этап исследо-

¹⁴⁵ См. А. Ν. ΣΚΙΑΣ. ΑΕ, 1898, стр. 97 и 103.

¹⁴⁶ См. ΑΝΑΣΚΑΦΑΙ ΙΟΑΝΝΟΥ Ν. ΤΡΑΥΛΟΥ. ΕΝ ΕΛΕΥΣΙΝΙ. ΠΡΑΚΤΙΚΑ, ΤΟΥ ΕΤΟΥΣ, 1950, ΑΘΗΝΑΙ, 1951.

¹⁴⁷ См. Rodney S. Joung. Sepulturae Intra Urbem, Hesperia т. XX, № 2, 1951; погр. 15 (табл. 44); менее точно, VII—VI вв. до н. э., датируется погребение 21.

¹⁴⁸ См. Nikolos M. Verdelis. Der Diolkos am Isthmus von Korinth. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, т. 71, № 1, 1956, стр. 58.

¹⁴⁹ Е. Г. Кастанаян, указ. соч., стр. 283.

вания — рассмотрение дополнительных доказательств, говорящих в пользу указанного положения. Обряд скорченных захоронений — лишь одно из проявлений сложного комплекса идеологических представлений, ему соответствуют внешние явления того же идеологического порядка. Наличие подобных параллельных явлений — серьезный аргумент в пользу высказанной гипотезы. Совокупность изложенных доказательств в сочетании с доказательствами формально-типологического плана может, как кажется, привести к успешному решению вопроса в целом.

К сожалению, вопрос о внутренней сущности обряда скорченных захоронений разработан еще не достаточно хорошо. Нам не известно ни одного фундаментального специального исследования на эту тему. Из исследований отечественных авторов можно привести лишь одну работу В. В. Гольмстен¹⁵⁰. Однако этот единственный опыт неудачен и потому не получил поддержки со стороны большинства исследователей. В. В. Гольмстен ставит скорченные погребения в связь с этнографически засвидетельствованным обычаем придания труп «сидячего» положения. Такое объяснение, на первый взгляд вполне материалистическое, носит слишком утилитарный характер, слишком упрощает проблему, оставляя в то же время необъясненным ряд важных моментов. Одно несомненно заслуживает внимания в работе В. В. Гольмстен: скорченным захоронения увязываются с определенным этапом в развитии человеческого общества, а именно с родовым обществом. Однако и здесь категорические утверждения были бы неправильными. Подобно тому как «род является учреждением общим для всех варваров вплоть до их перехода к цивилизации и даже позднее» (Ф. Энгельс), так и скорченные погребения доживают в некоторых случаях до цивилизации, т. е. классового общества.

В настоящее время многие исследователи справедливо увязывают обряд скорченных захоронений с комплексом первобытных представлений о жизни и смерти как о едином процессе непрерывных изменений, непрерывных рождений и умираний, при которых рождение и смерть образуют единство, негатив и позитив бесконечной жизни. Представление о смерти как небытии отсутствует, так же как отсутствует представление о рождении как переходе из небытия в бытие. Умерший «причисляется к тотемическим предкам — высшая ступень, с которой в свое время он возвращается, чтобы вновь пройти весь цикл. Рождение есть смерть, а смерть есть рождение»¹⁵¹. И наоборот: «Когда ребенок рождается, возникающая таким обра-

зом жизнь не является новой жизнью... Это просто один из предков, возвратившийся в облике новорожденного... Смерть обозначает не прекращение жизни, а лишь переход от одной формы жизни к другой»¹⁵². И поскольку «смерть есть рождение», естественно стремление придать умершему положение ребенка в чреве матери, «утробное положение». Классическое скорченное труположение есть именно утробное положение, а не положение сидящего или спящего человека: ноги прижаты к груди и животу, руки согнуты в локтях, их кисти находятся у подбородка. Все прочие типы скорченных труположений — различные степени скорченности ног, различное положение рук (например, одна под головой, другая у подбородка) — могут рассматриваться как варианты этого основного положения; вместе с тем в этих отклонениях нельзя категорически отрицать отражение каких-то иных идей, в том числе связи смерти со сном, причем возможны варианты, где именно эти иные идеи играют основную роль; в таких случаях правда на стороне тех, кто видит в скорченности «положение спящего», «положение сидящего» и т. д. Человеческое мышление, проходя в своем развитии определенные закономерные этапы, в каждом конкретном обществе шло своим конкретным путем, поэтому идеологические представления одного общества нельзя механически переносить на идеологию другого.

Идея обратимости, единства рождения и смерти в первобытных земледельческо-скотоводческих обществах тесно переплетается с идеей плодородия, где в качестве животворящих начал естественно выступают мать-земля, являющаяся творцом природы, и женщина-мать как продолжательница рода. Производным этих двух идей является культ предков. Сложность и переплетение этих идей хорошо прослеживаются в погребальных культах. Отражение идей обратимости и плодородия следует, несомненно, видеть в скорченных окрашенных костяках эпохи бронзы. Красный цвет — это цвет крови, а кровь — носитель жизни, поэтому окрашивание покойника символизирует собой повторное оплодотворение¹⁵³. Эти же идеи лежат в основе широко распространенного обряда захоронений в жилищах или вблизи жилищ¹⁵⁴. Но наиболее яркое воплощение получают они в кувшинных погребениях, характерных как для эпохи бронзы, так и для более позднего времени, включая

¹⁵² Karsten R., The civilisation of the South American Indians. London, 1926, стр. 216. Цит. по книге Дж. Томсон, указ. соч., стр. 40, прим. 37. Ср. С. Н. Бибииков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днепре. МИА, № 38, М.—Л., 1953, стр. 261.

¹⁵³ Ср. Дж. Томсон, указ. соч., стр. 205—206. Еще античные ученые полагали, что зародыш образуется из крови (Arist. De generatione animalium, Plin. NH. VII, 66).

¹⁵⁴ См. С. Н. Бибииков, указ. соч., стр. 194 и сл.; А. В. Бураков. Горедние біля с. Козирка поблизу Ольвії. АП, XI, М., 1962, стр. 86 и след.

¹⁵⁰ В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, стр. 37—42.

¹⁵¹ Дж. Томсон, указ. соч., стр. 41.

современность¹⁵⁵. В данном случае глиняный кувшин, в который заключают тело покойного, символизирует матку; это функциональное значение кувшина выступает особенно отчетливо, когда кувшин снабжен антропоморфной орнаментацией с подчеркнутыми признаками женского пола.

Наиболее полное и совершенное отражение идей обратности и плодородия мы имеем в кувшинных погребениях со скорченным положением костяка. Ареал распространения таких погребений очень обширен: они открыты на самой западной оконечности Европы — в Испании¹⁵⁶ и сравнительно далеко на востоке — в Закавказье¹⁵⁷, южная граница их переходит на северные берега Африки (Алжир, где этот обряд прослеживается вплоть до нашей эры).¹⁵⁸

Для Северного Причерноморья из таких погребений большой интерес представляют близкие ему хронологически и территориально погребения кувшинных могильников Закавказья. Крупный могильник открыт в с. Парцханаканеви; погребения совершались в предварительно распиленном на две части сосуде, умершие клались обычно на правом боку в согнутом положении, головой к горлу сосуда. Аналогичное положение зафиксировано и в могильнике у с. Даблагоми. Важно отметить, что среди кувшинных погребений были и погребения детей. М. М. Ивашенко датирует могильник III в. до н. э. и связывает его с начавшейся в середине I тысячелетия до н. э. эллинизацией племен, живших на территории Западной Грузии¹⁵⁹. Последний вывод, однако, как он ни соблазнителен для нас, представляется мало вероятным, поскольку мы имеем здесь дело не с восприятием отдельных внешних сторон обрядности, что могло быть и результатом внешнего культурного воздействия, а с вполне законченным и совершенным обрядом. Более прав С. М. Казиев, допускающий возможность самостоятельного зарождения этого обряда на какой-нибудь определенной идеологической основе¹⁶⁰.

Кувшинный могильник Мингечаура (II в. до н. э.—II в. н. э.) добавляет еще одну очень важную деталь в обрядности, выражающую идеи обратности и плодородия¹⁶¹. В инвентаре по-

¹⁵⁵ См. Л. Нидерле, Человечество в доисторические времена. С.—П., 1898, стр. 287, прим.: «Некоторые дикари, как напр. короады, тидуны, юмы — в Бразилии и до сих пор погребают так своих мертвых». О погребениях в кувшинах у индейцев Южной Америки пишет и Кэрстен (R. Karsten, указ. соч., стр. 34—35).

¹⁵⁶ См. там же, стр. 287.

¹⁵⁷ С. М. Казиев, Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960; здесь же имеются и библиографические сведения; М. М. Ивашенко, Кувшинный могильник в Западной Грузии. СА, XIII, 1950, стр. 320—330.

¹⁵⁸ Л. Нидерле, указ. соч., стр. 287.

¹⁵⁹ См. М. М. Ивашенко, указ. соч., стр. 330.

¹⁶⁰ См. С. М. Казиев, указ. соч., стр. 17.

¹⁶¹ См. там же, стр. 17 и след.

гребений здесь самое значительное место занимают большие и маленькие кувшины с длинным носиком. По форме (исключая только размеры больших кувшинов), а также, по-видимому, и по своему функциональному назначению они близки античным гуттусам, которые служили для кормления детей молоком. С. М. Казиев справедливо подозревает, что и в этих кувшинах хранилось молоко¹⁶². Среди инвентаря погребений встречаются также сосуды с одним или несколькими сосковидными отростками на дне, несомненно имитирующие женскую грудь или вымя животного, имеющие свой прообраз, например, в керамике трипольского типа¹⁶³. Особенно интересен большой фигурный кубок-ритон, орнаментальный мотив которого представляет комбинацию оленьей головы и женской груди¹⁶⁴. Не менее характерно в погребениях наличие маленьких глиняных статуэток с отчетливо выраженными признаками женского пола¹⁶⁵.

Функциональное назначение подобных принадлежностей погребального инвентаря выступает достаточно отчетливо. Нам остается только слегка уточнить одно замечание Дм. Томсона: «Окрасить тело в красный цвет, цвет жизни, придать ему положение младенца в материнском чреве — что же еще мог сделать первобытный человек, чтобы обеспечить душе покойного вторичное рождение?»¹⁶⁶. Оказывается, мог, и очень многое: поместить тело покойного в сосуд, символизирующий женщину, снабдить его атрибутами женского плодородия и даже обеспечить молоком на время его младенческого существования. Большого сделать действительно нельзя. Это полное и логически завершенное выражение идей обратности и плодородия. Но в таком завершенном виде обряд встречается сравнительно редко. Чаще всего мы имеем дело с обрядом, где выражены один-два указанных признака. И там, где имеются эти одиночные проявления, мы вправе реконструировать или по крайней мере допустить возможность других проявлений обрядности, связанной с идеями обратности.

Закономерно поставить вопрос: есть ли основания предполагать у греков архаической поры (а при определенных обстоятельствах и более позднего времени) наличие условий для существования тотемического культа обратности и его отражения в погребальном обряде? Несомненно, есть. Культ

¹⁶² С. М. Казиев, указ. соч., стр. 21.

¹⁶³ Там же, стр. 23.

¹⁶⁴ В интерпретации кубка мы не совсем согласны с исследователем. Как можно понять из публикуемого рисунка, мы имеем дело с изображением именно женской груди, воспроизведенной в чрезвычайно реалистичной манере, а не груди оленя, на чем настаивает С. М. Казиев (указ. соч., стр. 23; табл. XXV).

¹⁶⁵ См. С. М. Казиев, указ. соч., стр. 24; табл. XXX.

¹⁶⁶ Д. Ж. Томсон, указ. соч., стр. 206.

этот характерен не только для этапа господства родовых отношений, но и для времени их разложения, о чем, в частности, свидетельствует многочисленность могильников с одиночными, а не групповыми скорченными захоронениями. Греки периода колонизации находились как раз на стадии преобразования родовых отношений в государственные.

Тотемический культ обратимости имел место в обществах, господствующей формой хозяйства которых является земледелие. Теснейшей связью с землей, зависимостью от ее плодородия и в то же время определенным прогрессом в овладении природой, переходом от случайных способов существования (присвоение) к сознательному и активному производству — и была вызвана к жизни идеология обожествления земли, ее плодоносящей силы, животворящей природы. Греки архаической поры — это земледельческий народ. Таким прежде всего он остался и в последующие времена. Поэтому идеология обожествления природы является здесь естественным продуктом общественно-экономических условий жизни. Пытаться доказать это — значит исписать тысячи страниц и не сказать ничего нового. Итак, условия для существования культа обратимости в Греции были, была и возможность для отражения этого культа в погребальном обряде. Это тем более вероятно, что мы не имеем в Греции какого-то одного определенного погребального обряда. Наоборот, здесь наблюдается большое разнообразие погребальных форм, в том числе и противоречивых. Самое большое противоречие — в одновременном сосуществовании обрядов труположения и трупосожжения. Над разрешением этого противоречия ученые работают давно. По-видимому, прав Дж. Томсон, который диалектически возводит эти противоречивые обряды к одной идеологической основе: «Погребение и сожжение — это позитивный и негативный аспект того же самого общего принципа, в соответствии с которым он, будучи разложен на составные части, становится себе противоположным»¹⁶⁷. Другие, как например К. Кюблер, ищут разрешение противоречия в племенных или этнических различиях¹⁶⁸. Как бы то ни было, если мы попытаемся включить скорченные погребения в общую систему греческих погребальных обрядов, между простым и скорченным труположением больше общего, преемственности и связей, чем между ингумацией и кремацией.

Итак, условия для существования в греческом обществе идеи обратимости и обожествленных производительных сил природы, а следовательно и для существования соответствующих им погребальных обрядов, были. Отметив это, вернемся снова к Северному Причерноморью.

Имеются ли у нас какие-либо археологические доказательства, помимо скорченных погребений, говорящие в пользу существования здесь, в среде греческих переселенцев, указанных культов? Да, имеются. И самым бесспорным из них являются детские погребения в сосудах, преимущественно в амфорах. Они зафиксированы для множества античных поселений Северного Причерноморья и хронологически охватывают почти весь период существования античной цивилизации на нашем Юге. Наиболее ранние из них мы встречаем на Березани, погребения классического времени — в Ольвии, амфорные захоронения эллинистического времени открыты в Херсонесе, мы наблюдаем их затем в Неаполе и, наконец, в первых веках нашей эры — в античном поселении у с. Козырки. Греческая принадлежность этого типа погребений не может подвергаться сомнению. У племен, известных в истории под названием скифских, он отсутствует. Правда, особо ревностные приверженцы «местного» могут указать нам на их наличие в «скифском» Неаполе. Но даже предположив скифскую основу этого поселения, мы должны будем признать огромную роль греческого элемента в его существовании.

Культовая основа детских захоронений в сосудах, как конкретной разновидности погребений в кувшинах вообще, очевидна. В античном мире этот тип погребений получил очень широкое распространение. Погребению в сосудах подвергались, как правило, дети грудного возраста, что вполне соответствовало воззрениям этих народов, воспрещавшим кремировать детей, у которых еще не прорезались зубы¹⁶⁹.

Несмотря на громадный, почти тысячелетний период существования детских амфорных погребений в Северном Причерноморье, уловить существенную эволюцию этого обряда вряд ли возможно. В этом легко убедиться, сравнив две хронологически полярные группы погребений: с одной стороны, погребений из некрополя Березани, с другой — из поселения у с. Козырки.

Остановимся вкратце на козырских погребениях¹⁷⁰.

На сравнительно небольшой площади, в пределах самого поселения здесь в течение ряда лет было открыто около 30 детских погребений в сосудах. Большинство погребений совершено в амфорах. Для одного погребения часто использовались соединения двух или нескольких сосудов. Несколько детских костяков обнаружены в лепных сосудах. В одном парном, хотя и не одновременном, погребении (№ 18 и 19) между костяками обнаружен лепной горшок с тремя соскообразными выступами.

¹⁶⁹ «Hominem prius quam genito dente cremari mos gentium non est» (Plin., NH, VII, 72); ср. Juvenalis, XV, 180: «Terra clauditur infans et minor igne rogi».

¹⁷⁰ См. А. В. Бураков. Городище біля с. Козырки поблизу Ольвії. АП, XI, К., 1962.

¹⁶⁷ Дж. Томсон, указ. соч., стр. 506.

¹⁶⁸ См. К. Kübler, Kerameikos, т. I. Berlin, 1939, стр. 37—38.

Погребальный инвентарь представлен единичными предметами. В одном случае под костяком зафиксирована морская трава. Положение костяков в большинстве случаев не установлено. Удалось установить положение 11 костяков; из них семь с ярко выраженной скорченностью, два со слегка согнутыми ногами, два вытянутые. Следовательно, доминирует скорченное положение. Высказывались предположения, что скорченность диктовалась размерами сосудов для захоронения, однако это мало убедительно и опровергается теми же сосудами, где часто остается свободное пространство для вытянутого положения. К тому же имелась возможность (и это практиковалось) наращивать сосуды. И, наконец, здесь имеется два скорченных погребения грунтовых безамфорных (№ 9 и 17), что окончательно противоречит указанному предположению. Не менее важно и то обстоятельство, что значительная часть погребений совершена в жилых помещениях, под полом. А. В. Бураков правильно оценивает ритуал амфорных захоронений в домах как проявление культа домашних божеств, культа мертвых, в конечном счете как проявление идей плодородия и повторного оплодотворения матери духом ребенка. Скорченность костяков в этих погребениях является неотъемлемым элементом культа.

В некрополе Березанского поселения открыто не менее 154 детских погребений в сосудах¹⁷¹. Так же, как и в Козырке, для этих целей использовались преимущественно амфоры, целые или составленные из крупных обломков. Десять погребений совершены в урнах, предназначенных, по-видимому, специально для этих целей¹⁷², одно — в «сосуде из черной грубой глины», вероятно, в лепном горшке, (что контрастирует с изящной расписной ойнохоей, обнаруженной при костяке), одно парное захоронение в несомненно лепной «большой рыхлой кольцеобразной погребальной урне грубой работы». Погребения совершены в грунтовых могилах. В нескольких случаях амфоры заключены между тремя-четырьмя поставленными на ребро камнями. О погребальном обряде исследователь некрополя почти не упоминает. Существенно отметить, что в некоторых погребениях обнаружены кусочки красной краски — реалгара, куски смолы и серы, иногда внутренние стенки амфор густо покрыты смолистым веществом, иногда в амфорах замечены остатки растительной подстилки. В одном случае детский костяк туго запеленут толстым слоем морской травы. В нескольких случаях отмечены следы бальзамирования и сохранились даже остатки тканей, в которые был запеленут трупик ребенка. Положение

¹⁷¹ См. С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, стр. 220. Таким же оказался и наш подсчет.

¹⁷² См. Г. Крисіні. Дитячі поховання в урнах на о. Березані. Вісник Одеської комісії краєзнавства. ч. 4—5, Одесса, 1930, стр. 93—103.

костяка в громадном количестве случаев не указано. Это объясняется, вероятно, очень плохой сохранностью костяков. Однако там, где положение костяка зафиксировано, мы можем наблюдать картину, сходную с той, которую отметили уже для Козырки: из пяти погребений с зафиксированным положением костяка четыре представляют вариант скорченности («полусидячее» положение) и лишь одно погребение вытянутое.

Наиболее полное представление об обряде детских захоронений в некрополе Березани дает погребение № 488: в грунтовой яме на боку лежит большая погребальная урна (высота 0,90 м), украшенная двумя поясками рельефного орнамента. Широкое горло ее закрыто нижней частью такой же урны, но из грубого материала. Урна подперта снизу тремя камнями, обмазанными глиной. Глиной обмазано и отверстие погребальной урны. В урне скелет ребенка в полусидячем положении. На груди костяка алабастр, под черепом бусы (одна из египетской пасты с рельефным иероглифическим знаком), под шейкой урны — кучка мелких сосудиков и кухонная (по-видимому, лепная) сероглиняная миска, у северного края ямы алабастр.

Могут возразить: если скорченные погребения и детские погребения в сосудах — явление одного культового порядка, то почему последние существуют в течение длительного времени, а первые характерны только для раннего этапа античной культуры в Северном Причерноморье? В этом, однако, нет ничего удивительного. Скорченные погребения — наиболее архаический тип погребений. В Греции он никогда не имел преобладающего распространения, а сосуществовал эпизодически наряду с другими типами захоронений. Этого нельзя сказать о детских захоронениях в сосудах.

Наконец, имеются случаи одновременного захоронения в одной могиле скорченного покойника и ребенка в амфоре. Б. В. Фармаковским в Ольвии на территории б. Сигнальной станции (т. е. в северной части ольвийского городища) в 1925 г. открыто грунтовое погребение IV. Костяк взрослого человека лежал на левом боку, в скорченном положении, руки сложены на груди, головой на восток. Голова костяка лежала на остродонной амфоре, для которой в материке вырезано специальное углубление. Внутри амфоры обнаружен плохо сохранившийся детский костяк¹⁷³.

Аналогичные примеры есть и в некрополе Березани. Такова могила под литером К с дном, стенками и крышкой из деревянных досок: в гробнице костяк, лежащий на спине с согнутыми ногами (вариант скорченности). Инвентарь: «терракотовый флакон ионического стиля», красная мышьяковистая

¹⁷³ См. Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 190—191.

краска, пряслица, два изогнутых медных предмета, несколько кусочков перержавевшего железа и галька. Под крышкой гробницы две амфоры с отбитыми днищами, соприкасающиеся местами отбоя. В одной из них череп и несколько костей ребенка. Судя по одной детали инвентаря (пряслица), взрослое погребение является женским. В таком случае мы имеем дело с погребением матери и ребенка.

Менее ясно положение с погребениями № 119 и 120. Амфора с костяком находилась у ступней взрослого костяка, но несколько выше его, поэтому настаивать на одновременности захоронений было бы рискованно.

Итак, скорченные погребения и детские амфорные погребения в античных некрополях Северного Причерноморья — явление единого культурно-исторического порядка. Будучи ритуальным выражением одних и тех же идеологических представлений, они не могут рассматриваться изолированно и вне связи друг с другом. Всякое противопоставление одного из этих явлений другому является искусственным, так же как искусственно и этническое их противопоставление.

Чтобы окончить рассмотрение вопроса об этнической принадлежности скорченных захоронений в античных некрополях, остановимся еще на одном доказательстве. Выше отмечалось, что помещение в могилу монет как «оболов Харона» — явление чисто греческого характера, вызванное конкретными представлениями о загробном мире, отразившими в себе социальное расслоение и рост товарно-денежных отношений в греческом мире. Поэтому нахождение в могиле монет является надежным свидетельством в пользу греческого происхождения погребенного. Ритуал помещения с покойным «обола Харона» получает широкое распространение лишь с V в. до н. э., когда товарно-денежные отношения стали играть заметную роль в греческом обществе. Между тем обряд скорченных захоронений характерен в основном для архаического периода. Естественно, что возможности отыскания доказательств для установления греческой принадлежности скорченных захоронений при помощи «обола Харона» очень ограничены. И тем не менее несколько таких примеров все же имеется. Приведем их:

1. Березанский некрополь, погребение № 487. Костяк лежит на спине, головой на восток. Ноги в скорченном положении, коленями обращены на юг, руки сложены на груди. В левой руке ольвийский дельфинчик, на бедре правой ноги стрелка, у ног энохоя и вазочка.

2. Березанский некрополь, погребение № 505, представляющее собой гробницу, выложенную из плит камня-дикаря. Костяк лежит головой на восток. Положение костяка представляет вариант скорченности: руки согнуты в локтях и кистями обращены к нижней челюсти, левая нога согнута, правая вы-

тянута. У правой ноги обнаружены большой железный нож, ольвийский медный аск и крючок от медного предмета.

3. Ольвия, погребение II 1925 г. Костяк на спине, головой на Ю-ЮВ. Ноги сильно подогнуты. Правая рука лежит на правой ноге наружной стороной наверх, левая слегка согнута в локте. В разных местах найдены 6 ланцетовидных наконечников стрел, которыми, по предположению Б. В. Фармаковского, покойный был расстрелян. У левого плеча — сероглиняная чашка архаического типа¹⁷⁴. Погребение монет не содержит, однако настораживает одно обстоятельство. Находки двухлопастных, без шипов, стрел в Ольвии чрезвычайно редки. В то же время архаические стреловидные монеты, более частые в Ольвии, фигурируют у Б. В. Фармаковского и других исследователей этого времени под названием двухлопастных или ланцетовидных наконечников стрел. Не были ли и указанные наконечники стрел стреловидными монетными знаками? Такая возможность не исключена. Сознавая рискованность изложенного предположения, этот пример все же необходимо привести, так как даже в случае, если Б. В. Фармаковский прав в том, что покойник был расстрелян, погребение иллюстрирует еще одну сторону греко-варварских взаимоотношений — военные столкновения.

4. Подобный же сомнительный случай имеем и в Херсонесе при раскопках 1945 г. В могильной яме погребения № 8, представляющего вариант скорченности (руки сильно согнуты в локтях, повернуты к лицу, ноги скрещены ниже колен), обнаружена медная херсонесская монета. Здесь же найден и грубый кремневый скребок¹⁷⁵. Последняя находка ставит под сомнение принадлежность монеты погребению. Возможно, что она, как и кремневый скребок, попала в погребение из засыпи.

Совокупность изложенного материала, как кажется, позволяет с уверенностью говорить о греческой принадлежности погребений со скорченными костяками. Речь идет, разумеется, о погребениях в греческих некрополях. Тем самым не исключается возможность нахождения погребений этого рода и в некрополях негреческого населения того же времени.

И, наконец, несколько слов о парных погребениях в античных некрополях Северного Причерноморья. При раскопках так называемого таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. С. Ф. Стржелецким было открыто парное, как он полагает, погребение, один из костяков которого скорченный, другой — вытянутый¹⁷⁶. Именно это погребение, на наш взгляд, и явилось

¹⁷⁴ См. Б. В. Фармаковский, указ. соч., стр. 191—192.

¹⁷⁵ См. С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г., стр. 77.

¹⁷⁶ См. там же, стр. 74—75.

основой для вывода о чисто таврской принадлежности некрополя, где из девяти зафиксированных костяком 5 имеют вытянутое положение, т. е. положение, для тавров совсем не характерное. Попробуем восстановить логическую цепь рассуждений С. Ф. Стржелецкого: скорченный костяк принадлежит тавру; но он находится в связи с вытянутым костяком; следовательно, вытянутый костяк тоже таврский; отсюда естественно напрашивается вывод об эволюции таврского погребального обряда. — разумеется, под влиянием эллинской культуры, — от скорченного труположения к вытянутому; конечный вывод: все остальные вытянутые погребения принадлежат таврам, тем более что они объединены «общей основой» погребального обряда — угольно-зольной подсыпки. Возможен, однако, и другой путь рассуждений: вытянутый костяк принадлежит греку, следовательно, и скорченный — тоже грек, и т. д. К тому же сам факт парного захоронения не настолько уж очевиден, чтобы на основании его делать такие серьезные выводы, какие делает С. Ф. Стржелецкий.

Сомнение вызывает прежде всего само положение костяков. Костяки лежали один на другом: вытянутый сверху, скорченный под вытянутым, в ногах у него, причем череп скорченного находился непосредственно под тазом вытянутого костяка. Если подходить к погребению с реалистических позиций, то нетрудно заметить, что положение скорченного костяка отнюдь не свидетельствует о проявленных в отношении его заботе и уважении; не отличается особыми удобствами и положением вытянутого костяка. Взаимное расположение костяков, в случае одновременности их захоронения, по меньшей мере странно. Как правило, в парных погребениях трупы не складывались один на другой. Даже в коллективных гробницах при каждом новом захоронении более ранние костяки отодвигались в сторону и для нового захоронения освобождалось место.

Неубедительной представляется аргументация С. Ф. Стржелецкого: «если отказаться от очевидности одновременного захоронения, нужно признать, что при захоронении верхнего не только точно раскопали могилу нижнего, но к тому же костяк последнего был расчищен по всем правилам археологической методики». С. Ф. Стржелецкий излишне усложняет вопрос. Отмеченная исследователем ситуация вполне могла сложиться и в том случае, если первое (нижнее) и второе (верхнее) захоронения отделены одно от другого сравнительно небольшим отрезком времени, пока еще распад тканей первого не закончился, а засыпка не уплотнилась. Если прослойка земли между обоими погребениями была незначительна, в процессе окончательного распада первого трупа она должна осесть, заполнить свободное пространство, а костяки — принять то положение, которое и было зафиксировано исследователем.

Суть не в этом. Сам факт парного, или, как его именует исследователь, «коллективного», захоронения рассматривается С. Ф. Стржелецким как явление абсолютно недопустимое в греческом обществе. Парность захоронения выступает как одно из бесспорных доказательств его таврской принадлежности. С этим согласиться нельзя. В античных некрополях имеются случаи парных захоронений, в греческом происхождении которых нет оснований сомневаться.

Таково, например, погребение № 207—208 Березанского некрополя. Два костяка лежат головами на восток, рядом. Один из них больший, со стертymi зубами, другой — меньших размеров с молодыми неповрежденными зубами. Ноги обоих костяков вытянуты, руки меньшего костяка вытянуты у боков, правая рука большего костяка подведена под шею меньшего и протянута за этот костяк, левая рука протянута на нижнюю часть таза.

Картина погребения совершенно ясна. Погребенные были или супружеской четой или родителем с сыном (соответственно с дочерью). Это вполне естественный случай одновременной смерти и погребения двух связанных родственными узами людей, возможный в любом обществе.

Березанский некрополь дает и примеры таких захоронений, которые могут рассматриваться как коллективные¹⁷⁷, хотя никаких так называемых местных черт в этих коллективных погребениях не наблюдается. В полосе IX некрополя ниже каменной кольцеобразной стены, частью выходя за пределы ее, обнаружены 7 амфор горлами вверх и вниз, взаимное расположение которых напоминает полукруг. Под ними, постепенно понижаясь, лежит 6 костяков (судя по чертежу, 8; из них 4 — в один ряд, 3—самые нижние — несколько к СВ, частью уходя под верхние костяки; одно погребение, № 420, к ЮЗ от центральной группы). У ног верхнего костяка — сероглиняная ваза; у другого — медная игла; у правого плеча третьего — 2 чернотинных горшочка (из них один разбитый), желтоглиняный кувшин и еще один какой-то сосуд, на груди игла; следующий скелет обставлен досками и обсыпан углем; у черепа его обнаружена перпендикулярно стоящая каменная плита; еще у одного костяка обнаружены 6 костяных клиновидных пластинок. На коллективность захоронений указывает компактность расположения костяков, строго выдержанная ориентация и некоторое однообразие погребального обряда, заключающееся в помещении над покойным амфоры.

¹⁷⁷ Коллективность погребения не означает одновременности всех составляющих его индивидуальных захоронений. Под коллективностью захоронений мы подразумеваем одновременность или многократность захоронений в строго определенном месте останков лиц, связанных родством или какой-либо иной общностью.

Характер коллективного захоронения носит и вторая открытая в той же полосе группа погребений № 445—451, расположенная к северу от первой. Так же, как и в первом случае, их объединяет компактность расположения костяков и ориентация, совпадающая с ориентацией костяков первой группы (с СВ на ЮЗ). Никаких общих черт в ритуале захоронений не отмечено, если не считать, что при двух костяках было обнаружено по пять костяных клиновидных пластинок.

Несомненно, что в подобных случаях мы имеем дело с традиционными местами погребения отдельных семей, — явлением, наблюдающимся и сейчас на мелких провинциальных кладбищах. Это, конечно, элемент культа, но элемент, не связанный с каким-то определенным этносом. Сомнительно усматривать здесь отражение «местных» погребальных обрядов.

В заключение краткого образа греческого погребального обряда, рассмотренного под углом зрения его этнической принадлежности, подчеркнем нашу основную мысль: как всякое культурно-историческое явление, погребальный обряд не может быть отражением только настоящего момента. Помимо настоящего, в нем всегда присутствуют элементы прошлого. Попытки отсечь это прошлое приносят горькие плоды и все более запутывают решение вопроса.

Какого-то однообразного «устоявшегося» погребального ритуала нет и в некрополях метрополии. Еще меньше оснований ожидать его в некрополях греческой периферии. Необходимо все время иметь в виду специфику возникновения греческих колоний, разношерстный и в племенном и в социальном отношениях состав греческих переселенцев. У Плутарха мы встречаем любопытное сообщение: «...Солон ссылается на то, что умершие похоронены на Саламине не по обычаю мегарян, а так, как хоронят афиняне: мегаряне обращают тела умерших к востоку, а афиняне — к западу. Однако мегарянин Герей на это возражает, что и мегаряне кладут тела мертвых, обращая их к западу и, что еще важнее, у каждого афинянина есть своя отдельная могила, а у мегарян по трое или четверо лежат в одной»¹⁷⁸. Эти и подобные им детали погребального обряда были у древних реальным отражением выработавшихся в процессе развития племен со свойственными каждому из них идеологическими представлениями, культовыми традициями и т. д. С возникновением городов и ростом противоречий между ними и хорами появляются различия городской и сельской культуры. В этом же направлении действует и рост социального неравенства в греческом обществе. В корне неправильно подменять все это многообразие социально-экономических явлений в греческом обществе и их отражение в греческом культе

менее существенными и более сомнительными в смысле их достоверности этническими различиями.

Если с таких позиций мы попытаемся обратиться, например, к анализу тех же скорченных погребений в античных некрополях, мы должны будем констатировать, что: 1) скорченные захоронения принадлежат социальным кругам со сравнительно еще прочными родовыми связями, выраженными в архаических, тотемистического характера, формах культа предков; 2) они принадлежат социальным кругам, где прочность и консервативность культа плодоносящих сил природы является выражением их тесной связи с землей и ее плодоносящей функцией, т. е. скорее всего земледельческим кругам греческого общества; 3) вывод, напрашивающийся при анализе очень скудного и бедного в основной своей массе инвентаря скорченных погребений, — большинство скорченных погребений принадлежит социально неимущим слоям греческого общества.

В настоящей главе рассмотрены вкратце два вида археологических источников. В сочетании с тем, что изложено в предыдущих главах, они, как мы надеемся, дают некоторое представление о характере материальной культуры ранних античных поселений Северного Причерноморья и вместе с тем являются источником при изучении вопроса о взаимоотношениях греческих колоний с окружавшим их родоплеменным миром. Последний вопрос решается здесь пока лишь в отрицательном плане. Вполне сознавая эту односторонность и ее противоречие теорий двусторонности в широком понимании этого термина, мы исходим из тех соображений, что существующие положительные решения страдают не меньшей односторонностью: они все в большей степени игнорируют тот факт, что Северное Причерноморье — это стык двух, без сомнения взаимодействующих, но различных миров, различных не столько количественно (в смысле степени их общественного развития), сколько качественно (в смысле исторических путей их развития).

¹⁷⁸ Plut., Sol., X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Греческая колонизация Северного Причерноморья была частью единого колонизационного процесса, вызванного внутренним социально-экономическим развитием греческого общества. Будучи имманентным по своему содержанию, этот процесс не имел характера двусторонности и протекал независимо от уровня общественно-экономического развития племен, в районы обитания которых направлялся колонизационный поток. Если и можно говорить о двусторонности, то только о двусторонности взаимодействия, а не взаимозависимости, о двусторонности отношений двух сталкивающихся в процессе колонизации общественных коллективов — пришлого и аборигенного. Эта особенность греческой колонизации весьма ярко обнаруживает себя в Северном Причерноморье, где, в соответствии с современным уровнем знания, в предколонизационный период можно наметить две вероятных ситуации.

В первом случае степная полоса Северного Причерноморья предстает к моменту колонизации как район временного и, по-видимому, относительного обезлюдения, что могло явиться результатом столкновения двух этнических массивов — местного оседлого, именуемого древней традицией как «киммерийцы» и оставившего обильные памятники эпохи поздней бронзы, и пришлого кочевого, фигурирующего в древней традиции под общим именем «скифов»; материальная культура последних на этой территории, по крайней мере на раннем этапе, нам неизвестна. Этот своеобразный *interregnum* должен был благоприятно влиять на ход колонизации и содействовать освоению греками уже на раннем ее этапе сравнительно обширных районов.

Во втором случае, если предлагаемая нами датировка керамики гальштатовидного облика подтвердится, лакуна между эпохой поздней бронзы и эпохой греческой цивилизации в Северном Причерноморье может быть значительно заполнена или даже почти сведена на нет. В этом случае не исключена возможность столкновения греческих колонистов с местным населением, оставившим керамику гальштатовидного облика, и вытеснения этого населения из районов колонизации. Для пред-

положений о временном сосуществовании аборигенов и пришельцев, об ассимиляции первых вторыми пока нет никаких данных.

Так или иначе, существующая ныне теория колонизации как процесса медленного проникновения греков в Северное Причерноморье путем завязывания торговых отношений с аборигенным населением, путем постепенного внедрения сначала эмпориев, а затем и торговых городов или преобразования эмпориев в города ничем не может быть реально подтверждена. На основании имеющегося материала можно говорить о сравнительно быстром освоении большими массами греческих переселенцев значительных районов Причерноморья.

Уже на этом раннем этапе колонизации города не являются единственными и изолированными вкраплениями греческой цивилизации в варварскую среду. Наряду с ними сразу же возникли и многочисленные поселения аграрного типа. Именно возникновение этих сельских поселений, куда направлялась основная масса переселенцев, было основным содержанием колонизационного процесса. Для этого периода вряд ли можно говорить о существовании заметной противоположности между городом и деревней. Торговые города не более реальны, чем торговая колонизация. Само употребление термина «город» как для этого, так и для последующего времени требует внимательности и осторожности. Во всяком случае, отождествление его с греческим *ΠΟΛΙΣ*’ом методически вряд ли правильно. «Греческие полисы» Северного Причерноморья — это «греческие государства», а не города. Совокупность этих государств образует, соответственно, античный мир или античную цивилизацию Северного Причерноморья, развитие которой на всех ее этапах протекает в теснейшей связи со всем античным миром, хотя и имеет свои местные особенности.

Социальный состав переселенцев выступает достаточно отчетливо. Это в подавляющей массе трудовые и неимущие слои греческого общества. Этим определялся и экономический характер создаваемых переселенческими коллективами поселений. Поскольку местное население, с которым греки «вступали в активные торговые связи», пока прослеживается лишь в современной историографии, следует предположить, что греческие поселения сразу же с момента их возникновения носили производящий, аграрно-ремесленный, а не торговый характер. Основу экономики составляло сельское хозяйство. Ремесло по отношению к нему играло соподчиненную роль и удовлетворяло прежде всего нужды сельского хозяйства. По мере развития товарности производства и роста торговых и обменных связей с метрополией и окружающим родоплеменным миром роль ремесла должна была возрастать. Это, в свою очередь, вело к углублению противоположности между городом и деревней.

Можно полагать, что развитие форм государственности, не

нашедшее отражения в настоящей работе, более или менее точно следовало изменениям в социально-экономической структуре общества. Для раннего этапа, когда локальные особенности отдельных районов колонизации еще не могли в достаточной мере проявиться, а исходная форма государственности в значительной степени предопределялась государственным устройством метрополии и специфическими условиями организации колоний, по-видимому, можно говорить о сравнительном единообразии форм государственности для всего Северного Причерноморья.

Реконструировать эти первоначальные формы с большей или меньшей точностью при настоящем уровне знаний нельзя. Наименее вероятной представляется демократическая форма государственного устройства, во всяком случае та форма демократии, которая знакома нам по классическим временам классической Греции и которая воспроизводится многими современными исследователями как вневременный и статичный эталон греческой государственности вообще; эта форма демократии является уже определенным итогом вековых завоеваний греческой цивилизации. Больше оснований полагать, что это была форма, близкая раннегреческой тирании, что соответствовало: а) политической ситуации в самих греческих метрополиях и большой распространенности в них тирании как особой переходной формы государственности от господства родовой аристократии к классовому демократическому обществу; б) социальной структуре ранних колоний и преобладающей роли масс земледельческого населения, которое в силу условий своего труда и быта проявляет в государственной жизни большую индифферентность, чем положим, ремесленные или торговые круги¹; в) особому положению ойкиса колонии, наделенного большими полномочиями во всех сферах жизни колонии, в силу чего власть его уже сама по себе приближалась по своему характеру к власти раннегреческого тирана.

Дальнейшая эволюция государственности шла в направлении развития и укрещения демократических форм государственного строя. Это соответствовало углубляющейся классовой дифференциации общества, возрастанию экономической и политической роли ремесленных и торговых слоев населения. На данном этапе локальные особенности проявляются уже доста-

¹ Это отчетливо понимали уже Аристотель (см. *Arist., Pol.*, V, 4, 5; интересное замечание в VI, 2, 1—2: «Так как этот класс, не обладающий значительной собственностью, не в состоянии отдаваться исключительно политической деятельности, то он и не имеет возможности часто принимать участие в заседаниях народного собрания») и Псевдо-Ксенофонт (имеем в виду его замечание о зависимости демократической формы правления от обладающей роли ΝΑΥΤΙΚΟΣ ΟΧΛΟΣ — добавим; и ремесленных слоев, — [Xen], *Αθ. Πολ.*, I, 2).

точно отчетливо. Особым своеобразием отличается политический строй Боспорского государства, но и для него в качестве исходной государственной формы естественнее допустить нечто вроде раннегреческой тирании с последующим закреплением наследственности и единоличности архонтата. При таком подходе к вопросу нет необходимости видеть государственный переворот в приходе к власти Археанактидов².

Одним из сложнейших является вопрос о взаимоотношениях с местным родоплеменным миром. Для раннего этапа колонизации этот мир почти не улавливается. Позднее он выступает уже более отчетливо как реальная историческая сила, если и не в материальной культуре, то в литературной традиции и в лапидарных памятниках, являющихся, несмотря на скудность сведений, которые в них содержатся, пока единственным вполне надежным источником.

Отрицательное решение вопроса о взаимоотношениях с варварским миром в данной работе может быть воспринято как отрицание вообще какого бы то ни было варварского населения в районах колонизации. Это было бы ошибочно. Высказанные здесь соображения могут претендовать на значение истины весьма относительной. Пути отыскания истины абсолютной — в критической проверке существующих теорий, в выработке и оттачивании методов исследования, и прежде всего методов выяснения этноса по памятникам материальной культуры.

Проблема греческой колонизации Северного Причерноморья, как одного из определяющих этапов в развитии античной цивилизации на Юге нашей родины, не утрачивает своей остроты и актуальности и ждет новых исследователей.

² Ср. Т. В. Блаватская. *Очерки политической истории Боспора V—IV вв. до нашей эры.* М., 1959, стр. 23.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

AE	— <i>Archaeologiae Aegyptiacae</i>
АП	— Археологічні пам'ятки.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии, М., 1953.
ЖМНПр	— Журнал министерства народного просвещения.
ЗООА	— Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ІЗКДУ	— Историчний збірник Київського державного університету.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МАР	— Материалы по археологии России.
МГПИ	— Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
ОГАМ	— Одесский государственный археологический музей.
ПИСПАЭ	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху, М., 1959.
СП	— С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953.
SIG	— Sylloge Inscriptiones Graecarum.
Труды XIII АС	— Труды XIII Археологического съезда.
Atti	— Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Roma.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Общие вопросы историографии методологии	5
Глава II. Северное Причерноморье накануне греческой колонизации	35
Глава III. О так называемом эмпориальном периоде	60
Постановка вопроса	60
Поселение на о. Березани	86
Глава IV. Начальный этап колонизации Нижнего Побужья. Поселения	148
Литературная традиция	148
Типы жилищ	153
Керамика	159
Погребальный обряд	168
Несколько общих вопросов колонизации	174
Глава V. Взаимоотношения с варварским миром. Города	184
Антропонимия	187
Погребальный обряд	201
Заключение	234
Список принятых сокращений	238

Kharkov University

0 002505 8 6